

ISSN 2074-8566

ВЕСНІК

Віцебскага дзяржаўнага
універсітэта

2009 № 4(54)

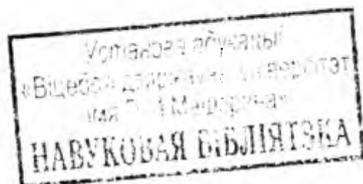

В Е С Н І К

Віцебскага дзяржаўнага
універсітэта

НАВУКОВА-ПРАКТЫЧНЫ
ЧАСОПІС

Выдаецца з верасня 1996 года
Выходзіць чатыры разы ў год

2009 № 4(54)

ЗАСНАВАЛЬНІК: установа адукацыі «Віцебскі дзяржаўны
універсітэт імя П.М. Машэрава»

Рэдакцыйная калегія:

А.П. Саладкоў (галоўны рэдактар),
А.Л. Гладкоў (нам. галоўнага рэдактара),
І.М. Прышчэпа (нам. галоўнага рэдактара),
А.І. Мацяюн (адказны сакратар),
С.Л. Багамаз, В.М. Бібіла, А.В. Ванкевіч, М.Ц. Вараб'ёў,
Г.А. Васілевіч, Я.А. Васіленка, Н.С. Віслабокава,
В.І. Гідрановіч, Т.В. Катовіч, В.П. Клімовіч, В.А. Космач,
В.Я. Кузьменка, В.М. Куліева, І.Л. Лапін, С.А. Матораў,
Г.М. Мезенка, В.М. Мінаева, Г.І. Міхасёў, П.І. Навіцкі,
В.І. Несцяровіч, А.А. Несцярэнка, В.П. Пракапцова,
М.М. Расолаў, Э.І. Рудкоўскі, А.У. Русецкі, Ю.А. Русецкі,
М.А. Слямнёў, М.К. Талочка, Т.М. Тузова, І.А. Фурманаў,
У.Л. Фядотаў, У.М. Хоміч, А.Г. Цікавенка, Ю.М. Чурко,
І.І. Шматкоў, У.А. Янчук

*Часопіс «Веснік Віцебскага дзяржаўнага універсітэта»
цытуецца і рэферыруецца ў рэфератыўных выданнях УІНІТІ*

Адрас рэдакцыі:

210038, Віцебск, Маскоўскі пр-т, 33,
пакой 123, т. 22-33-79
E-mail: rio@vsu.by
<http://www.vsu.by>

Рэдактар
Камп'ютэрны набор
Карэктар

*А.М. Фенчанка
Г.У. Рызбоева
А.В. Говарава*

Рэгістрацыйны № 750 ад 27.10.2009.

Ліцэнзія ЛВ № 02330/0494385 ад 16.03.2009.

Падпісана ў друк 23.12.2009. Фармат 70x108 1/8. Папера друкарская. Афсетны друк.
Ум. друк. арк. 28,00. Ул.-выд. арк. 12,68. Тыраж 105 экз. Заказ **221**.

Выдавец і паліграфічнае выкананне – установа адукацыі
«Віцебскі дзяржаўны універсітэт імя П.М. Машэрава».
210038, г. Віцебск, Маскоўскі праспект, 33.

З М Е С Т

Арыгінальныя артыкулы

Філасофія

- Голубев С.В.** «Конфликтные» концепции власти: логико-понятийный анализ 3
- Табачков А.С.** Исторический источник: онто-гносеологический анализ 8

Гісторыя

- Морозько Е.В.** Организация учебного процесса в Минской духовной семинарии (вторая половина XIX в.) 13
- Субоцін А.А.** Успрыманне стаханаўскага руху рабочымі БССР у сярэдзіне 1930-х гг. 17
- Тимофеев Р.В.** Материально-технические условия развития транспорта БССР в 1943–1991 гг. 23

Правазнаўства

- Борботько П.В., Шматков И.И.** Некоторые вопросы практической реализации норм международного гуманитарного права в годы Первой мировой войны 31
- Марчук В.В.** Новая редакция статьи 174 УК Республики Беларусь (вопросы криминализации, пенализации и квалификации) 37

Педагогіка

- Орлова А.П.** Учение К.Д. Ушинского о народности воспитания как фактор развития научной педагогики (к 185-летию со дня рождения ученого) 44
- Минаева В.М.** Становление и развитие внеклассной природоведческой работы в начальной школе (1918 – начало 50-х годов XX в.) ... 51
- Ракова Н.А.** Содержательно-процессуальные аспекты изучения курса педагогики в вузе 57
- Гмох Ришард.** Тестирование студентов как средство проверки знаний и умений в вузе 61
- Горлачева И.И.** Социально-педагогическая составляющая в содержании медицинского образования 64

Псіхалогія

- Молчанова Н.В.** Роль эмоционально-личностной оценки в коммуникативной интеракции 72
- Кухтова Н.В.** Психологические особенности протекания беременности 77

Філалогія

- Градзюшко А.А.** Становление и развитие инфраструктуры Интернет-СМИ 83
- Юрченко И.А.** Общее и национально-специфическое в образах-эталонах устойчивых сравнений 88

<i>Борисевич О.А.</i> Структурные особенности православной экклезиологии Беларуси	93
<i>Голубович О.П.</i> Личное имя в полоцкой деловой письменности: культурологический аспект	98
<i>Дзядова А.С., Даўбешка Н.П.</i> Безэквівалентная лексіка: сінхранічны і дыяхранічны аспекты	103

М а с т а ц т в а з н а ў с т в а

<i>Котович Т.В., Малей А.А.</i> Цветовая триада в спектаклях Коласовского театра: семантика черного-белого-красного	108
<i>Ху И Цзюань.</i> Музыкальное образование в Китае конца XIX и начала XX века	112

М а т э м а т ы к а

<i>Кулаженко Ю.И.</i> n -Арные аналоги двух теорем аффинной геометрии и полуабелевость n -арных групп	119
---	-----

Б і я л о г і я

<i>Морозова И.М., Ламан Н.А., Прохоров В.Н.</i> Динамика накопления некоторых азотистых веществ у морфотипов галеги восточной (<i>Galega orientalis</i> Lam.)	126
--	-----

<i>Седловская С.М.</i> Оценка влияния ксенобиотиков на трансформацию энергии пищи у дубового шелкопряда (<i>Antheraea Pernyi</i> G.-M.) ...	132
--	-----

<i>Крестьянинова Т.Ю., Прищепя И.М.</i> Оптимизация рациона питания учащихся с целью коррекции дисбиотических расстройств кишечника, обусловленных учебным стрессом	138
---	-----

Бібліяграфія	143
---------------------------	-----

Х р о н і к а	144
----------------------------	-----

Памяці калегі	146
----------------------------	-----

Р э ф е р а т ы	147
------------------------------	-----

З в е с т к і п р а а ў т а р а ў	153
--	-----

Пералік артыкулаў, змешчаных у часопісах «Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта» (№№ 51–54)	155
---	-----

С.В. Голубев

«Конфликтные» концепции власти: ЛОГИКО-ПОНЯТИЙНЫЙ АНАЛИЗ

Исследование феномена власти является, очевидно, одной из самых актуальных проблем социальной науки в обществах, развитие которых опирается, прежде всего, на эффективное государственное управление. К таковым, как известно, относится и Республика Беларусь. Цель настоящей статьи – рассмотреть, используя методы логического и семантического анализа, концептуально-теоретические основания и адекватность понятийного аппарата «конфликтных» концепций власти.

В современной социальной теории можно выделить два основных концептуальных подхода к пониманию происхождения и сущности власти – конфликтный и консенсуальный (или интегративный) [1–2]. Для первого характерно подчеркивание принудительности, «насильственности» власти, эксплицитное или имплицитное утверждение ее произвольности и искусственности, противопоставление подчинения власти и свободы. Второй акцентирует организационную, интегративную функцию власти, ее объективную необходимость и благотворность для социальной жизни. В академическом труде российских политологов «Технология власти» эти подходы характеризуются следующим образом: «власть, в конечном счете, существует только в поле потенциального конфликта (согласно «конфликтному» подходу. – С.Г.) и проявляется в одностороннем отношении, – от причины (власть) к действию (вынужденное изменение поведения слабой стороны)... Точка зрения консенсусной теории власти, согласно которой власть соответствует человеческой способности не только действовать и что-то предпринимать, но и объединяться с другими, действовать в согласии с ними. Властью никогда не располагает кто-то один: она принадлежит всей группе и существует до тех пор, пока группа держится вместе» [1, с. 6]. Далее отмечается, что сравнивая «конфликтное», и «консенсусное» понимание власти, «можно сказать, что в первом случае власть порождает систему (общественных отношений. – С.Г.)... во втором – система порождает власть. Оба теоретических положения могут быть поняты как абстракции двух различных архетипов политической ситуации» [1, с. 7]. Действительно, эти принципиально отличные концепции власти по своей внутренней логике требуют и различных представлений об исходной «политической ситуации», то есть совершенно разного понимания происхождения и сущности политической жизни общества. В случае такой «политической ситуации», когда система политических отношений в обществе возникает в результате действий власти, эта система, поскольку власть сама по себе не действует и ничего не «порождает», по сути, оказывается порождением индивида, его властной воли, которая и становится, тем самым, подлинным и единственным источником власти, основанием политического устройства, да и социальной организации в целом. Это «архетипическое» представление и является фундаментальным для «конфликтной теории» власти.

Для «консенсусной теории» власть есть неотъемлемое свойство социальной системы, а не порождение индивида. Последний не производит, а *получает* власть, занимая определенное положение в рамках произвольно устроенного социального порядка. В этом «архетипе политической ситуации» властные отношения складываются естественно-необходимым образом и являются закономерным следствием (и условием) социальной организации.

В современной философии и социальной науке преобладает «конфликтный» подход к пониманию власти, сводящий ее в общем к возможности субъекта осуществлять свою волю. Важнейшим теоретическим источником такого понимания является концепция власти М. Вебера. Немецкий ученый считал, что «власть означает любую возможность проводить собственную волю даже вопреки сопротивлению вне зависимости от того, на чем такая возможность основана» [3]. Это определение власти сегодня часто называется «классическим», по свидетельству Н. Крадина: «Другие распространенные в социологии, антропологии и политических науках определения власти также находятся в русле веберовской традиции» [2, с. 67]. Характерно, что в «Новой философской энциклопедии» в качестве исходного общего определения власти, по сути, просто приводится цитата из работы Вебера: «Власть состоит в способности индивида А добиться от индивида Б такого поведения или такого воздержания от действий, которое Б в противном случае не принял бы и которое соответствует воле А» [4].

Отметим, что подобное понимание власти, является, по сути, неизбежным следствием методологического номинализма, которого, как известно, придерживался Вебер в своих теоретических построениях, и вряд ли может претендовать на свободу от методологической предзаданности. Не случайно в западной социальной науке распространено восходящее к Т. Парсонсу толкование социологии Вебера как «атомистической и волюнтаристски-субъективистской» [5]. А российский исследователь веберизма Ю.Н. Давыдов так характеризует основную мировоззренческую установку немецкого социолога: «Что раздор и борьба – исходны и первичны, а примирение – условно и вторично, эта глубоко коренящаяся в духе большинства протестантских мыслителей мировоззренческая установка составляет фундамент также и веберовского мировоззрения» [5, с. 115].

В наши задачи не входит, конечно, общий анализ социологической теории Вебера, и, тем более, рассмотрение ее мировоззренческих предпосылок. Мы не будем судить и о том, насколько адекватно предложенное им определение власти может вписываться в ту или иную, известным образом выстроенную *идеально-типическую* конструкцию. Цель нашего анализа – показать, что оно, вопреки распространенному мнению, не может служить в качестве общего, раскрывающего сущность определения власти.

Материал и методы. Прежде всего, отметим: принципиальный для любой конфликтно-индивидуалистической концепции власти тезис о том, что власть, в сущности своей, есть производное волевых устремлений индивида, имманентно содержит то положение, что у индивида, *по природе*, имеется такое свойство, как стремление, *воля к власти*. Соответственно, если власть определяется как «способность проводить свою волю даже вопреки сопротивлению», то получаем, что у человека есть стремление к тому, чтобы обладать «способностью проводить свою волю даже вопреки сопротивлению» других. Поскольку обладание способностью может быть удостоверено только посредством ее реализации и, вообще говоря, предполагает стремление к последней, приходится утверждать, что человеку, по природе, свойственно стремление навязывать свою волю другим. Это утверждение оказывается логически необходимым для волюнтаристских, «конфликтных» концепций происхождения и сущности власти.

Однако, то, что у человека есть такое стремление, не является научно установленным фактом. Это не более чем предположение, действительное обоснование которого требует такого проникновения в «глубины» человеческой психики, которое представляется в принципе проблематичным.

В силу этого, основывающиеся, явно или нет, на постулировании наличия у человека стремления «проводить свою волю даже вопреки сопротивлению» «конфликтно-индивидуалистические» концепции власти не могут считаться удовлетворяющими критериям научности. Неудивительно, что Н. Луман, например, считает нужным подчеркнуть, что «наиболее важное» отличие разрабатываемой им общей теории власти от «старых теорий власти» в том, что она «не склонна приписывать власть как некое качество или способность никому из партнеров властных отношений» [6].

Показательно также, что в рамках индивидуалистических концепций власть часто определяется через понятие «господства», которое не свободно от *метафоричности* и, адекватно скорее литературно-образному, чем теоретическому стилю мышления. В русском языке слово «господство» первоначально означало «хозяйство». Ясно, что *владение* «хозяйством» не терпит произвола, а требует от хозяина, прежде всего, *исполнения обязанностей*, объективно необходимых для поддержания хозяйства в *порядке*. Так что исходные смыслы понятия «господство» отличны от тех, которые вкладываются в него волюнтаристскими концепциями власти. Недостаточная смысловая определенность понятия «господство» сочетается с тем обстоятельством, что в современном словоупотреблении ему, как правило, присущи интенсивная эмоциональная окрашенность и нагруженность негативными смысловыми коннотациями, что объективно препятствует употреблению этого понятия в качестве термина.

Если говорить о тех понятиях, которые непосредственно используются в «классическом» определении Вебера, то понятие «сопротивление» также представляется не совсем уместным для объективного анализа власти. Как термин оно имеет исключительно физический смысл, а в обыденном употреблении ему также свойственны значительная смысловая неопределенность и эмоциональная окрашенность. Включение в социально-теоретический дискурс понятия «сопротивление», вообще говоря, вряд ли оправдано, ибо не только не способствует строгости мышления, но и «размывает» демаркацию между научным исследованием и идеологическими построениями. А присутствие «сопротивления» в концептуальной характеристике власти объективно свидетельствует о механистичности такой характеристики и приводит к представлениям о «конфликтогенности» феномена власти. Использование в определении власти понятия «сопротивление», означаящего, в «непереносном» смысле, не что иное, как процесс взаимодействия, *столкновения* противоположно направленных *сил*, имманентно предполагает постулирование силы в качестве основы власти. Ибо любая возможность «провести» чтобы то ни было «вопреки сопротивлению», в соответствии с понятием, может иметь только одно основание, – большую, чем сопротивляющаяся, силу. Поэтому, если власть определяется как способность преодолеть сопротивление, то (вне зависимости от практически бессодержательных оговорок о «независимости от того, на чем такая способность основана») по существу своему такая власть оказывается не чем иным, как основанной на силе способностью к принуждению.

Поскольку это так, высказывание «Власть состоит в способности провести собственную волю даже вопреки сопротивлению, вне зависимости от того, на чем такая способность основана», должно быть приведено к более осмысленному виду: «Власть состоит в способности провести собственную волю посредством принуждения силой». Это высказывание, в свою очередь, также может и должно быть конкретизировано за счет устранения излишних, только

затемняющих его смысл понятий «собственная воля» и «сила». Понятие «собственная воля» излишне, поскольку относится к понятию «способность», но это последнее, вообще и в данном контексте в особенности, предполагает понятие субъекта, в котором, по определению, содержится понятие «собственная воля». Понятие «сила», вообще, подразумевается в понятии «принуждение», а в данном случае эти понятия по сути, взаимозаменяемы и одно ничего не добавляет к другому.

Таким образом, первое из вышеприведенных высказываний по своему смысловому содержанию равносильно утверждению: «Власть состоит в способности к принуждению». Понятие «принуждение» находится в одном ассоциативном ряду с понятием «господство», нередко они выступают даже в качестве синонимов. Господство, согласно современному словоупотреблению, и состоит в *способности к принуждению*. Соответственно, утверждение «Власть состоит в способности к принуждению» сводится к утверждению, что «власть состоит в господстве». «Господство», следовательно, оказывается *последним словом*, концептуальной основой индивидуалистических теорий происхождения и сущности власти. Но подобное обстоятельство, в силу отмеченных выше и, вообще-то, самоочевидных особенностей этого понятия, само по себе свидетельствует о невозможности выработки в рамках этих теорий сколько-нибудь терминологически строгого определения власти, не говоря уже о необходимости для них постулировать наличие у индивида как такового стремления к господству.

Понятие «принуждение» не в большей степени пригодно для объективного исследования, чем понятие «господство». Первому не менее, чем второму свойственны смысловая неопределенность, метафоричность и негативная эмоциональная нагруженность. «Принуждение», вообще говоря, не свободно от субъективного восприятия и субъективной оценки, в нем неустраним субъективно-эмоциональный «остаток», ибо посредством объективного наблюдения во многих случаях невозможно установить, насколько вынужденными были те или иные действия индивида.

Содержательный анализ понятия «принуждение», в свою очередь, возвращает мышление к априорно-аналитически выводимым из него (принуждения) понятиям «воля» и «сила». Принуждение, в прямом смысле, есть навязывание внешней воли силой, насилие, и, очевидно, может быть двух видов: физическое и психическое. Соответственно, принуждение может осуществляться либо посредством применения физической силы (или угрозы применения таковой), либо применением психической силы. Но понятие «психическая сила», «психическое насилие» не обладает сколько-нибудь определенным смыслом и находится вне пределов современного научного дискурса, так же, как феномен «психологического принуждения», за пределами объективно фиксируемого. «Сила», как определенное понятие, имеет сугубо физический смысл и фиксируется исключительно как физическое явление. Поэтому в утверждении «Власть состоит в способности к принуждению», претендующем на теоретический статус, более того, просто на обладание определенным смыслом, может идти речь только о способности к *физическому* принуждению, насилию.

Результаты и их обсуждение. Таким образом, можно констатировать, что конфликтно-индивидуалистические концепции власти не способны предложить иного ее понимания, чем такое, которое, по существу, отождествляет власть со способностью к принуждению посредством применения физической силы. Заметим, что схожее понимание власти свойственно поверхностным представлениям обыденного сознания, что является объективным показателем того, что данные концепции лишь по своей внешней форме, а не содержательно выходят за рамки этих представлений. Не случайно все понятия, из которых построено веберовское определение власти принадлежат обыденному языку.

Важнейшее для рассматриваемых концепций власти понятие «воля» активно характеризует внутренний мир индивида. Внешнее наблюдение, в массе случаев, не позволяет с необходимой достоверностью установить, что данное действие индивида, вне зависимости от того, властвующий он или подвластный, является проведением его воли. Понятие «воля» поэтому не принадлежит и не может принадлежать к терминологическому аппарату социологии или политологии, вообще, социальной науки. Характеризуя в целом основополагающий понятийный ряд конфликтно-индивидуалистических концепций происхождения и сущности власти, можно сделать вывод, что они «вращаются» в ограниченном кругу понятий: сила, насилие, принуждение, сопротивление, господство, воля – и не способны выйти за его пределы. Ни одно из этих понятий не имеет общепризнанного четкого терминологического статуса в науке об обществе. Всем им присущи смысловая неопределенность, метафоричность, интенсивная эмоциональная окрашенность и механистические или психологические коннотации.

Такие понятийные рамки слишком неопределенны, чтобы получить сколько-нибудь строгую дефиницию и слишком узки, чтобы в них можно было построить общее определение столь фундаментального феномена как власть. Не случайно, по словам современных исследователей М.В. Ильина и А.Ю. Мельвиля, «приходится признать, что приблизительность и небрежность в обращении со словом *власть* и близкими ему, по некоторым значениям, словами – *мощь, влияние, сила, господство* – создают немало проблем и для политической практики, и для политических наук» [7]. Эти же авторы, отмечая, что во многих определениях власти «она так или иначе связывается с *принуждением*, навязыванием своей воли, приказанием», говорят, что «подобное фокусирование внимания на директивном аспекте власти вполне понятно: это удобно для конструирования весьма простых моделей властных отношений... В этом случае, однако, возникает опасность увлечения не только простыми, но и явно зауженными трактовками власти. Нередко такие трактовки сводят власть к *господству* или даже отождествляют ее с основным средством (ресурсом) этого господства – *принуждающим* насилием» [7, с. 60]. Уточним, для придания последнему утверждению необходимой степени общности, – не «нередко», а как было показано в ходе проведенного понятийного анализа «таких трактовок», – *всегда*, с логической необходимостью, даже если, как в рассмотренном определении Вебера, понятия «принуждение», «сила», «насилие», «господство» явно не употребляются.

Лаконично подчеркнул упрощенность и узость трактовок власти, сводящих ее к принуждению, Н. Луман: «Власть следует отличать от *принуждения* к какому-либо конкретному действию» [6, с. 18]. Показательно и мнение известной исследовательницы Х. Арендт. «Я считаю довольно грустным тот факт, – пишет она, – что наша терминология не проводит различия между такими ключевыми словами, как *власть, мощь, сила, авторитет* и, наконец, *насилие*. Все они относятся к различным феноменам... Использование их в качестве синонимов не только указывает на определенную глухоту к лингвистическому значению, что само по себе достаточно серьезно, но также ведет к своего рода слепоте в отношении реальностей, которым они соответствуют» [7].

С этим суждением, думается, нельзя не согласиться. Действительно неадекватность понятийного аппарата научной теории неизбежно ведет ее к «своего рода слепоте» в отношении той реальности, которую она исследует.

Заключение. В целом проведенный анализ позволяет сделать вывод, что преобладающие в современной науке «конфликтные» концепции власти предлагают слишком узкие трактовки последней, сводя ее, по существу, к способности к принуждению, что, вообще говоря, может оказывать негативное

влияние на политическую практику. Выработка адекватного понимания власти в рамках подобных трактовок представляется вряд ли возможной. Для решения этой задачи необходимо переосмысление понятийно-терминологического аппарата социальной науки в сфере исследований власти, что может иметь не только сугубо теоретическое, но и практическое значение.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Технология власти*. – М., 1995. – С. 6–7.
2. *Крадин, Н.И.* Политическая антропология / Н.И. Крадин. – М., 2001. – С. 139.
3. *Куббель, Л.Е.* Очерки потестарно-политической этнографии / Л.Н. Куббель. – М., 1988. – С. 29.
4. *Власть* // Новая философская энциклопедия. – М., 2000. – Т. 1. – С. 418.
5. *Гайденко, П.П.* История и рациональность / П.П. Гайденко, Ю.Н. Давыдов. – М., 1991. – С. 151.
6. *Луман, Н.* Власть / Н. Луман. – М., 2001. – С. 29.
7. *Ильин, М.В.* Власть / М.В. Ильин, А.Ю. Мельвиль // Психология и психоанализ власти. – Самара, 1999. – Т. 1. – С. 55.

S U M M A R Y

The article investigates the «conflict» concepts of power genesis and essence. The analysis of logical and theoretical fundamentals of its spontaneous interpretations based on the power definition proposed by M. Weberis is given. Principal narrowness of these interpretations is shown.

Поступила в редакцию 1.07.2009

УДК 111:930.1

А.С. Табачков

Исторический источник: ОНТО-ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В предлагаемой вниманию читателя работе мы попытаемся выяснить, как соотносятся источник и факт в историческом познании, как они оба связаны с их референтом, событием прошлого, какова функция дискурсов уже имеющегося знания, но, прежде всего, мы попробуем выяснить, какую роль играет исторический источник на самых первых и, во многом, определяющих этапах интерпретативного процесса.

Мы не будем здесь уделять много внимания истории философского анализа этих понятий. Достаточно, на наш взгляд, сказать, что сегодняшняя русскоязычная философия и теория истории находятся в ситуации, когда, с одной стороны, имеются созданные еще советской научной практикой понятия, наподобие известного определения А. Уварова: «Исторический факт – это такое достоверное знание о событиях и процессах социального прошлого, где чувственное и рациональное знание синтезированы, а общее обязательно облечено в единичную и особенную формы...» [1]. С другой стороны, в странном соседстве с подобными формулировками, достаточно грамотными с точки зрения диалектики¹, но все же слишком ригидными для того, чтобы быть

¹ Причем именно диалектичность делает это и подобные ему определения по-прежнему содержательными, чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить вышеприведен-

инструментами продуктивного анализа столь сложных феноменов, находится сравнительно недавно ставшая доступной современная западная (в политическом, не в культурном, смысле) философия истории, которая вообще не утруждает себя выработкой подобных понятий, считая это устаревшим способом философской работы².

Материал и методы. В нашу задачу, по понятным причинам, не входит разработка новой типологии исторических фактов или нового способа квалификации источников, вместо этого мы попытаемся проанализировать саму последовательность представленности прошлого – от источника к дискурсивно оформленному знанию – и понять, каким образом эта первичная последовательность интегрирована в процесс интерпретативного синтеза смысла события исторического прошлого.

Первое, на что стоит обратить здесь внимание, – это ситуативный, на самом деле, статус исторического источника. В самом его названии есть имплицитное указание на его «наивную» трактовку – как того, с чего начинается историческое познание, некоего истока «проистекания» этого процесса. Однако, очевидно, что окружающее нас сущее, даже в обыденном месте обыденной жизни, имеет разновременной генезис. Но только в определенной, хотя и не редкой, модальности нашего восприятия сущего, мы видим какую-то вещь, понятие или символ как нечто историческое, как нечто репрезентирующее другое, не наше время.

Способность проводить такого рода различия характерна для протоинтерпретативной модальности работы человеческого мышления. Она не является каким-то исключительным и редким его состоянием. Любому интеллектуально развитому индивидууму свойственно размышление. Если при этом исключить его интроспективную составляющую, не имеющую в нашем случае прямой релевантности (если, конечно, наш размышляющий не является мемуаристом), то размышления индивидуума могут касаться настоящего культурного мира в целом или в интересующих его частностях, размышления могут быть попытками предвидения будущего и, с отнюдь не меньшей вероятностью, они могут так или иначе затрагивать прошлое. Историк в этом смысле отличается от любого другого интеллектуально развитого культурного человека только тем, что это достаточно обычное состояние является для него экзистенциально значимым поводом для дальнейшей продолжительной и целенаправленной активности, результаты которой он рассматривает в категориях успеха/неудачи себя как деятеля.

ное определение, например, с формулировкой В. Косолапова: «Исторический факт – это и фрагмент социально-исторической действительности, связанный с субъектом познания, вошедший в сферу его общественно-исторической практики, и в то же время – объект эмпирического уровня познания, включенный в «ткань» теоретических обобщений как исходное основание» [2].

² В такой непростой ситуации неожиданную ценность приобретает и то, что было создано в рамках советской марксистской традиции, ведь относящихся к ней авторов, несмотря на хорошо известные особенности их творчества, нельзя обвинить в том, что они были людьми рыночного, медийного успеха. Вне давления интеллектуальной моды им подчас удавалось создавать теоретические и методологические продукты очень высокого академического качества. В ряду таких достижений, безусловно, находится работа А. Ракитова «Историческое познание. Системно-гносеологический подход» [1], в которой им была предложена следующая, «эпистемологическая», как назвал ее сам автор, классификация исторических фактов: экзистенциальные (было – не было?); квалификационные (что именно было?), квалификационные факты при этом делятся на феноменологические (как?), эссенциальные (зачем?) и количественные (сколько?) [1, с. 196]. К этой типологии Ракитов добавляет, в его формулировке, «специфически историографическое» деление: темпоральные (в каком году? раньше, чем...), локографические (там-то) актомотивационные (с какой целью?) [1, с. 196].

Происходящее в протоинтерпретативной модальности опознание сущего как источника требует задействования онтологической селективности нашего восприятия. Вовлечение в этот акт столь фундаментальной способности вызвано тем, что источник – это прежде всего сущее другого, уже более не существующего мира. И именно эта сущностная принадлежность иному порядку культурного бытия определяет его роль гносеологической потенциальности, обосновывает его функцию в качестве того, что может послужить действительным источником знания о прошлом.

Этот источник, конечно, может бытийно открыться и как «брошившееся в глаза» – как случайная находка необычного артефакта, как замеченный в тексте анахронизм или поразивший своей намекающей на непринадлежность «сегодня» эстетикой символ. Но такие случайные находки – редкость, и могут, по крайней мере, отчасти принадлежать к разряду тех случайностей, которые, действительно, «непознанные закономерности» случайностей, которые могут быть следствием неких скрытых от самого индивидуума особенностей его мышления. Ведь нужно ведь все-таки достаточно внимательно глядеть на мир, для того чтобы что-то в итоге могло «броситься в глаза».

Большинству же случаев опознания сущего в качестве исторического источника предшествует его более или менее сфокусированный конкретными критериями поиск. В конце концов, в археологический раскоп или исторический архив редко попадают случайно. И эта неслучайность указывает на то, что еще до момента находки самого первого источника уже имеет место какая-то активность познания, уже некоторым образом известно, что предстоит найти. Находят обычно то, что ищут, результат во многом предопределен характером его поиска.

И здесь уже можно сформулировать интересующую нас проблему следующим, достаточно радикальным, образом: источником чего на самом деле является исторический источник?

Относительно просто прийти к выводу о том, что он не может быть источником знания – знания, как трансформированного, в соответствии с нормами понимания современной³ моменту рецепции культуры, смысла события прошлого. Такое знание может быть представлено только как дискурс, а это сложное образование очень высокого уровня организации. Такого типа структуры формируются только на окончательной стадии интерпретативного процесса.

Результаты и их обсуждение. Говорить, следуя известному диалектико-позитивистскому канону, о том, что источник вследствие неких верификационных процедур превращается в так называемый исторический факт, тоже не приходится: факт как результат установления достоверности того или иного утверждения о положении дел в исследуемом фрагменте прошлой реальности, или даже как просто манифестация аутентичности референции, все равно является принципиально внутридискурсивным элементом и, естественно, конституируется одновременно с самим дискурсом⁴, а это опять слишком

³ Культуры, современной моменту рецепции этого знания.

⁴ Факты, безусловно, используются историком уже на этой начальной, протоинтерпретативной стадии, но это пока факты не его дискурса, заимствуя их из уже имеющегося знания, он задает первичное пространство того, что будет уже его объектом и его дискурсом этого объекта. По мере продвижения работы, ранее заимствованные факты, оказавшиеся «внутри» смыслового и объектного полей вновь создаваемого дискурса, подлежат постепенной замене. Факт, как уже отмечалось, это интегральная часть исторического дискурса, поэтому интерпретативный дискурс может инкорпорировать только свои, аутентичные факты. При этом его внешние референции, направленные за пределы его смыслового и объектного полей, это всегда референции к дискурсам, а не к неким «соседним» фактам, не существующим независимо от конституирующих их дискурсивных структур.

«поздно» и слишком «высоко» для источника – имея в виду уровень этого процесса и близость момента конституирования факта к завершающему этапу создания дискурса прошлого. Фон Вригт однажды написал: «Каждая интерпретация фактов придает им новый смысл. Факты как бы приобретают качество, которым не обладали прежде» [3].

На самом деле, любое положение, претендующее на статус исторического факта, может получить и длительно сохранять этот статус только в определенной «дискурсивной среде», только будучи элементом конгруэнтной себе дискурсивной структуры⁵. Это верно даже для самых казалось бы простых и до поры почти общепризнанных фактов. Какой бы неоспоримой ни казалась, например, дата какого-либо события, она может быть оспорена – посредством отрицания референтного ей знания, дисквалификации тех источников, из которых она выводится, путем подрыва статуса самого события как действительно произошедшего или, в конце концов, даже атакой на саму систему хронологии. У любых сколь либо более сложных «неоспоримых исторических фактах» еще меньший запас прочности и постоянства значения: мотивы и поводы вооруженных конфликтов, акты геноцида, научные и технические приоритеты – все это и многое другое легко может быть подвергнуто сомнению. Факт, каким бы простым он ни казался, существует только в точке пересечения множества референций исторического дискурса или комплекса таких, достоверность исторического факта может и должна оспариваться, достоверность источника – совсем другого рода и она, за исключением случаев «технической» дисквалификации (неподлинность, неверное атрибутирование и т.п.), неоспорима. У факта и у источника разные способы бытийной актуализации – факт утверждает, а источник свидетельствует. Факт связан со своим дискурсом, источник с культурным миром – местом своего генезиса: исторический факт дискурсивен, источник – феноменальная сущность. Поэтому продукт труда историка, а именно таков на самом деле факт⁶, каким бы привычным и хрестоматийным он ни казался, хрупок как и все дискурсивное.

Мы считаем, что исторический источник – это источник фактичности⁷: особого бытийного способа наличия сущего, гетерогенного миру, в котором происходит акт его опознания в качестве источника. Источник никогда не является непосредственным предшественником факта. Источник – это обнаруженное и актуализированное вниманием историка присутствие иновременного по его генезису⁸, культурно значимого сущего. При этом его культурная значимость – и в этом его отличие от любого другого сущего – дуальна: она конституирована его значимостью в культуре синхронной его генезису и значимостью этой его прошлой значимости для мира современной (моменту наблюдения) культуры.

---

⁵ Сейчас с трудом можно себе представить, что, казалось бы, тривиальный тезис Л. Февра о принципиальной созданности, а не данности исторического факта [4], мог в момент своей публикации в 1933 году рассматриваться как новаторский.

⁶ То есть, как и интерпретация в целом, он «онтологически не может соответствовать тому, что в обыденной речи принято понимать под открытием, не может быть неким снятием покровов с уже существовавшего, но до поры скрытого (этот же смысл содержится и в английском *discovery*, и в немецком *Entdeckung*); до момента своего создания она не была фактором никакого процесса или события, не бытийствовала вообще» [5].

⁷ Специально вводимое здесь понятие – для различения с распространенным термином «фактуальность», имеющим преимущественно источниковедческие и теоретико-исторические импликации.

⁸ Генезиса, разумеется, не только как момента физического возникновения, но как процесса первичного осмысления, инкультурации – любых фаз его бытия до превращения в исторический артефакт.

Заключение. Именно фактичностью проявления феноменальной природы исторического источника и объясняется то обстоятельство, что наличие или отсутствие действительных референций к источникам служит главной линией демаркации между историей и беллетристикой, онтологически фундированным разделом между смыслом и вымыслом.

Посредством фактичности исторический источник представляет свой уже ушедший мир в мире актуального настоящего, именно мир, а не дискурс о мире – как это бывает в случае исторического факта – стоит за источником. Источник осуществляет своего рода посольство и представляет мир прошлого без всякого посредничества. Но эту миссию он, конечно, может выполнить только став элементом сначала протоинтерпретативного, а затем и собственно интерпретативного актов обращения к прошлому. Однако несмотря на понятную несамостоятельность его актуализации, сущее источника все-таки ведет себя как феномен, то есть бытийно проявляет себя как присутствие, как делящееся своей сущью сущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Ракитов, А.** Историческое познание. Системно-гносеологический подход / А. Ракитов. – М.: Издательство политической литературы, 1982. – С. 192.
2. **Косолапов, В.** Методология и логика исторического исследования / В. Косолапов. – Киев: Вища школа, 1977. – С. 292–293.
3. **Вригт, Г.Х. фон.** Логико-философские исследования / Г.Х. фон Вригт // Избранные труды / Г. Х. фон Вригт. – М.: Прогресс, 1986. – С. 165.
4. **Февр, Л.** Суд совести истории и историка / Л. Февр // Бои за историю / Л. Февр; пер. с франц. – М.: Наука, 1991. – С. 15.
5. **Табачков, А.** Интерпретация как способ познания исторического прошлого / А. Табачков. – Минск: РИВШ, 2007. – С. 67.

S U M M A R Y

In this work the problem of objects' onto-gnosiological properties of historical knowledge is considered. The central thesis of the given article can be formulated as follows: the historical source is a source of factuality – special kind of presence of reality, reality of things or discourses, heterogeneous to the world in which they are identified as historical sources.

Поступила в редакцию 28.08.2009

Е.В. Морозько

Организация учебного процесса в Минской духовной семинарии (вторая половина XIX в.)

К учебным заведениям духовного ведомства Минской епархии во второй половине XIX в. относились духовная семинария в Минске, 3 уездных духовных училища (Минское, Слуцкое и Пинское) и 2 женских духовных училища в Минске и в м. Паричи Бобруйского уезда (позже в Пинске). Из них Минское высшее учебное учреждение готовило пастырей Православной Церкви. Духовенство продолжало выполнять сакральную функцию, являясь носителем духовной культуры, помогало проведению социальной, культурно-просветительской работы среди населения. Оно должно было развивать умственные и духовные потребности прихожан, способствовать образованию крестьян в верноподданническом духе, что с проявлением антиправительственных движений стало особенно актуальным.

Карьера священно- и церковнослужителя находилась в прямой зависимости от уровня образования, социального происхождения, в меньшей степени от возраста. От качественного уровня учебно-воспитательного процесса во многом зависела успешность деятельности его выпускников. Таким образом, цель нашей публикации – проанализировать содержание и качество учебного процесса Минской духовной семинарии.

Материал и методы. Исследуемое учебное учреждение размещалось в длинном двухэтажном каменном здании с третьим подвальным этажом. До 1873 г. тут же располагалось и Минское духовное училище. Существовало разделение между классами шести отделений: 3 старших класса располагались в близости от квартир инспектора и ректора учебного учреждения [1]. Классные кабинеты находились отдельно от спален учащихся. При семинарии существовали воскресная и образцовая школы, общежитие, больница, библиотека, физический кабинет, небольшой сад, баня [2–3].

Всех воспитанников в семинарии было около 150 человек. Из них в высшем отделении – 46, в среднем – 45, в низшем – 59 [1, с. 2]. Лишь один воспитанник принадлежал к крестьянскому сословию, двое мещанскому, двое происходили из семей чиновников, один был евреем [1, с. 2]. Остальные являлись детьми духовенства.

Минская духовная семинария давала фундаментальное высшее образование будущим священнослужителям. Они изучали богословие Православной Церкви, каноническое право, гомилетику, Священное Писание, священную герменевтику, патрологию, церковно-библейскую, церковно-русскую, церковно-всеобщую, гражданскую всеобщую, русскую и естественную историю, катехизическое учение, богословские книги, русскую словесность, психологию, логику, сельское хозяйство, математику, физику, медицину, греческий, латинский и еврейский языки. В 1898–1899 уч.г. иконописец Иван Курбатов начал преподавать основы иконописи [4].

Значение образования, которое получали выпускники семинарии, усиливается благодаря книжным и документальным фондам, которыми обладала семинарская (3199 экземпляров) и общая ученическая (169 названий в 925 томах) библиотеки, не считая периодических изданий [1, с. 14]. Ежегодно епархиальное начальство выделяло средства на содержание библиотеки [4]. В 1869 г. последняя была разделена на 3 отдела в соответствии с предметами, которые изучали в отделениях семинарии. Каждый отдел помещался в кабинетах определенного подразделения и находился под наблюдением библиотекаря.

Вступительные экзамены в семинарию в 70-е гг. XIX в., по документальным свидетельствам, удовлетворительно выдержали 32% поступающих: в 1871 г. 26 из 82, в 1873 г. 28 из 85 воспитанников трех училищ Минской епархии (Минского, Слуцкого и Пинского духовных училищ) [1, с. 26]. Но по решению минского преосвященного, в связи с тем, что духовно-учебные заведения епархии еще не были преобразованы, в 1871 г. отказано в приеме было тем абитуриентам, которые имели неудовлетворительные баллы по 4 предметам – 19 ученикам [1, с. 26]. Остальные 27 человек с неудовлетворительными оценками по 1–3 предметам были приняты в семинарию. Такая же ситуация повторилась и в 1873 г., когда семинаристами стали 24 недостаточно подготовленных абитуриента [1, с. 26]. Все это было связано с необходимостью пополнять кадры священнослужителей на приходах, которые стремительно росли.

Успешность обучения оценивалась на «очень хорошо», «довольно хорошо», «хорошо», «достаточно» [4, д. 29723, л. 9]. Анализ ведомостей об успеваемости учащихся показывает, что в каждом отделении по каждому предмету успевающих было от 92 до 98%, в высшем и среднем отделениях по греческому языку и в низшем по алгебре – 84% [1, с. 9].

Результаты и их обсуждение. Анализируя ведомости о числе окончивших семинарский курс за 1850–1860 гг., можно сделать вывод, что ежегодный выпуск состоял в среднем из 38 воспитанников. По окончании семинарии выпускникам выдавались аттестаты с указанием изученных дисциплин и успеваемости. Еще одним важным документом будущего священнослужителя был особый билет, дававший ему разрешение вступать в законный брак «с девицей духовного звания» [5, д. 30586, л. 4]. После заключения брачного союза он должен был явиться к архиепископу на рукоположение. Так, воспитанник семинарии 23-летний Иван Рункевич, сын дьячка Мозырского уезда, 7 января 1864 г. получил аттестат и билет с разрешением на заключение брака, 2 февраля 1864 г. женился на дочери священника Виленской губернии 18-летней Александре, 16 марта того же года просил о рукоположении и, наконец, 29 марта 1864 г. был определен на приход [4, д. 29723, л. 9; д. 30586, л. 4; д. 30095, л. 32; д. 31247, л. 2].

При поступлении выпускников семинарии в епархиальное ведомство имелось несколько вакантных священнических мест, на которые назначалась в первое полугодие 1/3 часть воспитанников. Остальные пристраивались в течение последнего полугодия. По данным правления Минской духовной семинарии о трудоустройстве учеников в епархиальное ведомство и определении их на причетнические должности в 1863 г. из 39 человек, окончивших богословское отделение, 16 были распределены по приходам, остальные 23, по болезни и другим уважительным причинам, распределения не получили [4, д. 30095, л. 32]. Только 2 из 8 воспитанников семинарии низших классов этого же года выпуска получили трудовые места [4, д. 30095, л. 327]. Многие из них рассылали прошения в управления Минской и других епархий в поиске вакантного места псаломщика, надзирателя-репетитора училища, учителя 2-классной церковно-приходской школы [4, д. 36562, л. 8, 16].

Несмотря на это обстоятельство, из воспитанников, окончивших полный курс в Минской духовной семинарии, немногие оставляли духовное звание

для поступления в университет, перехода на гражданскую или военную службу. На 40 воспитанников – примерно 4 человека [4, д. 30095, л. 16]. Одной из причин был тот факт, что в семинарии редко оканчивали курс моложе 20 лет, обычно в 20–23-летнем возрасте. Проведя годы в труде и бедности, многие себя чувствовали специально подготовленными к своему званию, более способными к служению, чем к какому-либо другому делу.

К тому же, выпускники, находившиеся на государственном обеспечении в семинарии, при желании покинуть духовное звание обязаны были выплатить деньги за свое двухлетнее содержание. В 1895 г. Павлу Бычковскому, который перешел на службу в гражданское ведомство, необходимо было выплатить 342 руб. [4, д. 36562, л. 20–20 об]. Окончивший полный курс учения в семинарии в 1905 г. Александр Мазюкевич, в случае непоступления на службу по духовному ведомству или на учебную службу в начальных народных школах, обязан был вернуть израсходованные на его содержание в течение 2 лет и 8 месяцев 2807 руб. 50 коп. [4, д. 37175, л. 13 об].

Одним из более простых вариантов перехода в гражданскую службу могло быть покровительство родственников семинариста, занимавших должности и имевших возможности ходатайствовать о получении штатного места, к примеру, старшего канцелярского служителя. В таком случае выпускник семинарии, поступивший в гражданское ведомство, мог достигнуть безбедного положения через несколько лет усердной службы. В то время как, оставаясь священником, он сразу становился хозяином прихода, уважаемым человеком, если пока еще не за личные качества, то уже по своему сану.

Ограничение со стороны законодательства также являлось одним из факторов, способствовавших тому, что немногие юноши из духовного звания поступали на военную службу. Во-первых, сын священника и диакона, окончивший полный курс семинарии, принимался как вольноопределяющийся, в звании унтер-офицера, а не юнкера. Офицерский чин имел возможность получить только через 4 года. Сын причетника принимался на службу рядовым. Во-вторых, поступление детей духовных в военную службу было сопряжено с большими хлопотами, чем в гражданскую. Причетнические дети, окончившие семинарию, и вовсе имели право поступать на службу только в духовную консисторию, попечительства и правление, и только с правом получения первого чина через 8 лет.

Содержание в семинарии было связано с рядом расходов, касающихся как оплаты за обучение, так и трат на жилье и медицинское наблюдение. Воспитанники семинарии содержались как за счет государства, так и за деньги родителей. На 1865–1866 уч.г. было 70 казенных, 70 полуказенных, 20 взыскных вакансий [4, д. 31247, л. 2]. Дети приходских священнослужителей принимались на учебу на собственное содержание – 40 руб. серебром в год [4, д. 31247, л. 2]. В оплату входили расходы, которые несло учебное заведение на питание и размещение в помещениях семинарии. Дети самых бедных и многодетных священнослужителей имели право на полугосударственное содержание только в том случае, если в распоряжении семинарского правления окажутся вакансии, не занятые сиротами.

Несмотря на то, что семинария получала материальную поддержку от Минского православного Николаевского, Кирилло-Мефодиевского братства, частных лиц, ее экономическое состояние во второй половине XIX в. не было удовлетворительным. Причинами долгов, которые накапливались за учебным учреждением, были рост цен, совместное до 1870 г. продовольствие с воспитанниками училища, бедность учеников. Семинарское начальство вынуждено было покрывать долговые обязательства за счет сбережений по содержанию воспитанников, что сказывалось на их жизни во время учебного процесса.

К примеру, собранные в течение в 1871–1873 гг. штрафные деньги с родителей и родственников учеников за позднюю явку в семинарию с каникул (116 руб. 75 коп.) были потрачены не на ученическую библиотеку, как это делалось в других семинариях, а на расходы за суконное платье, сшитое ученикам [1, с. 24].

Семинария имела собственное общежитие, в котором помещалось около 120 человек [1, с. 22]. Из них наибольшее количество принадлежало воспитанникам, находившимся на государственном обеспечении, около 30% мест – ученикам на полупансионном, 15% – на пансионном содержании. Некоторые учащиеся вынуждены были искать жилье самостоятельно. Например, в 1874 г. их было 29 человек из 150 (44%): пятеро жили у родственников, двое – в доме у архиерейских певчих, остальные снимали квартиры. 28 августа 1887 г. при семинарии было открыто новое обширное общежитие для казеннокоштных учеников [5].

В начале 60-х гг. XIX в. острым стал и вопрос о содержании «своекоштных» учеников в семинарской больнице. Ранее при условии внесения платы за обучение родители воспитанников освобождались от особого взноса за их лечение. После смерти эконома семинарии выяснилось, что расходы, связанные с лечением, ежегодно превышали штатную сумму. Отсутствие средств вынудило правление семинарии просить духовенство Минской епархии оплатить долг за содержание и лечение бюджетных воспитанников. Из 9 благочиний оказали помощь 3, а общая сумма была не сопоставима с необходимой – 11 руб. 53 коп. (сумма долга – 6 тысяч руб.) [4, д. 30591, л. 44, 46, 49, 54]. С этого времени самостоятельное содержание детей духовных предполагало их платное лечение в семинарской больнице.

Заключение. Главной целью государственных преобразований, проводимых в отношении приходского духовенства, было формирование нового типа священнослужителя – хорошо образованного, опытного и динамичного.

Именно такого пастыря должна была готовить Минская духовная семинария. В исследуемый период учебное заведение обладало достаточной материальной базой для обеспечения учебного процесса. При семинарии существовали воскресная и образцовая школы, общежитие, больница, библиотека, физический кабинет, небольшой сад, баня. Количество изучаемых дисциплин позволяет судить, что духовная семинария давала фундаментальное высшее образование будущим служителям Церкви. Его значение можно оценить и по книжным и документальным фондам семинарской библиотеки.

Значимость преподаваемых учебных дисциплин подчеркивает не только духовный, но и светский характер образования, которым обеспечивала своих воспитанников семинария. В исследуемый период увеличилось число приходских пастырей, которые имели незаконченное семинарское образование. В связи с этим, а также с преобразованиями духовных учебных учреждений, семинарское начальство допускало некоторые послабления при поступлении в семинарию. Однако статистические данные свидетельствуют о дальнейшей высокой степени успешности учебной деятельности воспитанников (92–98%).

Как и в предыдущие периоды, большинство воспитанников были из семей духовенства и продолжали дело своих родителей. Однако нехватка мест в общежитии и платное лечение в семинарской больнице осложняли обучение детей священников, самые бедные из которых принимались только на полуказенное содержание. Рост цен на жилье и продовольствие, а также предыдущее совместное существование в одном здании с Минским училищем осложняли материальное состояние семинарии в целом, которая в некоторых случаях вынуждена была покрывать свои долговые обязанности по прошествии нескольких лет.

Несмотря на то, что после окончания полного курса семинарии епархиальное ведомство могло обеспечить вакантными священническими местами только 1/3 выпускников, немногие из них оставляли духовное звание. Причинами этому были: 1) чувство призвания; 2) высокий социальный статус священнослужителя; 3) ограничение со стороны законодательства; 4) материальная ответственность перед семинарией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорьевский, М. Отчет о ревизии духовно-учебных заведений Минской епархии [1874 г.] / М. Григорьевский. – Минск: Типогр. С.А. Некрасова, 1874. – С. 23.
2. Ведомость Минского епархиального училищного совета о церковных школах за 1905 гражданский год. – Минск: Типолитогр. С.А. Некрасова, 1906. – С. 2–3.
3. Краткий очерк состояния церковно-приходских школ и школ грамоты Минской епархии за первое десятилетие их существования. – Минск, 1895. – С. 12.
4. Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 36808. – Л. 19.
5. Рункевич, С.Г. Краткий исторический очерк столетия Минской епархии (1793 – 13 апреля 1893) / С. Г. Рункевич. – Минск: Типолит. Б.И. Соломонова, 1893. – С. 120.

S U M M A R Y

The article is dedicated to the specific features of Minsk theological seminary activities in the 2nd half of the 19th century. The subject of the research is academic character of the higher educational establishment in Minsk eparchy, its role in pupils' formation and intellectual upbringing. Financial wealth of seminary is also indicated in the article. The author describes the factors which influenced the quality of education. The main tendencies of seminary activities are formulated in the conclusion.

Поступила в редакцию 22.09.2009

УДК 94(476)«1930»

А.А. Субоцін

Успрыманне стаханаўскага руху рабочымі БССР у сярэдзіне 1930-х гг.

Стаханаўскаму руху ў гістарыяграфіі быў прысвечаны шэраг грунтоўных даследаванняў, дзе ён разглядаўся пераважна ў кантэксце праблематыкі сацыяльна-эканамічнага і палітычнага развіцця СССР 1930-х гг. [1–5]. Гісторыкамі амаль не закраналіся пытанні, звязаныя з вывучэннем асаблівасцяў эмацыянальнай сферы рабочых, іх каштоўнасных арыентацый і стэрэатыпаў сацыяльных паводзін у рамках працэсу развіцця стаханаўскага руху, у той час як разгортванне гэтай формы сацыялістычнага спарніцтва шмат у чым залежыла не толькі ад дзейнасці партыйных і дзяржаўных органаў, пэўных эканамічных умоў, але і ад характару ўспрымання рабочымі новых вобразаў герояў вытворчасці – стаханаўцаў, і стаханаўскага энтузіязму ў цэлым.

Мэтай нашага даследавання з'яўляецца вызначэнне асаблівасцяў успрымання стаханаўскага руху рабочымі БССР у сярэдзіне 1930-х гг.

Пры даследаванні праблемы ўспрымання стаханаўскага руху намі былі скарыстаны ў якасці крыніц агітацыйныя брашурны 1936 г., якія змяшчаюць у сабе выступленні асобных рабочых пра свой удзел у руху. У прамовах высту-

паючых адзначаліся матывы ўключэння ў стаханаўскі рух, адносіны да новых метадаў працы і да герояў-стаханаўцаў. Большасць матэрыялаў гэтых брашур носіць прапагандысцкі характар, таму і інфармацыя, прыведзеная ў іх, была пададзена ў духу ўздыму працоўнага энтузіязму ў вытворчасці. Такімі ж па змесце і характары з'яўляюцца выкарыстаныя намі выступленні пралетарыяў у газетах «Звязда» і «Рабочий» за 1935–1936 гг. Сярод неапублікаваных крыніц былі прааналізаваны дакументы Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь, Дзяржаўнага архіва Віцебскай вобласці: спецыяльныя паведамленні Віцебскага гарадскога і Полацкага акружнага камітэтаў КП(б)Б, дакладныя запіскі ЦК КП(б)Б аб разгортванні стаханаўскага руху, матэрыялы Цэнтральнага ўпраўлення прафсаюзаў гарбароў Беларусі. Адзначаныя архіўныя дакументы паказваюць праявы антыстаханаўскіх настрояў рабочых, факты сацыяльных супярэчнасцей паміж часткай рабочых і стаханаўцамі, прыводзяцца прыклады мерапрыемстваў па арганізацыі стаханаўскага руху, якія паспрыялі замацаванню ў масавай свядомасці рабочых вобразаў мясцовых герояў-стаханаўцаў.

Адносіны да стаханаўскіх метадаў працы. Стаханаўскі рух, які разгарнуўся з канца жніўня 1935 г., ужо ў кастрычніку гэтага ж года быў распаўсюджаны, дзякуючы намаганням мясцовых партыйных і дзяржаўных органаў, прафсаюзных арганізацый, ва ўсіх галінах прамысловасці Беларусі. Імклівае развіццё руху было абумоўлена і характарам эмацыянальных рэакцый з боку рабочых на новыя спосабы арганізацыі працы. Большасць рабочых прадпрыемстваў БССР зацікавілі метады, што скарыстаў А. Стаханаў і іншыя стаханаўцы, адсюль узнікала імкненне ўдасканаліць працу свайго тэхнічнага абсталявання, каб павысіць прадукцыйнасць вытворчасці. Рабочы-апаратчык І. Трацэўскі з Рудабельскага спіртзавода (Глускі раён) сцвярджаў: «Однажды на занятиях политрук нам прочитал статью о том, как Алексей Стаханов организовал работу по-новому, перекрыл в несколько раз существующие нормы. У меня зародилась мысль перекрыть мощность нашего аппарата» [6]. У выніку рабочы стаў звяртаць увагу на асаблівасці эксплуатацыі тэхнікі, на якой працаваў ён, і на аснове свайго назірання і ўласнага вопыту перакрыў тэхнічную магутнасць апарата, выпрацаваўшы замест усталяванай нормы ў 220 дэкалітраў спірту 422,1 дэкалітра [6, с. 29].

Такое стаўленне да стаханаўскіх метадаў працоўнай дзейнасці тлумачыцца спецыфікай сістэмы каштоўнасцей, якая існавала ў рабочым асяроддзі, а менавіта такімі яе характэрнымі рысамі, як зацікаўленасць у выніках сваёй працы, жаданне прымяніць новыя ўдасканаленыя спосабы эксплуатацыі тэхнікі. Напрыклад, работніца з Барысаўскай запалкавай фабрыкі Я. Дзеравяга адзначала: «Яшчэ даўно хацелася мне перайсці працаваць на пяці машынах, але ўсё не адважвалася, і толькі стук малатка Стаханавы ўзбудзіў у мяне новы ўздым да работы» [7]. Асабліва адзначаныя вышэй каштоўнасці рабочых праявіліся пры ўспрыманні стаханаўскага руху ўдарнікамі, якія ўжо ў першай і пачатку другой пяцігодкі паказалі прыклады павышэння прадукцыйнасці працы, і для якіх рух стаў новым стымулам далейшага паляпшэння працоўнай дзейнасці. Ударнік з механічнага цэха Мінскага станкабудаўнічага завода імя Кірава Ш. Шульман, калі на гэтым прадпрыемстве разгарнуўся стаханаўскі рух, так выказаўся наконт далейшых магчымасцей сваёй працы: «Працуючы на сваім станку, мне прыходзілася паступова змяніць тэхналагічныя працэсы і да таго, як стаханаўскі рух пачаў шырока развівацца па нашай краіне... Я думаю, што ў гэтай рабоце можна яшчэ больш удасканаліцца» [7, с. 25–26]. Такія ж матывы да ўдасканалення метадаў уласнай працы праявіла і ўдарніца-дражджаварка С. Ждановіч з Каўгарскага спіртазавода. Так, яна ўспамінае: «Меня, как лучшую ударницу, посылают

на Уречский спиртзавод на совещание. Обсуждался вопрос о переводе работы спиртзавода на стахановские методы. На совещании много говорили о перестройке работы. Крепко задумалась и я. Мысли роem неслись в голове. Как помочь стахановскому движению, как стать стахановкой: вот какие вопросы не оставляли меня ни днем, ни ночью» [6, с. 42].

Успрыманне рабочымі вобразаў стаханаўцаў. Важную ролю ў разгортванні стаханаўскага руху адыграла стварэнне савецкай прапагандай новых вобразаў герояў вытворчасці – стаханаўцаў. Такія перадавікі, як Стаханаў, Бусыгін, Сметанін і іншыя, выступалі прыкладамі таго, што звычайны рабочы, дзякуючы сваім працоўным дасягненням, можа стаць сапраўдным героем не толькі на сваім прадпрыемстве, але і ў СССР у цэлым. Безумоўна, такія вобразы натхнялі рабочых на ўдасканаленне сваёй працы, а ў масавай свядомасці ўзнікала пэўнае захапленне вобразамі герояў-стаханаўцаў (на такі характар успрымання вобразаў стаханаўцаў паўплывала даволі развітая сістэма феномену гераізму ў штодзённай культуры таго часу, якая ўжо праявіла сябе ў вобразах герояў Грамадзянскай вайны, герояў-лётчыкаў, «папанінцаў», «чэлюскінцаў» і іншых), усталяваныя рэкорды ўяўляліся як нейкія незвычайныя ці недасягаемыя факты ў сферы вытворчасці. Адна з работніц у размове з першым сакратаром ЦК КП(б)Б М. Гікалам так выказалася наконт гэтага: «Праз некаторы час даведаліся мы таксама пра Стаханава. Спачатку не верылі. Няўжо адзін чалавек столькі можа выпрацаваць?» [8]. Вобразы ўсесаюзнавядомых стаханаўцаў успрымаліся рабочымі ў якасці эталонаў дасканалы працы і метады, якія яны выкарыстоўвалі, выступалі самымі прымальнымі. Напрыклад, рабочы Р. Рушко, які стаў у выніку лепшым стаханаўцам у лесапільнай галіне Беларусі, прачытаўшы ў газетах пра рэкорд Стаханава, марыў сустрэцца з ім асабіста і спытаць пра тое, як ён дамогся такой высокай прадукцыйнасці працы [9]. З другога боку, разам з захапленнем гераізмам стаханаўцаў рабочыя на аснове прапагандуемай ідэі, што гэтыя новыя героі былі такімі ж звычайнымі пралетарыямі, як і яны, успрымалі дасягненне такіх рэкордаў магчымым і ў сваёй уласнай працы. Работніца з фабрыкі «Камунарка» М. Цыгельніцкая адзначала: «Я задумалася над такім пытаннем: Стаханаў такі ж самы чалавек, як і я. Раз ён дасягнуў такіх высокіх паказчыкаў у шахце, чаму нельга мне, завёртчыцы, дасягнуць такой жа высокай выпрацоўкі на сваёй рабоце?» [10].

Упэўненасць беларускіх рабочых у рэальнасці ўстанаўлення рэкордаў у вытворчасці ўзмацнялася, калі і ў БССР пачалі ўзнікаць свае мясцовыя героі. Так, напрыклад, вядомымі на ўсю рэспубліку сталі Р. Рушко ў лесапільні і І. Гунько ў кандытарскай вытворчасці, а тых рабочых, якія ўзялі прыклад з іх, сталі называць па аналогіі са стаханаўцамі рушкоўцамі [11] і гунькоўцамі [10, с. 43]. Складваецца свой спецыфічны гераізм рэгіянальнага характару, дзе вобразы стаханаўцаў рэспубліканскага ўзроўню ўздзейнічаюць больш эфектыўна на свядомасць рабочых, чым вобразы ўсесаюзнавядомых стаханаўцаў, таму што першыя паказалі, якім чынам ажыццявіліся стаханаўскія метады на прадпрыемствах рэспублікі ў асобна ўзятых галінах прамысловасці. Калі на прадпрыемствах Беларусі ўзніклі свае першыя героі-стаханаўцы, то менавіта яны сваімі прыкладамі прыводзілі да масавага ўключэння рабочых у стаханаўскі рух. Радавыя рабочыя заўважалі, як павышаецца эфектыўнасць працы іх калег-стаханаўцаў, і імкнуліся паказаць не горшыя вынікі, і, такім чынам, узнікала сапраўднае вытворчае спаборніцтва паміж прадстаўнікамі аднаго і таго ж працоўнага калектыву. На Мінскім станкабудаўнічым заводзе імя Кірава падчас адной змены пачалі спаборнічаць паміж сабой стаханавец Н. Гімпельштэйн і рабочыя з яго брыга-

ды Грозаўскі і Левін. Вынікам гэтага стала тое, што апошнія, арыентуючыся на прыклад Гімпельштэйна, выканалі норму на 436% і 403% адпаведна [7, с. 48]. А муляр Д. Рагавы, што працаваў на будаўніцтве Аршанскага ільнокамбіната, стаў стаханаўцам, як ён сцвярджае, пад уплывам дасягненняў свайго брыгадзіра З. Верхавінава. Рагавы зазначыў: «4 января [1936 г.], работая на строітэльестве жылдома ИТР вместе с каменщиком-стахановцем тов. Верховиновым,... я видел, как проходила его подготовка к рекордной кладке. Посмотрев на организацию работ, организацию рабочего места и учитывая некоторые недостатки, я заявил начальнику строительства, что при соответствующей подготовке я также дам выработку не меньше тов. Верховинова» [12].

На складванне вобразаў герояў-стаханаўцаў у рамках аднаго прадпрыемства паўплывала акрамя дзяржаўнай прапаганды і актыўная дзейнасць кіраўнікоў заводаў, фабрык і камбінатаў БССР. На Магілёўскім машынабудаўнічым заводзе імя Дзімітрава па ініцыятыве адміністрацыі прозвішчы лепшых стаханаўцаў з зазначэннем працэнта выкананых імі норм былі аформлены ў мастацкай вітрыне, устаноўленай каля ўваходу на завод. Вітрына была ўпрыгожана лозунгамі і фотаздымкамі знатных людзей [13]. Кіраўніцтва скурзавода «Бальшавік» (г. Мінск) устанавіла спецыяльную дошку, дзе кожны дзень вывешваліся вынікі працы рабочых-стаханаўцаў, а таксама выпускала бюлетэні аб стаханаўскім руху на прадпрыемстве і распаўсюджвала іх па цэхах [13, ф. 283, воп. 1, спр. 674, арк. 18]. У дадатак да гэтага былі надрукаваныя фотаздымкі працоўнага дня адных з лепшых стаханаўцаў завода – Шульмана і Лапіна [13, арк. 67]. Такая арганізацыя штодзённай працоўнай дзейнасці зацвярджала вобраз герояў вытворчасці ў якасці прыкладу для пераймання, дапаўняючы наяўнасць фактаў ажыццяўлення стаханаўцамі новых метадаў працы.

Антыстаханаўскія настроі рабочых. Працэс развіцця стаханаўскага руху ў сярэдзіне 1930-х гг. не быў адназначным, і паралельна з імкненнем рабочых удасканаліць метады сваёй працы, успрыманнем імі вобразаў герояў-стаханаўцаў у якасці эталонаў дасканалай працоўнай дзейнасці, у часткі рабочых узніклі адмоўныя рэакцыі на стаханаўскі энтузіязм. Асабліва яны праявіліся, калі дзяржаўныя і партыйныя органы пры разгортванні стаханаўскага руху пачалі актыўна скарыстоўваць адміністрацыйны рэсурс з мэтай ахапіць як мага большую колькасць рабочых, не ўлічваючы пры гэтым працоўных і эканамічных магчымасцей асобных прадпрыемстваў і рэгіёнаў. Рабочыя ў такой сітуацыі адчувалі несупадзенне прапагандуемых ідэй стаханаўскага руху і рэальных умоў сваёй дзейнасці. Антыстаханаўскія настроі ў гэтым сэнсе паказалі далейшае развіццё спецыфікі непрымання ў штодзённых практыках авангардысцкіх эксперыментаў першых паслярэвалюцыйных гадоў.

Напэўна, самыя значныя праявы негатыўных рэакцый рабочых у ходзе правядзення мерапрыемстваў па пашырэнні стаханаўскага руху выявіліся ў адносінах да працы. У выніку актывізацыі адміністрацыйнага апарату па максімальным скарыстанні людскіх рэсурсаў праца для пэўнай часткі рабочых страчвала сваю каштоўнасць і бачылася як элемент пэўнага прымусу. Адна з работніц Віцебскай панчошнай фабрыкі імя Клары Цэткін заяўляла: «З нас здэкваюцца, навошта нам працаваць на 4-х машынах, у нас няма сіл, навошта нам стаханаўцы» [14]. Мелі месца незадаволенасці заканамернасцямі зніжэння расцэнак і павышэння норм выпрацоўкі, калі асобныя дасягненні стаханаўцаў пачыналі замацоўвацца як агульнадасягаемыя, што яшчэ больш адштурхоўвала рабочых ад удзелу ў руху і ўзмацняла

адмоўныя адносіны да яго. Такія настроі, напрыклад, былі распаўсюджаны на Віцебскай ільнопрадзільнай фабрыцы «Дзвіна». Адзін з рабочых рамонтнай майстэрні гэтага прадпрыемства казаў: «Пачні толькі працаваць па стаханаўскаму метаду, і не паспееш павялічыць колькасць адзінак, як хранаметрыст зараз жа павялічыць норму і панізіць расцэнкі» [14, арк. 57]. На скурзаводзе «Бальшавік» рабочыя Л. і М. заявілі, што іх нормы з'яўляюцца рэальнымі, і стаханаўскага руху на прадпрыемстве быць не можа [13, арк. 54].

Разглядаемае намі непрыманне стаханаўскага руху параджала ў светаразуменні рабочых і адмаўленне міфалагізаваных савецкай прапагандай вобразаў Стаханава і стаханаўцаў, калі яны ўспрымаліся не героямі працы, а з'яўляліся ўвасабленнем вобраза «чужога». Дадзены тып нагадвае вобраз «ворага», але адзначае межы «сваіх», рубяжы разумення і ідэнтычнасць групы. «Чужым» можна быць толькі ў адносінах да пэўнай абмежаванай групы. Такімі «чужымі» ў рамках пэўнага працоўнага калектыву, у вачах некаторых рабочых, і станавіліся стаханаўцы. Яны, з аднаго боку, належалі да калектыву рабочых асобнай гаспадарчай адзінкі, і ў той жа час у межах гэтай сацыяльнай групы ўспрымаліся як прадстаўнікі іншага мыслення, норм і характару паводзін, штодзённага жыцця. Працоўная дзейнасць рабочых пры ажыццяўленні кампаній стаханаўскага руху пачала рэгулявацца зверху арыентацыяй на працоўную эліту, што пры размежаванні ідэі і эканамічных магчымасцяў пераасэнсоўвалася ў адмоўны вобраз удзельнікаў руху: пры гэтым рабочыя адчувалі, што сацыяльны статус стаханаўцаў толькі ствараў падставу для дадатковай мабілізацыі працоўнай сілы, прыводзіў да абмежавання ў заробтнай плаце, матэрыяльным забеспячэнні, да звышнармаванай працы ў дапамогу героям вытворчасці для захавання іх рэкордаў. Так, работніца Д. з фабрыкі «КІМ» заяўляла адносна стаханаўцаў свайго прадпрыемства: «Я буду выцягваць усіх траіх, яны будуць стаханаўцамі, а я працую не менш за іх і з'яўляюся не стаханаўкай» [14, арк. 10]. Характэрнымі ў гэтым сэнсе з'яўляюцца і словы аднаго рабочага з Полацка: «Стаханаўскі рух добры толькі для асобных людзей, якія жывуць добра, астатніх рабочых душаць за кошт стаханаўцаў» [14, арк. 10].

Акрамя незадаволенасці стаханаўскім рухам і стаханаўцамі адмоўныя рэакцыі рабочых праявіліся і ў канкрэтных паводзінах пасіўнага і актыўнага характару. Пасіўныя формы сацыяльных паводзін рабочых перадаваліся ў форме байкоту, ігнаравання мерапрыемстваў, што былі звязаны са стаханаўскім рухам. Напрыклад, рабочы аднаго з віцебскіх прадпрыемстваў, член партыі, у час цэховых мітынгаў, прысвечаных Усесаюзнай нарадзе стаханаўцаў і прамове Сталіна, адмовіўся выступаць перад астатнімі рабочымі па гэтым пытанні [14, арк. 183]. Праявы актыўных форм паводзін непрымання стаханаўскага руху былі больш разнастайныя і адлюстроўваліся перш за ўсё ў форме здзекаў і насмешак над перадавікамі вытворчасці. На Мінскай абутковай фабрыцы імя Кагановіча былі адзначаны выпадкі абразлівых адносін з боку рабочых да стаханаўца Л. [13, арк. 206]. На швейнай фабрыцы імя Дзяржынскага (Бабруйск) наконт ініцыятывы стаханаўца Я. прымяніць новыя метады ў працы цэха асобныя рабочыя заявілі: «Ты не будзь выскачкай і не рабі сябе героем» [13, спр. 9040, арк. 34]. Часта такія здзекі і насмешкі перарасталі ў пашкодванні абсталявання стаханаўцаў, падкідванні ім някаснай сыравіны, прадукцыі і іншыя ўчынкi [13, спр. 9040, арк. 52; 14, арк. 30, 35].

Заклучэнне. Адным з фактараў разгортвання стаханаўскага руху ў сярэдзіне 1930-х гг. стала асаблівасць успрымання яго рабочымі. Большасць

рабочых успрыняла стаханаўскі рух як спрыяльную ўмову для далейшай рэалізацыі сваіх імкненняў па ўдасканаленні працы, якія ўжо зацвердзіліся ў рабочай працоўнай этыцы з першых гадоў індустрыялізацыі, такая эмацыянальная рэакцыя з'яўлялася найбольш адметнай пры ўспрыманні руху рабочымі-ўдарнікамі. Да ўключэння рабочых БССР у рух пабуджалі і сфарміраваныя прапагандай вобразы герояў-стаханаўцаў: калі вобразы вядомых на ўвесь СССР стаханаўцаў выступалі для радавых рабочых своеасаблівым эталонам дасканалай працы, то перадавікі рэспубліканскага ўзроўню ці ўзроўню асобнага прадпрыемства ўзмацнялі ўпэўненасць у рэальнасці ажыццяўлення стаханаўскіх рэкордаў і ў беларускай прамысловасці. Аднак скарыстанне адміністрацыйных метадаў, інтэнсіўная працоўная мабілізацыя, тэндэнцыя зніжэння расцэнак і павышэння норм выпрацовак пры разгортванні руху прывялі да ўзнікнення такіх псіхалагічных рэакцый у часткі рабочых, пры якіх назіралася адсутнасць матывацыі да актыўнай працоўнай дзейнасці і адмоўнае ўспрыманне стаханаўцаў.

ЛІТАРАТУРА

1. *Гісторыя Беларускай ССР: у 5 т.* / рэд. кал.: І.М. Ігнаценка (стар.) [і інш.]. – Мінск: Навука і тэхніка, 1972–1975. – Т. 3: Перамога Вялікай Кастрычніцкай рэвалюцыі і пабудова сацыялізму ў БССР (1917–1937 гг.) / І.Я. Марчанка [і інш.]. – 1973. – 696 с.
2. *Протью, Т.С.* Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917–1941 гг.) / Т.С. Протью. – Минск: Тесей, 2002. – 688 с.
3. *Рогачевская, Л.С.* Социалистическое соревнование в СССР: Исторические очерки. 1917–1970 / Л.С. Рогачевская. – М.: Наука, 1977. – 352 с.
4. *Siegelbaum, L.H.* Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR. 1935–1941 / L.H. Siegelbaum. – Cambridge, 1988. – 350 p.
5. *Maier, R.* Die Stachanov – Bewegung. 1935–1938. Der Stachanovismus als tragendes und verschärfend Moment der Stalinisierung der sowjetischen Gesellschaft / R. Maier. – Stuttgart, 1990. – 441 s.
6. *Стахановцы спиртовой промышленности БССР* / сост. И.М. Ярмошевич. – Минск: Гос. изд-во Белоруссии, 1936. – С. 28.
7. *Радасная праца, радаснае жыццё.* – Мінск: Дзярж. выд-ва Беларусі. 1936 – С. 21.
8. *Прамова тав. С.С. Быкоўскай* // Звезда. – 1935. – 20 снежня. – С. 2.
9. *Как я работаю (рассказ Григория Рушко)* // Рабочий. – 1935. – 12 декабря. – С. 3.
10. *Стаханаўцы «Камунаркі».* – Мінск: Дзярж. выд-ва Беларусі, 1936. – С. 33–34.
11. *Чыкун, П.* Рыгор Рушко і яго таварышы / П. Чыкун // Звезда. – 1935. – 9 снежня. – С. 3.
12. *За стахановскую работу на стройках.* – Минск: Гос. изд-во Белоруссии, 1936. – С. 19.
13. *Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь.* – Ф. 4-п. – Воп. 1. – Спр. 10776 – Арк. 166.
14. *Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці.* – Ф. 102. – Воп. 1. – Спр. 377. – Арк. 9.

S U M M A R Y

The research is devoted to the problem of emotional perception of the Stakhanov movement by workers of the BSSR in the mid 1930s. The author considers that the movement expansion was influenced by labor values of workers and the developed system of heroism in everyday culture. In the article the principal causes and forms of display of antistakhanov moods are analyzed.

Поступила в редакцию 20.05.2009

Р.В. Тимофеев

Материально-технические условия развития транспорта БССР в 1943–1991 гг.

Одним из важных элементов послевоенной истории белорусского транспорта была государственная политика по его материально-техническому обеспечению, так как в тот период государство старалось полномасштабно воздействовать на все экономические аспекты. Вопросы материально-технического обеспечения деятельности транспорта давно заслужили право быть отдельным предметом для научного исследования, в том числе и исторического. Однако, на сегодняшний день работы такого плана фактически отсутствуют. Из современных изданий по истории белорусского транспорта можно отметить исследования И.В. Мандрика [1]. Но там вопросы материально-технического обеспечения деятельности транспорта не являлись основным объектом изучения.

Актуальность изучения вопросов материального и технического обеспечения деятельности транспорта состоит в том, что оно позволяет на практике проанализировать эффективность, состоятельность форм и методов обеспечения деятельности транспорта, определить наиболее перспективные способы достижения результатов в этой сфере, предложить пути решения проблем по материально-техническому обеспечению транспорта республики.

Наше исследование поставило перед собой следующие задачи: очертить круг организаций, ответственных за состояние и развитие материальной и технической сферы деятельности транспорта, выделить основные направления и этапы материально-технической политики в республике по отношению к транспорту, определить ее результаты по конкретным видам транспорта.

Материал и методы. Чтобы достичь достоверности в рассмотрении поставленных задач, использовались данные фондов из Национального архива Республики Беларусь, Государственного архива Витебской области, материалы периодической печати и сборники документов.

Результаты и их обсуждение. В политике обеспечения материально-технических условий деятельности белорусского транспорта органы управления больше всего внимания уделяли железной дороге. Этот вопрос стал решаться сразу после освобождения первых районов республики от оккупации. Так, в 1944 г. в целях восстановления проводилась опись оставшегося имущества и планировалась работа по его скорейшему использованию. В декабре 1944 г. СНК БССР и ЦК КП(б)Б провели ряд мероприятий по восстановлению дорог, что позволило им получить помощь стройматериалом и транспортом. Организаций, которые занимались вопросами обеспечения транспорта, было много. В условиях восстановления НКПС СССР 24 ноября 1944 г. издал приказ о сокращении расхода топлива на железных дорогах в зиму 1944/45 гг. [2]. В последующие годы к этому вопросу обращались постоянно и до конца он решен так и не был. Доля топливных расходов на транспорте всех видов оставалась непоправимо велика.

Для скорейшего восстановления железнодорожного хозяйства принимались различные решения. Так, по состоянию на 28 июля 1944 г. на восстановлении дорог на Витебском узле работало 260 человек, на Полоцком – 200 человек [3]. В апреле 1947 г. Западный округ дорог при помощи своих

приказов принял меры по ускорению восстановительных работ. Для послевоенного периода важным было и постановление Совета Министров (СМ) БССР от 29 сентября 1947 г. «О мероприятиях по увеличению производства и поставки шпал железнодорожному транспорту в 1947 г.» [3, ф. 1966, оп. 1, д. 30, л. 298]. Сразу после освобождения проявилась в своей полной остроте проблема технического обеспечения транспорта, что вынудило использовать трофейную технику.

Развитием материальной базы автотранспорта республики с 1944 г. занималось Управление шоссейных дорог БССР. Автотранспорт развивался в сложных условиях, лимитировался расход любых материалов. 19 ноября 1946 г. появилось решение СМ БССР «О распределении запасных частей к автомобилям и автомобильным шинам, выделенных республике по фондам 4-го квартала 1946 г.».

Недостатки материально-технической базы были широко известны. Свидетельством попыток исправления ситуации было постановление СМ БССР от 29 августа 1946 г. «О мероприятиях по организации авторемонтных предприятий и улучшению эксплуатации автопарка в БССР», когда СМ БССР обязал республиканскую Госавтоинспекцию БССР улучшить контроль за содержанием и эксплуатацией автотранспорта. Решения по вопросу улучшения базы транспорта принимались постоянно. Так, 15 июня 1946 г. СМ БССР издал постановление об организации летнего ремонта дорог и мостов [2, ф. 4, оп. 18, д. 71, л. 166]. На развитие условий эксплуатации автотранспорта было направлено распоряжение СНК СССР от 25 февраля 1946 г., которое касалось предохранения мостов от разрушения.

На службу автохозяйству республики после войны было передано большое количество бывших военных автомобилей: советские марки ЗИС, ГАЗ-67Б, ГАЗ-АА, ЗИС-5, ЗИС-2, иностранные – «Форд», «Шевроле», «Студебеккер». Значительная доля импортной техники заставила Совет Министров БССР издать постановление от 29 марта 1946 г.

Как и в случае с железнодорожным транспортом, появление новой отечественной техники на автотранспорте республики пришлось на конец 40-х гг. Однако, еще 9 августа 1944 г. ГКО СССР принял постановление об организации в Минске автосборочного завода и уже 8 ноября удалось собрать впервые 100 грузовиков из деталей и узлов, поставленных по ленд-лизу [4].

Без внимания властей не обходилась и база городского электротранспорта, техническое оснащение которого было недостаточным. Минск в июле 1946 г. обслуживали только 3–5 трамвайных вагонов и 10 автобусов. В 1947 г. Минский горком ВКП(б) обязал Управление ленинградского трамвая отремонтировать для Минска 10 трамвайных вагонов. В 1948 г. для столицы БССР было изготовлено 4 многоместных автобуса ЗИС-154.

Война нанесла огромный ущерб и речному транспорту. На участке Западной Двины от Суража до Уллы Витебской области на момент освобождения все служебные постройки были разрушены. В целях улучшения работы транспорта СНК БССР и ЦК КП(б)Б в 1944 г. утвердили решения по его работе в зимних условиях, когда регулярно происходили сбои в движении, что связывалось с недостаточной развитостью материальной базы. Ход восстановительных работ находился под постоянным вниманием СМ БССР.

Необходимых материалов постоянно не хватало и по вопросам технического оснащения речного флота БССР секретарям ЦК КП(б)Б приходилось обращаться к союзным наркоматам. В 1947 г. СМ БССР координировал проведение механизации причалов и распределение речной техники, поступавшей по репарациям.

Помогая речникам, союзный кабинет министров постановлением от 1 сентября 1947 г. обязал СМ союзных республик провести строительство и ремонт подъездных путей к портам и пристаням. Этот документ в октябре 1947 г. был подкреплен совместным постановлением СМ БССР и ЦК КП(б)Б «О мероприятиях по восстановлению и дальнейшему развитию речного транспорта Белоруссии» [2, ф. 7, оп. 3, д. 1373, л. 160]. Тем не менее оно было не в состоянии преодолеть имевшийся дефицит средств для восстановления.

В первое послевоенное пятилетие острой проблемой белорусской авиации была нехватка гражданского авиапарка.

Эффективность работы транспорта нельзя было увеличить без развития его базы. В этом направлении в 50-е гг. продолжали использовать административные методы. В 1954 г. было создано Министерство транспортного строительства СССР. Централизованное руководство техническим развитием отраслей хозяйства республик проводил с 1957 г. Государственный научно-технический комитет СМ СССР.

Период 50-х гг. был отмечен смещением приоритетов в развитии различных отраслей. Если в 1917–1940 гг. почти 1/5 всех капитальных вложений СССР была направлена на развитие транспорта и связи, то в 50-х гг. доля была уменьшена примерно вдвое [5]. БССР тут никакого исключения не составляла. В 4-й, 5-й и 6-й пятилетках инвестиции в транспорт и связь СССР непрерывно снижались соответственно до 12,3, 9,1 и 8,6% от общей доли [6].

В конце 50-х гг. в СССР был разработан и утвержден Генеральный план электрификации железных дорог. Однако в БССР он проводился с отставанием, так как наша республика к решающим направлениям с точки зрения союзного правительства не относилась. Поэтому широкое использование тепловозной тяги в БССР пришлось на конец 60-х гг., а электрической на середину 70-х гг. С 1959 г. стала возрастать доля расходов на транспорт, так как увеличились потребности хозяйства Советского Союза в перевозках, а имевшийся транспорт со своими задачами не справлялся.

На техническую политику по отношению к железнодорожному транспорту в 1-й половине 50-х гг. негативно повлияло мнение ряда союзных министерств о невозможности выделения необходимого количества топлива для тепловозов, в то время как его находили для паровозов. И чем позднее тепловозы внедрялись по СССР в целом, тем позднее они появились и в БССР. Нередко отношение министерств к вопросам технической реконструкции транспорта оставалось консервативным и в последующее время, например в деле внедрения электровозов. Такая ситуация имела место несмотря на то, что XIX съезд КПСС еще в 1952 г. предусмотрел развитие электрификации и внедрение мощных тепловозов. XX съезд КПСС смог в определенной степени ускорить темпы прогресса на железных дорогах. Директивы этого съезда наряду с последующими решениями привели в 60-е гг. к увеличению производства электровозов, тепловозов и прекращению выпуска магистральных паровозов.

Расширение работы автотранспорта в 50-е гг. требовало соответствующих условий. На их улучшение было направлено решение союзного кабинета министров от 11 сентября 1954 г., которое касалось подготовки автомобильных дорог к зиме. В государственных документах менялись названия, но вопросы затрагивались одни и те же. XXI съезд КПСС в 1959 г. объявил о расширении строительства автомобильных дорог.

В 50-е гг. неоправданно медленно улучшались условия эксплуатации электро транспорта. Поэтому в 1954 г. Витебский горком КПБ просил помощи у 1-го секретаря ЦК КПБ Н.С. Патоличева в строительстве трамвайного пути в Витебске. Минский горком КПБ во 2-й половине 50-х гг. контролировал строительство новых трамвайных и троллейбусных линий, пополнение городского транспорта.

Для совершенствования водных путей республики в 50-е гг. проводили очистку, углубление и выпрямление путей. Было предусмотрено выделение больших, чем раньше, средств на строительство флота и оборудование пристаней.

Союзное руководство, опираясь на решения съездов КПСС в 1959 г. и 1961 гг., предполагало быстрое внедрение многоместных турбореактивных и турбовинтовых самолетов. Но жизнь, как известно, внесла свои коррективы и такое превращение, и то только частично, пришлось на конец 70-х гг., а не на середину 60-х гг.

Из новшеств, затрагивавших техническое состояние транспорта в 60-е гг., можно отметить постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 24 сентября 1968 г., которое обязало Госплан БССР, Президиум АН БССР, Госстрой БССР разработать прогнозы технического развития хозяйства республики, чтобы они стали исходной базой для выбора перспективных направлений прогресса на транспорте.

Отражая эти положения, в 60-е гг. на Белорусской дороге строилась автоматическая блокировка, заменявшая другие системы связи по движению поездов. В 1961 г. XXV съезд КПБ высказался за обеспечение в семилетии перевода Белорусской дороги на тепловозную тягу. Но если бы все, высказанное на съезде, претворялось в жизнь. Даже следующему XXVI съезду КПБ в 1966 г. пришлось вновь говорить о замене паровой тяги на электрическую и тепловозную.

В 60-е гг. проводилась политика по дальнейшему улучшению условий деятельности автотранспорта. Так, приказ Главного управления автомобильного транспорта при СМ БССР от 5 февраля 1962 г. был посвящен мерам по более эффективному использованию капитальных вложений.

В целях улучшения проезда на городском транспорте СМ БССР принял предложение Минского горисполкома об установлении 1 февраля 1967 г. различного времени начала работы организаций в Минске. Но такое решение было показателем слабости материально-технического оснащения транспорта.

К значительному повышению эффективности работы автотранспорта, сокращению расхода ресурсов, запасных частей в 60-е гг. смогло бы привести строительство благоустроенных дорог с твердым покрытием, но масштабы работ не соответствовали потребностям. Скорости движения на дорогах без покрытия снижались в 2,5–4 раза, расход горючего увеличивался в 1,5–5 раз, а себестоимость перевозок – в 3–5 раз [7]. Чтобы улучшить ситуацию, СМ СССР регулярно издавал постановления, например 5 июля 1965 г. Бюро СМ БССР 31 мая 1966 г. на своем заседании рассмотрело записку Министерства финансов БССР о недостатках в использовании средств на строительство дорог.

В начале 60-х гг. автопредприятия республики осуществляли свою деятельность по преодолению недостатков в использовании средств для технического обслуживания, что потребовал от них приказ по Главному управлению автомобильного транспорта при СМ БССР от 26 февраля 1960 г. Особое внимание органы власти старались уделять рациональному использованию наличной техники, о чем свидетельствует постановление ЦК КПБ и СМ БССР от 17 февраля 1962 г. На XXIII съезде КПСС в 1966 г. союзные органы власти обязали Госплан СССР, Министерство автомобильной промышленности и власти республик решить вопрос по совершенствованию ремонта. В 1967 г. ЦК КПСС и СМ СССР вновь рассмотрели вопрос об улучшении обеспечения автопарка запасными частями, что указало на характерную деталь советской системы, когда основное внимание уделялось количеству автомобилей, а не их качеству.

По всем проблемам органы управления искали причины и предлагали их решение через централизацию. По мнению работников Госплана СССР, из-за отсутствия общесоюзного органа автомобильного транспорта в СССР во второй половине 60-х гг. не было единой технической политики, которую определял производитель, а не потребитель.

Рост численности городского населения привел в 60-е гг. к ухудшению его транспортного обслуживания и поэтому 26 декабря 1967 г. появилось постановление союзного кабинета министров, которое предусматривало значительное увеличение производства автобусов, троллейбусов и трамваев.

Перевозки и состояние материально-технической базы транспорта были связаны напрямую. Для того чтобы их улучшить, на речном транспорте БССР в 60-е гг. возросло количество кранов, флот пополнился землесосами. Проявленные усилия дали заметный эффект, позволивший речному транспорту из убыточного превратиться в середине 60-х гг. в прибыльное хозяйство. Главное управление речного флота БССР могло принимать решения по местной технической политике.

В гражданской авиации проведенное в 1960-е гг. внедрение новой техники привело к снижению себестоимости перевозок. Во второй половине 60-х гг. СМ СССР выделил средства целевого назначения на развитие местных линий. Однако, необходимо было еще найти материальные фонды под денежные средства, что было тогда большой проблемой. Поэтому строительство велось медленно.

Имевшееся в 70-е гг. ухудшение показателей работы транспорта понимали в самых высоких эшелонах власти. Руководство республики решило исправить положение проведением Пленума в апреле 1970 г., когда главным средством выхода из ситуации было признано ускорение технического прогресса. И в отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду КПСС в 1971 г. было отмечено, что работа транспорта не удовлетворяла существовавшим потребностям. По мнению руководства СССР, одна из причин заключалась в недостаточном выделении средств. Средств стали выделять больше, но, как показало время, необходимой отдачи они так и не дали.

В 70-е гг. на Белорусской железной дороге происходил дальнейший перевод стрелок на электрическую централизацию. Ускорение технического прогресса рассматривалось на Пленуме ЦК КПБ в апреле 1970 г., когда было решено усилить внимание на ускорение перехода к более прогрессивным видам тяги. Как и раньше, генеральная линия технического развития транспорта разрабатывалась в ЦК КПСС и СМ СССР. В их совместном постановлении «О развитии железнодорожного транспорта в 1971–1975 гг.», принятом в 1971 г., Государственному комитету СМ СССР поручили предусмотреть в планах работ развитие прогрессивных видов транспорта. В апреле 1977 г. появилось постановление ЦК КПБ и СМ БССР о мерах по развитию железнодорожного транспорта в 1976–1980 гг.

В 70-е гг. в отношении автотранспорта БССР одними из важнейших задач было повышение темпов и качества строительства автодорог и мостов. Осуществлялась реконструкция автопарков, автостанций. Чтобы облегчить условия работы автотранспорта, XXVII съезд КПБ в 1971 г. обязал руководителей обратить внимание на улучшение дорожной сети. В 1972 г. было издано постановление СМ БССР «Об усилении контроля за работой автомобильного транспорта и использованием горючего и смазочного материалов». На XXVIII съезде КПБ в 1976 г. было объявлено о проведении мероприятий по улучшению сети дорог, на которые направлялось почти вдвое больше капитальных вложений, чем в 9-й пятилетке. Вслед появилось постановление ЦК КПБ и СМ БССР от 10 мая 1976 г., где новым было внедрение полного

хозяйственного расчета по методу бригады Н.А. Злобина при обслуживании дорог.

Сложности по перевозкам пассажиров в больших городах подтолкнули Бюро Минского горкома КПБ и исполком городского Совета депутатов трудящихся принять постановление об образовании в 1974 г. оперативного штаба по вопросам проектирования и строительства метро в Минске.

Для эффективного использования речного флота в республике в 1970-е гг. применяли более совершенные перегрузочные механизмы и лучшие технологические схемы погрузки и разгрузки судов, более полно использовали их грузоподъемность, внедрялась автоматизация и механизация производственных процессов, проводили мероприятия по экономии.

Развивался и авиатранспорт. В октябре 1972 г. своим постановлением СМ СССР наметил мероприятия по повышению качества технического обслуживания самолетов в аэропортах, был определен круг министерств, обязанных разработать и изготовить системы управления в аэропортах.

Имевшееся в конце 70-х гг. ухудшение показателей на транспорте СССР органы власти пытались исправить увеличением капиталовложений. Если в 1956–1960 гг. доля капитальных вложений в транспорт СССР составляла 9% общих капитальных вложений в народное хозяйство, то в 1981–1985 гг. она возросла до 12,4% [5, с. 38]. Инвестиции в транспортную систему СССР в 1975–1985 гг. увеличились до 11,8–12,4% [6, с. 12].

Много времени в республике уделялось вопросам экономии, на что транспортников направило принятое в 1980 г. ЦК КПСС и СМ СССР постановление «Об усилении работы по экономии и рациональному использованию сырьевых, топливно-энергетических и других материальных ресурсов». Для более эффективного использования имевшихся средств их в 80-е гг. во многом тратили на реконструкцию технической базы. Однако, на совещании 1985 г. в ЦК КПСС по вопросам ускорения научно-технического прогресса пришлось отметить, что в середине 1980-х гг. отставание снабжения транспорта стало приводить к большим потерям в развитии хозяйства.

Чтобы определить основные направления развития Белорусской дороги, СМ БССР и ЦК КПБ 3 апреля 1981 г. приняли постановление, которое предусматривало ряд конкретных мер по дальнейшему развитию ее базы. В 1984 г. отдел транспорта и связи ЦК КПБ заострил внимание властей на том, что для работы транспорта необходимо иметь резервы пропускной способности, в то время как сети дорог, модернизированные в 50–60-х гг., к 80-м гг. их полностью исчерпали. Направления усилий органов власти в отношении базы железнодорожного транспорта на 1986–1990 гг. были определены на XXX съезде КПБ и включали увеличение капитальных вложений на его модернизацию.

Проблемным в развитии автотранспорта республики в 80-е гг. оставался материальный вопрос. Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 25 апреля 1980 г. «О мерах по улучшению строительства, ремонта и содержания автомобильных дорог в стране» было направлено на повышение эксплуатационных качеств автомобильных дорог. В одном ряду с ним было постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 14 апреля 1980 г. и постановление ЦК КПБ и СМ БССР от 27 июня 1980 г. Толчком к расширению дорожной сети стали решения по Продовольственной программе, принятые майским пленумом ЦК КПСС в 1982 г. По решению СМ БССР в январе 1982 г. было поручено ввести в действие в 11-й пятилетке мощности по обслуживанию и ремонту автомобилей.

Развитие базы речного транспорта на 80-е гг. было обозначено постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 17 сентября 1979 г., где были установлены задания по строительству флота и береговых объектов.

В сложных условиях рубежа 80–90-х гг. Белорусское управление гражданской авиации смогло сохранить за авиаторами их основную материальную базу, но не смогло ничего поделаться со старением технической базы, повышением оптовых цен на авиатопливо, сырье и материалы.

Заключение. Принятые по вопросам восстановления и развития материально-технической базы транспорта решения регулярно приходилось повторять, что свидетельствовало о сложности их выполнения и об отсутствии необходимых для этого ресурсов. В течение 1950–1980-х гг. в БССР имело место фактическое отсутствие четко выработанной государственной технической политики по отношению к транспорту, что проявлялось в остаточном принципе финансирования многих сторон его деятельности. Руководители ряда министерств и ведомств, многих предприятий неудовлетворительно решали вопросы комплексной механизации и автоматизации производства, медленно повышали его технический уровень. Недостатки материально-технического снабжения в 60–70-е гг., если в руководстве и не признавали прямо, то учитывали и пытались в определенной мере компенсировать их, в том числе через развитие рационализаторства и изобретательства. Его развитие также было вызвано несовершенством заводских конструкций транспортной техники. Несмотря на предпринятые в 70-е гг. усилия из-за нехватки финансовых средств для равномерного развития всех отраслей не был ликвидирован разрыв между растущими потребностями в транспорте и его способностью удовлетворять эти потребности, что было признано в СССР в конце 70-х гг. на самом высоком уровне. Хотя и имело место повышенное внимание органов власти всех уровней в 1970–1980-е гг. к проблеме оснащённости транспорта, до конца она решена не была, а технический прогресс на транспорте так и не стал в изучаемый период его основным показателем.

Первоначальное планирование технического развития транспорта, сделанное в конце 40-х – начале 50-х гг., кардинально изменилось под влиянием развернувшейся в середине 50-х гг. научно-технической революции, но не хватало средств и внимания по этому вопросу. Транспортный процесс в первой половине 50-х гг. железным дорогам БССР приходилось активизировать на старых мощностях, что, с одной стороны, приводило к дополнительным сложностям в работе, но, с другой стороны, позволяло получить неоценимый опыт по интенсификации труда и росту его производительности. Белорусская дорога в 60-е гг. отставала от среднесоюзных показателей по использованию передовых видов тяги (тепловозной и электровозной), что объяснялось влиянием общей сырьевой направленности советской экономики, когда техническому перевооружению подвергались в первую очередь те железные дороги, которые связывали основные сырьевые районы СССР с промышленными. Отставанию в уровне развития электротяги также способствовали отсутствие в республике крупных электростанций и невысокая себестоимость перевозок ввиду благоприятного рельефа местности, что позволяло более длительный срок, чем в среднем по СССР, использовать привычные и дешевые паровозы. Тем не менее основное направление технической реконструкции Белорусской дороги в 60-е гг. определяли тепловозы, а важнейшим средством повышения эффективности использования дороги в 70–80-е гг. являлось увеличение статистической нагрузки на вагон. Электротяга в 70-е гг. на Белорусской дороге стала выгоднее тепловозной, так как электроэнергия была дешевле дизельного топлива, при применении электровозов возросли скорость движения и вес составов, увеличилась пропускная способность магистралей, что в первую очередь от нее и требовалось. Негативными чертами технического состояния Белорусской дороги в конце 70-х – начале 80-х гг.

также были износ основной техники и наличие большого процента старых моделей подвижного состава.

Главным направлением деятельности органов власти республики в отношении материально-технического состояния автотранспорта в первое послевоенное пятилетие была забота об усилении автопарка и укреплении авторемонтной базы. Качество автомобильной техники находилось на низком уровне, что требовало огромной запасной материальной базы. Вместо решения вопроса об улучшении качества производства автомобилей центральные органы управления заставляли профильные министерства наращивать выпуск деталей. Характерным для оснащения транспорта в 50–80-е гг. была также медлительность внедрения новинок. Острым моментом 50–70-х гг. оставались многочисленные простои автомобилей в ремонте. Положение с дорожным строительством было одним из наиболее острых вопросов, который органы управления пытались решить, но до конца так и не решили. Вопросы строительства дорог могли подниматься органами власти и в связи с каким-либо важным на данный момент социальным вопросом. Если качество обслуживания пассажиров в 70–80-е гг. улучшалось медленно, то одной из причин этого было слабое развитие производственно-технической базы автопредприятий из-за неполного использования выделяемых на эти цели капитальных вложений. На рубеже 80–90-х гг. развитие автомобильного транспорта усилиями министерства пытались идти по пути повышения уровня технической готовности транспортных средств с помощью создания и модернизации высокопроизводительного оборудования.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Мандрик, И.В.** Развитие железнодорожного транспорта республики в 1970–1991 гг.: состояние, проблемы, уроки / И.В. Мандрик. – Витебск: УО «ВГТУ», 2003.
2. **Национальный архив Республики Беларусь.** – Ф. 4. – Оп. 18. – Д. 39. – Л. 383.
3. **Государственный архив Витебской области.** – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 167. – Л. 44.
4. **Кочнев, Е.** Родословная БелАЗов / Е. Кочнев // Автомобильный транспорт. – 1991. – № 5. – С. 14.
5. **Транспорт Страны Советов: Итоги за 70 лет и перспективы развития / И.В. Белов [и др.]; под ред. И.В. Белова.** – М.: Транспорт, 1987. – С. 38.
6. **Зотов, Д.К.** Проблемы развития транспорта СССР / Д.К. Зотов, С.С. Ушаков. – М.: Транспорт, 1990. – С. 10.
7. **Лазаренко, Т.** Проблемы и резервы транспортной системы / Т. Лазаренко // Плановое хозяйство. – 1967. – № 3. – С. 4.

S U M M A R Y

In the article some specific characteristics of transport development in the BSSR in 1943–1991 are analyzed. In it the circle of organizations which to some extent were responsible for conditions of transport development is shown. The significant attention is given to changes in material and technical policy in the Republic, to influence on growth of productivity of work on transport. In the article the dependence realization of material and technical policy in the BSSR from the allied centre and decisions of party congresses is shown. The research depicts the situation from insufficient material and technical maintenance in development of transport in the Republic that was one of the basic reasons of default of the tasks on transportations of cargoes and passengers

Поступила в редакцию 6.10.2009

П.В. Борботько, И.И. Шматков

Некоторые вопросы практической реализации норм международного гуманитарного права в годы Первой мировой войны

Ученые, исследующие вопросы международного гуманитарного права, указывают на то, что серьезные изменения и реформирование данной отрасли права были осуществлены уже после Первой мировой войны на Гаагской (1923 г.), Женевской (1925 г.) и последующих конференциях [1]. Однако, ученые недостаточно уделяют внимания попыткам заключения международных соглашений, предпринимавшимся в годы самой войны. Ведь именно эти попытки заложили основы будущих реформ и показали возможные пути решения неожиданно возникших проблем и затруднений. Цель статьи – рассмотреть вопросы практической реализации норм международного гуманитарного права в годы Первой мировой войны.

В данной статье рассматривается решение государствами двух сражавшихся военно-политических блоков (Антанта и Четверной союз) круга вопросов, связанных с военнопленными и реформированием международного гуманитарного права в 1914–1918 году. Методы исследования: логический, дедуктивный, метод юридической техники, конкретно-исторический метод.

Материал и методы. Во время Первой мировой войны (1914–1918 гг.) быстро обнаружились пробелы, существовавшие до того времени в международном гуманитарном праве. Особые условия (война двух политических блоков) не позволяли воевавшим друг с другом государствам проводить мирные конференции и переговоры напрямую. Договариваться приходилось через нейтральные страны. Благодаря этому в действовавшие к тому времени Женевские и Гаагские конвенции были внесены значительные изменения и дополнения. Среди прочих вопросов в них поднимались и проблемы, связанные с военнопленными всех воевавших государств.

Такая проблематика диктует необходимость особым образом подойти к источникам по теме и работе с ними. Как следует из нашей цели, источниками по теме являются материалы протоколов рейхстага (далее – протоколы), составленные за годы Первой мировой войны. Они сведены в виде «Стенографических отчетов о дебатах рейхстага» в тома 306–325. Данные книги представляют собой краткие стенографические записи текстов выступлений депутатов, содержат биографические сведения о депутатах, материалы о сессиях рейхстага; приложения, включающие в себя протоколы голосования по законопроектам, запросы и апелляции к правительству и ответы на них, отчеты кабинетов, тексты именных указов императора Вильгельма II, справочную информацию о вопросах, содержащихся в томах той или иной сессии и т.д.

Поскольку исследование связано с проблемами гуманитарного права, то вторую группу источников составляют международные конвенции. Данные документы публиковались в официальном издании законодательных актов Германской империи «Рейхсгезецблат» (Reichsgesetzblatt). К тому же они входят в издание «Документы по международному гуманитарному праву», выпущенное в свет немецким Красным Крестом в 2007 году и содержащее тексты международных конвенций на немецком и английском языках [1].

Результаты и их обсуждение. К моменту начала Первой мировой войны воюющие державы ратифицировали все конвенции, подписанные в 1856–1907 гг. Среди указанных международных правовых следует назвать следующие: Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны (18 октября 1907 года) [2], Конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях (6 июля 1906 года) [1], Конвенция о морской войне (18 октября 1907 года) [3]. В этой части сборника документов тексты указанных соглашений точно соответствуют содержанию конвенций, опубликованных в иных источниках.

Как уже отмечалось, война показала пробелы в действовавшем праве. Следует оговориться, что рассматриваемые нами соглашения не подлежали ратификации законодательных органов власти. Они являлись соглашениями военных ведомств враждебных друг другу государств, скрепленными авторитетом и посредничеством нейтральных держав (Швейцария, Швеция, Дания и т.д.). Например, как указывал Бетманн Голльвег, канцлер Германии, немцы «... при сложившихся обстоятельствах договаривались не о формальных вопросах, но о более или менее свободных от формальностей соглашениях, которые принимались только после продолжительных переговоров с участием представителей нейтральных стран, а частично также под давлением немецких репрессалий» [4]. При чтении подобного заявления следует учитывать, что в Первую мировую войну именно немцы практически исключительно воевали на чужой территории. Поэтому они довольно часто нарушали международные соглашения конца XIX – начала XX века, что вызывало возмущение французского, бельгийского, английского и др. правительств. Это, как известно, стало одной из причин попытки проведения международного трибунала над военными преступниками после войны [5]. К тому же мы видим, что в то время еще не был запрещен режим репрессалий и он активно использовался, в данном случае, немецкой дипломатией при заключении международных соглашений.

В 1914–1918 гг. было уточнено применение статьи 14 Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны [6]. Она касалась проблемы создания справочного бюро для обмена данными о содержащихся в воюющих государствах военнопленных. Германия, Франция, Великобритания, Италия, Румыния, Россия и Япония договорились о регулярной передаче этих списков (по возможности) раз в неделю, а не после окончания войны (как регламентировала статья) через посредничество своих доверенных представителей из числа нейтральных держав. Однако в отличие от правил, указанных в статье 14, карточка на военнопленного не включала данных о его возрасте, месте происхождения, чине, дне и месте взятия в плен, полученном ранении или смерти. В ней содержались лишь фамилия, имя, номер воинской части, место нахождения в лагере для военнопленных и иные «возможные изменения» [4].

Особого регулирования требовали проблемы, связанные с возвращением санитарного персонала. Женевская конвенция от 22 августа 1864 года предписывала освобождать санитаров, санитарные машины и персонал госпиталей после исполнения ими своих функций (статья 3) [1]. Статья 4 гарантировала, что «скорой помощи, при данных обстоятельствах, должна быть воз-

вращена ее экипировка» [1]. Редакция данной конвенции 1906 года (ратифицирована Германией в 1907 году) позволяла отступать от данных норм [7]. Воюющие державы стремились задержать врачей и медицинских работников в плену (в силу того, что поступало большое количество раненых пленных). Поэтому по вопросам процедуры возвращения санитарного персонала на родину Германия заключила разные соглашения с различными государствами Антанты. Общим в них было то, что полковые священники признавались членами санитарного персонала, а медицинские работники должны были подлежать обоюдной репатриации.

С Францией было договорено, что к санитарному персоналу будут отнесены не только лица, принадлежность которых к нему точно установлена, но и те пленные, которые утверждают свою принадлежность к санитарам, но не могут этого подтвердить документами. На первом этапе оба государства должны были обмениваться списками передаваемых лиц, а на втором – передать абсолютно всех лиц данной категории без учета их количества. Отдельно оговаривалось, что после освобождения они могут работать только в духовной или санитарно-медицинской службе.

Особенности договора с Россией заключались в том, что значительная территория империи была оккупирована немцами. Население захваченных районов и пленные в лагерях нуждались в медицинской и духовной помощи. Поэтому передаче должны были подлежать не все пленные русские врачи и священники. Предполагалось, что в оккупированных районах останется по 1 врачу и 10 санитаров на 2500 человек, проживающих в нем. Из всего числа священнослужителей, оказавшихся на оккупированной территории, будут освобождаться и передаваться русским властям лишь те, кто болен или находится в преклонном возрасте. При этом большая часть священников останется в лагерях для военнопленных для удовлетворения духовных потребностей содержащихся в них лиц.

Великобритания обязывалась передать весь пленный санитарный персонал (в том числе и содержащийся в протекторатах).

Проблема возвращения домой и расположения в нейтральных странах военнопленных-инвалидов была решена путем заключения двух договоров: «Условия обмена тяжелоранеными между Германией, с одной стороны, и Бельгией, Францией и Великобританией, с другой»; «Условия обмена тяжелоранеными между Германией и Россией» [4]. Оба соглашения перечисляли увечья и болезни, позволявшие относить военнопленных к передаваемым инвалидам: «совершенная или частичная потеря одного или нескольких членов (по меньшей мере, руки или ноги); полная неспособность употребления одного или нескольких членов (вследствие паралича, атрофии мышц, неверного сочленения, опухоли артерии, нарушений позвоночника); длительный паралич; ранения или нарушения в головном мозге с тяжелыми последствиями; ранения или нарушения в спинном мозге; потеря обоих глаз (слепота) или одного глаза со снижением остроты зрения второго на 1/4; значительное повреждение лица или искривление полости рта, обуславливающие значительное затруднение для питания или дыхания; все запущенные случаи туберкулеза; неизлечимые психические заболевания; иные случаи, установленные специальной медицинской комиссией» [4]. Каждая передающая сторона должна была составить медицинскую комиссию с обязательным включением в нее независимых швейцарских врачей. Комиссия занималась вопросом освидетельствования больных и раненых. После чего происходила их передача. Бельгия и Франция производили обмен с Германией через Швейцарию, Великобритания – через Нидерланды, Россия – через Швецию. К сожалению, в протоколах рейхстага содержатся материалы, касающиеся данного вопро-

са, только до 31 января 1917 года (документ № 645) [4]. Поэтому о результатах переговоров о подобных соглашениях с другими государствами (например, с Италией) материалов нет. Дело в том, что, как указывалось выше, переговоры проводили специальные военные комиссии и дипломатические службы. Они не ратифицировались рейхстагом и зачастую отсутствуют в его материалах.

Новые подходы к положению военнопленных требовали решения проблемы посещения концентрационных лагерей комиссиями нейтральных государств. Делалось это для проверки соблюдения условий международных договоров. Статья 15 Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны указывала, что уполномоченные этих обществ допускаются «под условием предъявления именного разрешения, выданного военной властью, и дачи письменного обязательства подчиняться всем ее распоряжениям, касающимся порядка и безопасности» [6]. Однако различные ограничения, которые вводили военные власти в силу сохранения секретности, перестраховки, запретов свыше, местных актов законодательства и т.д., привели к необходимости уточнить процедуру данного вопроса. Соглашения были заключены между Германией, Францией, Японией, Великобританией и Россией. Целью посещения могли быть только получение информации о положении пленных и прием от них пожеланий и жалоб [6]. Сами соглашения с каждой из воевавших держав имели свои особенности.

Великобритания дала согласие на посещение представителями благотворительных обществ (Schutzmächte) лагерей и госпиталей для военнопленных в любое время без предварительного разрешения со стороны органов власти, а также без предварительного объявления об этом. Для посещения тех пленных, которые находятся на своих рабочих местах или в местах лишения свободы, необходим был предварительный запрос в компетентные военные органы [4].

Франция заключила такое же соглашение, что и Великобритания. Отличие состояло лишь в том, что особо оговаривалось посещение подследственных, которое разрешалось только после предварительной регистрации и в присутствии инспекторов от французских военных властей. Для допуска инспекции в лагерь необходимо было заручиться согласием его коменданта. На основании данного соглашения летом 1916 года два представителя американского посольства в Париже (имена не сообщаются в протоколах) посетили лагерь пленных (не сообщается место его расположения) французских офицеров в Германии [4].

Документы из протоколов показывают, что подобные посещения проводились крайне редко и касались больше лагерей для офицеров. Большинство же сведений о положении пленных в той или иной стране депутаты получали из сообщений американских газет, ссылавшихся на «осведомленный источник». Поэтому большая часть запросов в рейхстаге о бедствиях и страданиях немецких пленных опирается лишь на статьи из прессы.

Регулирование проблемы обеспечения пленных продовольствием и денежным жалованьем предусматривала статья 17 Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны. Она указывала, что «военнопленные офицеры получают оклад, на который имеют право офицеры того же ранга страны, где они задержаны, под условием возмещения такового расхода их Правительством» [4]. Здесь опять следует оговориться, что: во-первых, она касалась только офицеров; во-вторых, она ограничивала возможности небогатого государства позволить себе требовать значительного обеспечения для своих офицеров, находящихся в плену; в-третьих, в условиях экономического кризиса, вызванного войной, Германии было трудно выполнять обязательства по данной ста-

тье перед странами Антанты. Например, в мае 1916 года Германия и Франция заключили договор «О достаточном снабжении хлебом немецких военнопленных во Франции». Каждый пленный должен был получать по 600 граммов хлеба в день. В свою очередь, немцы должны были обеспечить хлебом французских солдат и офицеров. Поскольку необходимых средств у германского правительства не нашлось, то был объявлен, «...запрещенный ранее, сбор хлебных посылок для французских пленных» [4].

Во время проведения переговоров очень остро стоял вопрос о вычетах, которые должны осуществляться из жалованья пленных офицеров за различные виды услуг и пищу. Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны (статья 7) указывала, что «... военнопленные пользуются такой же пищей, помещением и одеждой, как войска Правительства, взявшего их в плен» [6]. Соглашения 1914–1918 года, регулировавшие подобные проблемы, не распространялись на рядовой состав. Вероятно, это было вызвано большим количеством пленных из числа низших чинов армий противника (их содержание обходилось слишком дорого), а также социальным статусом офицеров воевавших держав (они относились к привилегированному слою общества).

По соглашению Германии с Францией и Бельгией «О жалованьи для офицеров» было предусмотрено, что из данных денег можно удерживать до 1/2 за обеспечение человека продовольствием, до 2/3 за врачебный уход, но не могут взиматься деньги за жилье. Величина же жалованья во Франции была установлена следующая (всего 16 категорий): генералу – 600–832 франка, полковнику – 495, подполковнику – 375, капитану третьего ранга – 300–337, капитану – 210–277, старшему лейтенанту – 150–203, лейтенанту – 120–135. В случае если офицера, находившегося в плену, повышали в чине (на Родине), то в лагере для военнопленных ему также начислялось большее жалованье. Однако для этого требовалось, чтобы о повышении в чине его страна заявила в одном из регулярных официальных изданий в течение двух месяцев после взятия человека в плен. В противном случае пленившая его сторона не признавала повышения в звании [4].

Соглашение с Великобританией предусматривало, что из своего жалованья пленные офицеры должны оплачивать продовольствие, одежду, квартиру, освещение и отопление. Жалованье офицерам (предусмотрено всего 2 категории) ниже капитана составляло 120 фунтов стерлингов, выше капитана – 135. Повышение в чине признавалось только то, которое было оформлено до пленения [4].

Соглашение с Россией указывало, что из жалованья не производятся вычеты за квартиру, а только за питание. В случае если офицер желал питаться за свой счет, то вычетов вообще не было. Тарифы предусматривали лишь три разряда: генерал получал 125 рублей, офицер штаба или капитан – 75, низший офицер – 50. Повышение в чине признавалось только для солдат (если они получают офицерское звание) [4].

В отличие от Франции, Великобритания и Россия согласились выполнять статью 10 Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны: «Военнопленные могут быть освобождаемы на честное слово, если это разрешается законами их страны, и в таком случае обязаны, с ручательством личною своею честью, добросовестно исполнить принятые ими на себя обязательства...» [6]. В соглашении оговаривалось, что данная статья действует только в отношении офицеров, не применяющихся на работах. Как можно судить из указанного документа, его исполнение трактовалось как забота о здоровье пленных – необходимо было позволить им больше двигаться [4]. С лиц, пользовавшихся подобным правом, бралось честное слово и обещание «не убежать и не предпринимать в течение этого времени ничего против безопасности страны содержания» [4]. Однако, как известно, многие русские офицеры ис-

пользовали такую возможность для бегства. Наиболее известный пример – М.Н. Тухачевский. При этом они пользовались защитой Статьи 18 Конвенции 1907 года [6]. В случае же их повторного пленения данная статья регламентировала, что «военнопленные, удачно совершившие побег и вновь взятые в плен, не подлежат никакому взысканию за свой прежний побег» [6].

Заключение. Таким образом, можно заключить, что Первая мировая война, являясь величайшей трагедией человечества в начале XX века, вместе с тем, продемонстрировала недостатки и пробелы, существовавшие в международном гуманитарном праве к 1914 году (в области защиты прав военнопленных). Дальнейшее его развитие пошло по тем направлениям, которые были намечены в рассмотренных соглашениях и конвенциях. Как следует из текста нашего исследования, в указанный период (1914–1918 годы) были намечены пути и методы решения следующих проблем: репатриации санитарного персонала, священнослужителей и инвалидов, размещения военнопленных для лечения в нейтральных государствах, посещения лагерей для военнопленных представителями международных благотворительных организаций и Красного Креста, продовольственного и денежного обеспечения пленных, прогулок для лиц, лишенных возможности двигаться, признания страной, содержащей пленных, их повышения в звании и т.д.

Вместе с тем, как было указано, серьезным недостатком стало то, что многие из данных договоров не касались рядового состава, оказавшегося во вражеском плену. Что, по всей вероятности, было вызвано экономическими и социальными причинами. Поскольку данные договоры в большинстве своем не ратифицировались законодательными органами обеих сторон, нося зачастую характер соглашения военных властей, то они действовали только на период этой войны, а гарантами их соблюдения выступали нейтральные государства. Иногда заключение того или иного акта проходило без соблюдения принципов свободы и равенства сторон договорного процесса под действием репрессалий страны-инициатора.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Dokumente zum Humanitären völkerrecht* – Documents on international humanitarian law. – Genf: Rote Kreuz, 2007. – 1090 s.
2. *Haager Landkriegsordnung vom 18. Oktober 1907* // Reichsgesetzblatt. – 1910. – S. 132.
3. *Zehntes Haager Abkommen, betreffend die Anwendung der Grundsätze des Genfer Abkommens auf den Seekrieg*, vom 18. Oktober 1907 // Reichsgesetzblatt. – 1910. – S. 283.
4. *Vehandlungen des Reichstags*. XIII Legislaturperiode. II Session: in 460 Bd. / gedruckt J. Sittenfeld – Berlin: Norddeutschen Buchdruckerei und Verlag-Anstalt, 1914–1918. – Bd. 320: Anlagen zu den Stenographischen Berichten. – S. 999–1310.
5. *Борботько, П.В.* Попытка проведения международного военного трибунала над военными преступниками после окончания Первой мировой войны / П.В. Борботько, В.И. Пушкин, А.А. Сухарев // *Вестник ВДУ*. – 2005. – № 2(36). – С. 33–37.
6. *Действующее международное право: в 3 т.* / сост.: Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. – М.: Издательство Московск. независ. инст. междунар. права, 1999. – Т. 2: Вооруженные конфликты и международное право. – С. 575–586.
7. *Genfer Abkommen zur Verbesserung des Loses der Verwundeten und Kranken bei den im Felde stehenden Heeren*, vom 6. Juli 1906 // Reichsgesetzblatt. – 1907. – S. 279.

S U M M A R Y

The article is devoted to little-known questions of international humanitarian right development. It concerns the problems of negotiations on the destiny of German prisoners of war during the First World War.

Поступила в редакцию 12.09.2009

В.В. Марчук

Новая редакция статьи 174 УК Республики Беларусь

(вопросы криминализации, пенализации и квалификации)

Статья 174 действующего Уголовного кодекса Республики Беларусь 1999 г. (далее – УК) предусматривает ответственность за уклонение родителей от содержания детей либо от возмещения расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении. С момента вступления в силу УК статья 174 уже четырежды подвергалась изменениям. Эти изменения касались не только процесса пенализации, но и сферы криминализации. Введение новых признаков в статью 174 УК меняет также подходы и в уголовно-правовой оценке данного преступления.

Научная юридическая общественность пока не отреагировала на кардинальные изменения сферы уголовной противоправности этого преступления. Целью настоящей статьи является определение на основе анализа содержания нормативных положений, предусмотренных ст. 174 УК, особенностей криминализации, пенализации и квалификации уклонения родителей от содержания детей либо от возмещения расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении.

Материал и методы. В первоначальной редакции статья 174 УК предусматривала ответственность за уклонение родителей более трех месяцев в течение года от уплаты по решению суда (судьи) средств на содержание несовершеннолетних детей либо совершеннолетних, но нетрудоспособных и нуждающихся в материальной помощи. Начало преобразованию содержанию нормы, предусмотренной статьей 174 УК, положил Закон Республики Беларусь от 8 мая 2002 г. № 98-З [1]. Данный закон, изменив содержание части 1 статьи 93 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье, установил, что в случае помещения ребенка в детские интернатные учреждения на государственное обеспечение (за исключением детей-инвалидов), а также в опеку, приемную семью с каждого из родителей взыскиваются средства на содержание детей в размерах и на условиях, предусмотренных соответствующими статьями КоБС Республики Беларусь. Этим же законом был расширен диапазон альтернативных наказаний, предусмотренных частью 1 статьи 174 УК. Санкция части 1 статьи 174 УК была дополнена двумя более мягкими альтернативными наказаниями: общественными работами и исправительными работами, что придавало положениям части 1 статьи 174 УК обратную силу в отношении фактов неквалифицированного уклонения родителей от содержания детей, совершенных до вступления в силу Закона от 8 мая 2002 г. № 98-З.

Процесс смягчения санкций, предусмотренных статьей 174 УК, был продолжен Законом Республики Беларусь от 22 июля 2003 г. № 227-З: срок самого строгого наказания в санкции части 1 статьи 174 УК – наказания в виде ограничения свободы был сокращен с трех до двух лет; санкция части 2 статьи 174 УК, предусматривавшей повышенную ответственность за квалифицированное уклонение родителей от содержания детей (за счет признака специального рецидива), стала альтернативной: помимо наказания в виде лишения свободы была установлена возможность назначения наказания в виде ограничения свободы на срок до трех лет [2].

Существенным коррективом была подвергнута статья 174 УК Законом от 19 июля 2005 г. № 37-З [3]. Этим же законом были внесены изменения в КоБС, Трудовой кодекс, ГПК, в Закон «О занятости населения Республики Беларусь».

Закон от 19 июля 2005 г. № 37-З видоизменил название, гипотезу, диспозицию и санкцию как части 1, так и части 2 статьи 174 УК Республики Беларусь. Статья 174 УК стала называться «Уклонение родителей от содержания детей либо от возмещения расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении». Часть 1 статьи 174 УК в редакции Закона от 19 июля 2005 г. № 37-З уже устанавливала ответственность за два варианта преступного поведения:

1. Уклонение родителей более трех месяцев в течение года от уплаты по судебному постановлению средств на содержание несовершеннолетних детей или совершеннолетних, но нетрудоспособных и нуждающихся в материальной помощи.

2. Уклонение более трех месяцев в течение года от уплаты по судебному постановлению средств по возмещению расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении.

За первый вариант преступного поведения была предусмотрена ответственность и ранее. Здесь было лишь одно уточнение: вместо слов «решение суда (судьи)» стал использоваться термин «судебное постановление». Такое уточнение было вполне обоснованным, поскольку этот вопрос мог решаться не только по решению суда, но и по постановлению или определению суда.

Новеллой стал второй вариант преступного поведения. В части этого варианта поведения норма имеет бланкетный характер. Здесь следует отметить, что статья 93 КоБС Республики Беларусь в редакции Закона от 19 июля 2005 г. № 37-З уже устанавливала обязанность о возмещении в полном объеме родителями расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении не только в детских интернатных учреждениях, но и в государственных специализированных учреждениях для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной помощи и реабилитации, государственных учреждениях, обеспечивающих получение профессионально-технического, среднего специального, высшего образования, детских домах семейного типа, детских деревнях (городках), опекунских или приемных семьях.

Результаты и их обсуждение. В целом, следует заметить, что по объективной и субъективной стороне преступные варианты поведения, описанные в части 1 статьи 174 УК были сходны по своему содержанию. Разными были лишь обязанности, от выполнения которых уклонялись соответствующие лица: в одном случае шла речь о неисполнении алиментных обязательств, в другом – о невыполнении обязательств по возмещению расходов, затраченных государством на содержание их детей, находящихся на государственном обеспечении в соответствующих учреждениях.

Законом от 19 июля 2005 г. № 37-З были произведены существенные корректировки и в санкциях статьи 174 УК. Из санкции части 1 статьи 174 УК исключили введенные два года назад наказания: наказание в виде общественных работ и наказание в виде ареста. Срок наказания в виде ограничения свободы вновь увеличили до трех лет. Если санкция части 1 статьи 174 УК однозначно стала более строгой, то в санкции части 2 статьи 174 УК произошли несколько иные изменения: с одной стороны, она стала более мягкой (было исключено наказание в виде лишения свободы и введено новое более мягкое наказание в виде исправительных работ сроком от одного года до двух лет), с другой стороны, произошло ужесточение за счет увеличения

верхнего предела наказания в виде ограничения свободы до четырех лет (до принятия Закона № 37-3 было предусмотрено – до трех лет).

5 января 2008 г. статья 174 УК подверглась очередным изменениям [4]. В настоящее время эта статья (название осталось прежним) состоит из трех частей.

Часть 1 статьи 174 УК предусматривает ответственность за «уклонение родителей более трех месяцев в течение года от уплаты по судебному постановлению средств на содержание несовершеннолетних или совершеннолетних, но нетрудоспособных и нуждающихся в материальной помощи детей». Уголовная противоправность данного варианта поведения по сравнению с предыдущей редакцией статьи 174 УК фактически не изменилась. Есть лишь одно уточнение, которое вносит не только редакционную, но и юридическую ясность в понимании лиц, в отношении которых должны выполняться алиментные обязанности. Дело в том, что в прежней редакции части 1 статьи 174 УК шла речь о «несовершеннолетних детях или совершеннолетних, но нетрудоспособных и нуждающихся в материальной помощи». При наличии статьи 175 УК, предусматривающей ответственность за уклонение детей от содержания родителей, возникал вполне закономерный вопрос: кто же должен пониматься под «совершеннолетним, но нетрудоспособным и нуждающимся в материальной помощи»? В этом смысле часть 1 статьи 174 УК в настоящее время четко определяет две категории лиц, в отношении которых родитель должен выполнять алиментные обязанности:

- несовершеннолетние дети;
- совершеннолетние, но нетрудоспособные и нуждающиеся в материальной помощи дети.

В части 2 статьи 174 УК предусмотрена ответственность за самостоятельное преступление: уклонение родителей от возмещения расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении.

Следует обратить внимание на то, что уголовная противоправность данного вида уклонения по сравнению с Законом от 19 июля 2005 г. № 37-3 существенно изменена. Во-первых, при данном варианте уклонения уже не требуется, чтобы неисполнение обязательства по возмещению расходов на государственное содержание имело место при наличии соответствующего судебного постановления. Во-вторых, объективная сторона преступления в части 2 статьи 174 УК определяется не в обобщенной форме через термин «уклонение», как это было ранее, а конкретизируется альтернативными деяниями, которые могут образовать это преступление. В части 2 статьи 174 УК указывается на три возможных деяния, наличие которых позволяет констатировать объективные признаки уклонения родителей от возмещения расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении:

- неявка родителя на работу десять и более рабочих дней в течение трех месяцев;
- сокрытие или занижение родителем размера заработной платы и приравненного к нему дохода;
- иное виновное действие (бездействие), повлекшее за собой неисполнение или неполное исполнение ежемесячных обязательств по возмещению расходов на содержание детей.

При определении момента юридического окончания *неявки родителя на работу* необходимо учитывать следующее:

1. Неявка на работу в своей совокупности образует не менее десяти рабочих дней. По смыслу уголовного закона не требуется, чтобы 10-дневный срок был непрерывным.

2. Совокупный период неявки на работу, образующий не менее десяти дней, должен образоваться в течение трех месяцев. Следует полагать, что этот трехмесячный срок должен исчисляться с первого пропущенного рабочего дня.

3. Должны отсутствовать уважительные причины неявки на работу. Наличие уважительной причины хотя бы по одному пропущенному рабочему дню должно влиять на исчисление минимального десятидневного срока.

4. Истекло рабочее время всего рабочего дня, входящего в минимальный десятидневный период. При этом не имеют значения форма организации рабочего времени и продолжительность рабочего дня, установленные в соответствующей организации для определенных работников (сокращенный рабочий день, неполный рабочий день, ненормированный рабочий день и т.д.).

По смыслу уголовного закона исчисление периода неявки на работу предполагает полное отсутствие работника на рабочем месте в течение всего рабочего дня. В соответствии со статьей 133 Трудового кодекса Республики Беларусь учет рабочего времени является обязанностью нанимателя. Фактическое рабочее время учитывается нанимателем с момента явки работника на место выполнения работы согласно правилам внутреннего трудового распорядка, графику работ (сменности) или особому указанию нанимателя и до момента фактического освобождения от работы в этот рабочий день (смену).

Под *сокрытием или занижением родителем размера заработной платы и приравненного к нему дохода* следует понимать утаивание или сознательное уменьшение размеров соответствующих доходов.

К приравненному к зарплате доходу следует относить доходы от предпринимательской деятельности, дивиденды по ценным бумагам, доходы от сдачи имущества в аренду и др.

Сокрытие или занижение соответствующих доходов, как правило, связано с фальсификацией документов финансового характера. Юридически оконченными эти деяния следует признавать с момента их совершения.

К *иному виновному действию (бездействию), повлекшему за собой неисполнение или неполное исполнение ежемесячных обязательств по возмещению расходов на содержание детей*, следует относить любое поведение, свидетельствующее о сознательном намерении лица уклониться от возмещения расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении (перемена места жительства и работы с целью уклонения от возмещения расходов, фальсификация документов о нетрудоспособности и т.д.).

Юридическая природа уклонения от исполнения возложенной на родителя государством обязанности позволяет утверждать, что к «виновному действию (бездействию)» в данном случае следует относить только умышленное деяние.

Статья 93 КоБС Республики Беларусь практически определяет круг субъектов уклонения родителей от возмещения расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении:

- родители, лишённые родительских прав;
- родители, у которых дети отобраны без лишения родительских прав по решению суда;
- родители, у которых дети отобраны по решению комиссии по делам несовершеннолетних районного, городского исполнительного комитета, местной администрации района в городе по месту нахождения ребенка;

– родители, находящиеся в лечебно-трудовых профилакториях или в местах содержания под стражей;

– родители, отбывающие наказание в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы, ограничения свободы, ареста.

В части 3 статьи 174 УК предусмотрен квалифицированный вид преступления: «Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные лицом, ранее судимым за уклонение от содержания детей либо от возмещения расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении».

Новая редакция статьи 174 УК дает основания для ее критики. Выделение в части 1 и части 2 статьи 174 УК самостоятельных видов преступлений противоречит не только законодательной технике конструирования уголовно-правовых норм, но и порождает серьезные проблемы для квалификации преступления и определения мер уголовной ответственности. Дело в том, что не исключается ситуация, когда соответствующий родитель может совершить два преступления, ответственность за которые предусмотрена частью 1 и частью 2 статьи 174 УК. Положения статьи 41 и статьи 71 УК не дают оснований утверждать, что в таком случае будет иметь место повторность преступлений, поскольку в силу разной юридической природы рассматриваемые виды преступного уклонения не являются преступлениями «одного и того же вида», а специальной оговорки в уголовном законе на сей счет не имеется. Не будет оснований констатировать в таком случае и совокупность преступлений, в силу отсутствия признаков, указанных в статье 42 УК. Какими правилами должен будет руководствоваться суд при определении окончательной меры наказания в таком случае?

Кроме того, не совсем понятна и логика дифференциации уголовной ответственности за соответствующие виды преступного уклонения. Санкции, предусмотренные частью 1 и частью 2 статьи 174 УК, абсолютно идентичны: исправительные работы на срок до двух лет или ограничение свободы на срок до трех лет.

Следует обратить внимание еще на один момент. Законом от 5 января 2008 г. № 315-3 были внесены также коррективы в нормы об условно-досрочном освобождении (статьи 90 и 119 УК). До принятия Закона от 5 января 2008 г. № 315-3 условно-досрочное освобождение при установлении факта примерного поведения, доказывающего исправление осужденного лица, могло быть применено к любому лицу, независимо от того, за какое преступление оно было осуждено к наказанию, указанному в части 1 статьи 90 или части 1 статьи 119 УК. Лицо, даже допустившее особо опасный рецидив, может претендовать на условно-досрочное освобождение при наличии условий и основания, предусмотренных частью 1 и частью 2 статьи 90 УК. Однако закон от 5 января 2008 г. № 315-3 ограничил круг осужденных, на которых могут распространять свое действие нормы об условно-досрочном освобождении. Часть 7 статьи 90 УК и соответственно часть 6 статьи 119 УК исключают применение условно-досрочного освобождения к лицам, обязанным возмещать расходы, затраченные государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении, в следующих случаях:

1. Если это лицо осуждено за какое-либо из преступлений, предусмотренных статьями 174 УК.

2. Если это лицо осуждено за иное преступление, совершенное в период работы в организациях на основании судебного постановления.

По смыслу уголовного закона к «иному преступлению» следует относить любое деяние, запрещенное УК, которое совершено в период работы в организациях на основании судебного постановления.

Введение в статью 90 УК и статью 119 УК ограничения по условно-досрочному освобождению напоминает историю с этим видом освобождения от наказания в период действия УК 1960 г. В первоначальной редакции УК 1960 г. статья 51 этого УК не ограничивала применение условно-досрочного освобождения по тяжести совершенного преступления или особенностям личности преступника. Такой подход соответствовал принципу равенства всех перед законом. Но позднее в УК 1960 г. была введена статья 51¹, установившая перечень лиц, к которым условно-досрочное освобождение уже не могло быть применено [5]. В УК 1999 г., несмотря на законодательное закрепление принципа равенства всех перед законом (ч. 3 ст. 3 УК), появился прецедент ограничения применения условно-досрочного освобождения. Следует также заметить, что подобные ограничения не совсем согласуются в системе уголовного законодательства. Если есть основания для запрета условно-досрочного освобождения в отношении указанных категорий лиц, то почему эти основания исчезают применительно к институту замены наказания более мягким (ст. 91 и ст. 120 УК)? Почему к лицу, убедительно доказавшему исправление в процессе отбывания наказания, например, за уклонение от содержания детей (часть 1 статьи 174), нельзя применять условно-досрочное освобождение, но можно заменить назначенное наказание более мягким наказанием лишь при частичном его исправлении (например, заменить наказание в виде ограничения свободы общественными работами)? Возможно, подход, закрепленный в части 7 статьи 90 УК и части 6 статьи 119 УК, способствует достижению цели общей превенции. Однако иные цели уголовной ответственности в данном случае игнорируются. Применительно к осужденному назначенное наказание в этой ситуации фактически будет выполнять только функцию кары.

Заключение. Вышеизложенное позволяет каталогизировать на уровне выводов следующие суждения:

1. Изменения в статью 174 УК, произведенные Законом Республики Беларусь от 19 июля 2005 г. № 37-3, свидетельствуют о том, что законодатель использовал в данном случае два самостоятельных криминализационных основания: общественную опасность уклонения родителей от содержания несовершеннолетних или совершеннолетних, но нетрудоспособных и нуждающихся в материальной помощи детей и общественную опасность уклонения родителей от возмещения расходов, затраченных государством на детей, находящихся на государственном обеспечении.

2. Сфера уголовной противоправности уклонения родителей от возмещения расходов, затраченных государством на детей, находящихся на государственном обеспечении, конкретизирована за счет перечневого подхода в определении круга деяний, образующих объективную сторону данного преступления.

3. Пенализационная политика в области применения ст. 174 УК за прошедшие десять лет с момента принятия УК носила амплитудный характер. Первоначальные изменения в ст. 174 УК (Законы от 8 мая 2002 г. № 98-3 и от 22 июля 2003 г. № 227-3) свидетельствовали о либерализации санкций. Однако изменения в санкции статьи 174 УК, внесенные Законом от 19 июля 2005 г. № 37-3, показывают ужесточение уголовной репрессии в отношении лиц, уклоняющихся от выполнения родительских обязанностей.

4. Четкое определение в части 1 статьи 174 УК категорий лиц, в отношении которых родитель должен выполнять алиментные обязанности, облегчает правоприменителю задачу квалификации уклонения родителя от содержания детей.

5. Выделение в части 1 и части 2 статьи 174 УК самостоятельных видов преступлений порождает некоторые проблемы с квалификацией преступления и определением мер уголовной ответственности. При одновременном совершении лицом деяний, предусмотренных частью 1 и частью 2 статьи 174 УК, содеянное не может быть квалифицировано по правилам о множественности преступлений. Эта проблема неизбежно порождает вопрос и о назначении меры уголовной ответственности. Разрешить означенную проблему квалификации преступления можно только законодательным путем. Возможным решением здесь может быть выделение ответственности за уклонение от возмещения расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении, в отдельной статье Особенной части УК.

ЛИТЕРАТУРА

1. *О внесении изменений в некоторые законодательные акты Республики Беларусь по вопросам имущественных обязанностей родителей: Закон Респ. Беларусь от 8 мая 2002 г. № 98-З* // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2002. – № 55. – 2/847.
2. *О внесении дополнений и изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 22 июля 2003 г. № 227-З* // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2003. – № 83. – 2/974.
3. *О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Беларусь по вопросам возмещения расходов на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении: Закон от 19 июля 2005 г. № 37-З* // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2005. – № 120. – 2/1134.
4. *О внесении дополнений и изменений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам государственной защиты детей в неблагополучных семьях: Закон от 5 января 2008 г. № 315-З* // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2008. – № 14. – 2/1412.
5. *О внесении дополнений в Уголовный кодекс БССР: Указ Президиума Верховного Совета БССР от 29 декабря 1969 г.* // СЗ БССР. – 1970. – № 1. – Ст. 2.

S U M M A R Y

Changes and additions which have been brought in article 174 of the Criminal code of the Republic of Belarus are analyzed. The critical analysis of the elements of norm from the position of legislative techniques of its formation is given. The problem of differentiation of the criminal liability for evasion of parents from performance of their duties is considered.

Поступила в редакцию 18.03.2009

УДК 371.4

А.П. Орлова

Учение К.Д. Ушинского о народности воспитания как фактор развития научной педагогики (к 185-летию со дня рождения ученого)

Разрабатываемые концепции воспитания ставят задачу формирования личности на этнокультурной основе, фокусируя внимание ученых на преемственности народной и научной педагогики и поиске факторов, способствующих данной преемственности, активизирующих развитие научной педагогики. В то же время мировой историко-педагогический процесс дает нам подобный пример. Один из них – непреходящее внимание теоретиков педагогики к учению К.Д. Ушинского о народности воспитания. К.Д. Ушинский одним из первых в отечественной педагогике ввел в научный оборот термин «народная педагогика» и, теоретически обосновав идею народности воспитания, убедительно доказал, что без опоры на народную традицию педагогическая теория абстрактна и мертва. Ему принадлежит мысль, что преемственность народной и научной педагогики обуславливает устойчивость педагогической науки, т.к. ориентирует на единственно правильный путь построения научного знания, которому нет альтернативы.

Значимость обращения к учению К.Д. Ушинского о народности воспитания на современном этапе исторического развития подтверждают уроки из исторического прошлого. И в том плане определенный научный интерес, бесспорно, представляет период развития советской педагогики. Историко-педагогический анализ развития педагогической теории периода 1917–1991 гг. позволяет выявить отношение ведущих педагогов рассматриваемого периода к известному просветителю, а следовательно, определить, является ли его учение о народности воспитания стимулом преемственности народной и научной педагогики, т.е. фактором развития научной педагогики.

Идея народности воспитания стала центральной в педагогической концепции К.Д. Ушинского, определив его роль в развитии отечественной педагогики и место в едином историко-педагогическом процессе. Учение великого педагога о народности воспитания оказало значительное влияние на развитие научной педагогики, поскольку способствовало реализации преемственности народной и научной педагогики.

Первый опыт целостного рассмотрения генезиса идеи народности воспитания в деятельности известных зарубежных и отечественных педагогов был предпринят Н.К. Крупской в работе «Народное образование и демократия» (1915). Историко-педагогический сравнительно-сопоставительный анализ позволил Надежде Константиновне обратить особое внимание на самобытность и обоснованность учения Константина Дмитриевича о народности воспитания и наметить путь творческой реализации педагогического наследия в новых исторических условиях.

Изучение трудов К.Д. Ушинского оказало значительное влияние на формирование педагогических взглядов П.П. Блонского. Оценить народную педагогику ему помогло исследование места К.Д. Ушинского в истории русской педагогики. Рассматривая идею народности воспитания, выдвинутую К.Д. Ушинским, П.П. Блонский так же, как и великий педагог, признавал народную педагогику «богатым и чистым источником». В целом ряде своих работ, особенно дореволюционного периода, ученый развивает идею К.Д. Ушинского о народности воспитания как основы образования и культуры.

Последователем К.Д. Ушинского в развитии идеи народности воспитания является А.С. Макаренко. Преподавание в учебно-воспитательных учреждениях он строит с опорой на родной язык, на традиции трудового и семейного воспитания. Антон Семенович признавал преемственность народной и научной педагогики и своей педагогической деятельности, считал новаторство в педагогике невозможным без критического восприятия всего лучшего, что накоплено в данном отношении предшествующими поколениями. Демократизм и гуманизм А.С. Макаренко имеют глубокие и прочные корни в народных педагогических традициях, которые он изучал, творчески преобразовывая их положительные начала в своей работе.

После Октябрьской революции при подготовке учебных пособий по педагогике ученые, доказывая важность взаимосвязи народной и научной педагогики, опираются на идеи, заложенные в педагогическом наследии К.Д. Ушинского. В частности, М.И. Демков в «Курсе педагогики» (1918) специальную главу посвящает вопросам об идеалах воспитания, психологии народа и русской педагогики. Основываясь на учении Константина Дмитриевича, он приходит к выводу, что у каждого народа есть особый идеал, и воспитание должно воспроизводить этот идеал в отдельной личности. Он делает вывод о целесообразности использования народной педагогики в нравственном воспитании. «Общественная нравственность и народная педагогика должны основываться на изучении национального характера, задачу улучшения и усовершенствования которого они берут на себя» [1].

В 30-е годы XX столетия общий характер проводимых в стране преобразований приводит к оживлению научно-исследовательской работы, в том числе в области теории и истории педагогики. В 1936 году выходит фундаментальный труд Е.Н. Медынского «История русской педагогики с древнейших времен до Великой пролетарской революции», предназначенный в качестве пособия для аспирантов и преподавателей истории педагогики в педвузах и педтехникумах. Автор значительное место уделяет самобытности русской педагогики и идее народности воспитания в педагогических системах известных педагогов, особое внимание уделяя К.Д. Ушинскому. Стимулом к изучению педагогического наследия К.Д. Ушинского, а следовательно, опосредованно и проблемы народной педагогики и ее роли в развитии научной педагогики, стала статья В.Е. Гмурмана «Великий педагог и его судьба» (1937).

В 1938 году была опубликована статья В.Я. Струминского «О разработке истории педагогики Киевской Руси», где ставится вопрос о необходимости восстановления «массовой народной педагогической практики», и историки педагогики призываются к занятию научным анализом происхождения основных педагогических понятий, имеющих свое основание в педагогике Киевской Руси [2]. Исследование основ народной педагогики В.Я. Струминский ведет параллельно с изучением педагогической системы К.Д. Ушинского. Подчеркивая, что К.Д. Ушинский первый в истории русской педагогики выдвинул в поле зрения теоретиков и историков педагогики народную педагогику, он пишет: «Исподволь создававшийся гением народным педагогический процесс, со-

ставляющий основу всякой возможной педагогики, далеко еще не изучен ни педагогами, ни историками педагогики» [3].

Оценивая вклад В.Я. Струминского в развитие советской истории педагогики, М.Ф. Шабаева и М.Н. Колмакова во вступительной статье к библиографическому сборнику, вышедшему в свет в связи со 100-летним юбилеем В.Я. Струминского, отмечают, что ученый первым в историко-педагогической литературе доказал, что начальной ступенью педагогического знания была народная педагогика, демократические идеи которой в преобразованном виде вошли в прогрессивную отечественную педагогику и прежде всего в наследие К.Д. Ушинского [4].

Было бы несправедливым считать, что вопросы народной педагогики и преемственности народной и научной педагогики у В.Я. Струминского связаны только с исследованием педагогики Киевской Руси и педагогической системы К.Д. Ушинского. Он видел эту проблему более широко. Избрав центром своей исследовательской работы педагогическое наследие К.Д. Ушинского, В.Я. Струминский делал шаг к углубленному изучению вопроса преемственности народной и научной педагогики с учетом исторической перспективы.

В 1940 году выходит в свет «Педагогика» под общей редакцией П.Н. Груздева. Этот учебник – плод коллективной педагогической мысли, т.к. в его создании принимали участие не только П.Н. Груздев, но и Л.Е. Раскин, Ш.И. Ганелин, Е.Я. Голант, Н.Г. Казанский, И.Ф. Свадковский, Г.Г. Шахвердов и др. теоретики педагогики. Авторы учебника признают, что глубокий след в развитии педагогики оставил К.Д. Ушинский, большое значение придававший идее народности воспитания и изучению родного языка [5].

В 1944 году педагогическая наука отмечает 120-летие со дня рождения К.Д. Ушинского. Появляется ряд работ, посвященных педагогическому творчеству ученого [6–9]. Они обращают внимание современных педагогов на гуманистические и демократические идеалы народной педагогики.

«Педагогика» И.Т. Огородникова и П.М. Шимберева (1946) – дальнейший шаг по пути признания педагогами-теоретиками заслуг народа в развитии научной педагогики и одна из попыток творческого заимствования прогрессивных идей и опыта народной педагогики в развитии теории нравственного воспитания. В учебнике особое место отведено К.Д. Ушинскому и его педагогическим идеям. По мнению авторов, он сыграл исключительную роль в развитии самобытной педагогики, под влиянием его педагогических идей в России развивались прогрессивная педагогическая теория и практика во второй половине XIX и в начале XX века. Это стало возможным благодаря тому, что К.Д. Ушинский считал своей целью создание национальной педагогики, в основу педагогической теории он «положил принцип народности, понимая его как наиболее полное и всестороннее отражение в педагогической теории и практике истории, культуры и требований народа» [10].

В 1946 году под общей редакцией Е.Н. Медынского были изданы труды научно-исследовательского института теории и истории педагогики, в которых анализировались работы виднейших представителей русской педагогики с целью выявления того передового, прогрессивного, самобытного, что было внесено ими в развитие отечественной педагогики. Особый интерес с точки зрения преемственности народной и научной педагогики в развитии советской школы представляла собой статья В.Я. Струминского «Проблема народности в педагогической системе К.Д. Ушинского». Автор подчеркивал мысль о том, что идея народности воспитания, выдвинутая К.Д. Ушинским, сохраняет свое значение и в условиях многонационального государства и строительства новой школы [11].

Как это ни парадоксально, плодотворная мысль В.Я. Струминского не находила всеобщей поддержки. В частности, в журнале «Советская педагогика»

была опубликована статья М. Усенко «Проблемы истории русской педагогики», в которой автор предлагает отказаться от опоры на учение К.Д. Ушинского при построении советской школы и ориентироваться только на ленинско-сталинское учение по национальному вопросу [12].

В 1947 году выходит книга Н.К. Гончарова «Основы педагогики», в которой анализируются педагогические идеи классиков педагогики, в том числе идея народности воспитания К.Д. Ушинского. Эта работа оказала значительное влияние на развитие советской педагогики в 40–60-е годы. В этом же году выходит в свет новая работа Е.Н. Медынского «История педагогики», где ученый впервые в учебном пособии по истории педагогики вводит термин «народная педагогика», на что, бесспорно, оказывает влияние новое видение учения Константина Дмитриевича.

В 1948–1952 гг. было завершено одиннадцатитомное собрание сочинений К.Д. Ушинского, подготовленное В.Я. Струминским. Издание его трудов послужило богатейшим источником для дальнейшего исследования идеи народности воспитания в педагогическом наследии учителя русских учителей и дало новый импульс для осуществления преемственности народной и научной педагогики.

В 1948 году вышла в свет работа Д.О. Лордкипанидзе «Педагогическое учение К.Д. Ушинского», где принцип народности воспитания, выдвинутый К.Д. Ушинским, впервые получил наиболее полное и всестороннее освещение. В 1949 году выходит совместный труд В.Я. Струминского и Н.А. Константинова «Очерки по истории начального образования в России», где рассмотрен курс элементарного образования К.Д. Ушинского в контексте идеи народности.

Период с 1950-х до начала 1970-х годов характеризуется появлением теоретических исследований, в которых преемственность начинает рассматриваться как основа педагогической науки. Идеи прогрессивных отечественных педагогов, так же, как и народная педагогика, признаются источником педагогической науки. Вырабатывается четкое понимание преемственности и ее роли в развитии педагогической науки. Ученые пытаются раскрыть качественное своеобразие преемственности народной и научной педагогики. И в этом значимую роль играют труды К.Д. Ушинского. Выходит ряд фундаментальных исследований по истории отечественной школы и педагогики (ученые записки по истории развития школы, монографии, исследования, выполненные на уровне диссертаций). Как мы уже отмечали, изданы одиннадцатитомное собрание сочинений К.Д. Ушинского, архив К.Д. Ушинского. В учебниках по истории педагогики, предназначенных для студентов педагогических институтов (1956, 1959, 1966), введен термин «народная педагогика».

Уже в начале 1950-х годов в работах теоретиков и историков советской педагогики постепенно вырабатывается диалектико-материалистический взгляд на преемственность педагогики. В 1951 году Н.И. Болдырев выступает в журнале «Советская педагогика» со статьей «Об отношении к педагогическому наследству прошлого», предпринимая попытку выяснения вопроса о важнейших источниках советской педагогики. В качестве важнейшего источника он рассматривает критически переработанное наследие прошлого, педагогические идеи В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, К.Д. Ушинского, Л.Н. Толстого. Таким образом, Н.И. Болдырев нацеливает на исследование идеи народности воспитания, показывает один из возможных путей осуществления преемственности народной и научной педагогики.

В этот период появляются фундаментальные историко-педагогические исследования, где рассматривается идея народности воспитания в педагогической деятельности отечественных педагогов и, прежде всего, К.Д. Ушинского (Д.О. Лордкипанидзе, 1950; В.Я. Струминский, Н.А. Константинов, 1953; Н.А. Константинов, 1951; Константинов Н.А., Медынский Е.Н., Шабеева М.Ф. История педагогики, 1956, 1959, 1966 и др.).

В среде теоретиков и практиков педагогики идет процесс осмысления значимости народной педагогики как одного из источников научной педагогики. Ученые все чаще сознательно используют прогрессивные идеи и опыт народной педагогики в развитии теории и практики советской педагогики. Ярким примером тому может служить педагогическая деятельность В.А. Сухомлинского. Работы известных представителей педагогической мысли, прежде всего К.Д. Ушинского, повлияли на то, что идея народности воспитания стала основным принципом педагогики В.А. Сухомлинского. Вышеназванное создало условия и предпосылки для развертывания этнопедагогических исследований.

Значительный вклад в углубление понимания идеи народности внесли «Ученые записки» Ленинградского института имени А.И. Герцена «История педагогики и современность» (1970) [13]. Авторы ученых трудов считали, что народность – главнейший принцип, заложенный в основу прогрессивной научной педагогической теории. К этому выводу они пришли в результате критического изучения и анализа педагогического наследия отдельных зарубежных и отечественных мыслителей (И.Г. Песталоцци, В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Н.А. Добролюбов, Н.Г. Чернышевский, Н.И. Пирогов, К.Д. Ушинский, Н.Ф. Бунаков, В.И. Водовозов, В.П. Вахтеров), а также специального рассмотрения идеи народности воспитания в историческом аспекте. В главе, посвященной К.Д. Ушинскому, показана преемственность народной и научной педагогики и ее непреходящее значение для современности. Доказывается, что К.Д. Ушинский создал новую эру в развитии русской школы и педагогики и был по праву признан отцом русской педагогической науки именно благодаря тому, что развил принцип народности и научности. В главе «Идея школы и сущность нравственного воспитания» отмечается, что в основе системы нравственного воспитания Н.А. Добролюбова, Н.Г. Чернышевского, К.Д. Ушинского лежит принцип народности воспитания, при помощи которого выкристаллизовывались передовые идеи, пути и средства нравственного воспитания, которые вошли в сокровищницу советской педагогики.

Выходит ряд очерков по истории развития отечественной школы и педагогики, которые дают возможность проследить преемственность народной и научной педагогики в становлении русской и советской педагогики на основе учения К.Д. Ушинского (Гончаров Н.К. Очерки по истории советской педагогики (1970); Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. XVIII в. – первая половина XIX в. / отв. ред. М.Ф. Шабаева (1973); Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. / отв. ред. А.И. Пискунов (1976) и др.).

Наиболее четко преемственность народной и научной педагогики выражена в «Очерках» Н.К. Гончарова. Раскрывая вопрос о становлении советской педагогики, Н.К. Гончаров отмечал, что советская педагогика возникла не на голом месте, а является законной наследницей и преемницей всего прогрессивного, что было в развитии педагогической мысли прошлого, т.к. соблюдение принципа преемственности – общее требование культурной революции. Успешное решение проблем воспитания и развития педагогики невозможно без учета национальных особенностей каждого народа [14]. В «Очерках» показано влияние К.Д. Ушинского на развитие советской педагогики. В частности, в работе аргументированно утверждается, что, например, П.П. Блонский хорошо знал наследие своих великих предшественников и особенно ценил идеи К.Д. Ушинского, развивая их применительно к советской школе. Тем самым раскрывались некоторые из возможных путей реализации народной мудрости в советской педагогической науке.

Учение К.Д. Ушинского о народности воспитания повлияло на отношение академической педагогики к народной. При подведении итогов научных иссле-

дований в области педагогики в начале 70-х годов в журнале «Советская педагогика» со статьей «Некоторые проблемы развития педагогической науки в СССР» выступил В.Н. Столетов [15]. Автор показывает видение советскими теоретиками педагогики проблемы преемственности народной и научной педагогики. С исторической точки зрения подводит к пониманию преемственности народной и научной педагогики и актуализации ее в современных условиях. Характеризуя народную педагогику как незаменимый источник педагогических идей, ставит конкретную задачу перед советской педагогикой – использовать народную мудрость в интересах решения современных педагогических задач.

В связи с празднованием 150-летия со дня рождения К.Д. Ушинского значительно активизировалась работа по изучению его педагогического наследия. Появился целый ряд исследований, в которых большое место было отведено рассмотрению идеи народности воспитания. Среди этих исследований особого внимания заслуживает работа Н.К. Гончарова «Педагогическая система К.Д. Ушинского», где даны подробный анализ творчества педагога, теоретическое обоснование ученым необходимости преемственной связи народной и научной педагогики, показана действенность влияния народной педагогики на развитие его педагогической системы. Это явилось одним из стимулов развития проблемы преемственности педагогики.

Новым и важным с точки зрения развития проблемы преемственности народной и научной педагогики явился тот факт, что среди исследований, посвященных памяти К.Д. Ушинского, имели место работы, в которых изучалось творческое развитие его педагогических идей советскими педагогами – А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинским и др.

Появляются исследования, ставящие перед собой задачу изучения влияния педагогических идей и опыта К.Д. Ушинского на развитие педагогики и школы в отдельных регионах страны. В частности, большой интерес с точки зрения проблемы преемственности народной и научной педагогики представляет исследование М.Л. Рыбаковой «К.Д. Ушинский и педагогическая мысль на Украине» (1981), выполненное на уровне кандидатской диссертации. В работе аргументированно доказывается, что наследие К.Д. Ушинского, его идея народности воспитания оказали влияние на прогрессивных деятелей просвещения Украины второй половины XIX и начала XX в. и явились одним из источников новой социалистической педагогики.

Надо отметить, что усиление внимания к педагогическому наследию К.Д. Ушинского не могло не сказаться на тематике этнопедагогических исследований. В 70–80-х годах появляется ряд этнопедагогических работ, посвященных исследованию использования идей и опыта народной педагогики педагогами прошлого и настоящего. Особый интерес с точки зрения выяснения преемственности народной и научной педагогики в процессе развития теории нравственного воспитания в советской школе представляют работы, развивающие реализацию идей и опыта народной педагогики в творчестве педагогов прошлого и настоящего, и особенно советских теоретиков нравственного воспитания. Почти в каждом этнопедагогическом исследовании авторы касаются вопроса отношения дореволюционных и советских педагогов к педагогическому наследию народа. 70-е годы дают целый ряд исследований этого плана. Это прежде всего книга Г.Н. Волкова «Этнопедагогика», где речь идет об использовании народных педагогических идей и традиций народного воспитания рядом известных просветителей, в том числе К.Д. Ушинским, а также статьи, непосредственно посвященные реализации народной педагогики в наследии К.Д. Ушинского (работы В.М. Петрова, Г.Н. Волкова).

Влияние учения К.Д. Ушинского на преемственность народной и научной педагогики в развитии теории нравственного воспитания реализуется и в спе-

циальных методиках воспитательной работы в школе (Болдырев Н.И. «Методика воспитательной работы в школе» (1974 г.), прослеживается в учебных пособиях по педагогике (учебное пособие «Педагогика», под редакцией Ю.К. Бабанского (1983 г.) и этнопедагогических исследованиях. В частности, М.И. Стельмахович в книге «Народная педагогика» (1985), посвященной украинской народной педагогике, развивает мысль о том, что народная педагогика – первооснова профессиональной научной педагогики, относит народную педагогику к «золотому фонду» педагогики научной, рассматривает народную педагогику как чистый источник, из которого черпают вдохновение видные педагоги, и раскрывает отношение к народному творчеству целого ряда педагогов (Я.А. Коменский, И.Г. Песталоцци, Н.К. Крупская, А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинский и др.), акцентируя внимание на К.Д. Ушинском. Тем самым, он заявляет о преемственности народной и научной педагогики как о необходимом условии для развития педагогической науки.

Заключение. Таким образом, проведенное исследование развития советской педагогики позволяет сделать вывод, что представители педагогической науки большое внимание уделяли исследованию педагогического наследия К.Д. Ушинского, акцентируя внимание на его учении о народности воспитания. Это в значительной мере повлияло на формирование положительного отношения к народной педагогике и определило характер осуществления преемственности народной и научной педагогики. Положительной тенденцией является то, что постепенно нарастает интерес к отечественной школе и педагогике. Создается ряд фундаментальных работ, посвященных русской педагогике и школе, отдельным ее представителям. Издаются сочинения К.Д. Ушинского. Признается самобытность русской педагогики. Усиливается внимание к развитию в отечественной педагогике идеи народности воспитания. В историко-педагогической литературе анализируются отдельные стороны преемственности народной и научной педагогики, главным образом, в связи с исследованием педагогической системы К.Д. Ушинского, т.е. учение Константина Дмитриевича о народности воспитания выступает в качестве фактора, способствующего развитию научной педагогики.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Демков, М.И.** Курс педагогики: в 2 ч. / М.И. Демков. – М.–Пг.: Изд-ние Т-ва «В.В. Думпов, наследники Бр. Салаевых», 1918. – Ч. 2. Теория и практика воспитания. – С. 53.
2. **Струминский, В.Я.** О разработке истории педагогики Киевской Руси / В.Я. Струминский // Сов. педагогика. – 1938. – № 5. – С. 119–129.
3. **Струминский, В.Я.** Педагогика Киевской Руси как предмет исторического изучения / В.Я. Струминский // Уч. зап. гос. НИИ школ НКП РСФСР. – Работы науч. каб. педагогики (ист. группа). – М., 1940. – Т. III. – Вып. 1. – С. 112.
4. **Шабалева, М.Ф.** Научно-педагогическая деятельность В.Я. Струминского: (к 100-летию со дня рождения) / М.Ф. Шабалева, М.Н. Колмакова // В.Я. Струминский. Библиография. – М., 1980. – С. 12.
5. **Педагогика:** учеб. пособие для пед. высш. учеб. завед. и ун-тов / П.Н. Груздев, Л.Е. Раскин, Ш.И. Гонелин; под ред. П.Н. Груздева. – М.: Учпедгиз, Наркомпроса РСФСР, 1940. – С. 48.
6. **Струминский, В.Я.** Константин Дмитриевич Ушинский (1824–1870) / В.Я. Струминский. – М.: Мол. гвардия, 1943. – 46 с.
7. **Медынский, Е.Н.** Константин Дмитриевич Ушинский / Е.Н. Медынский // Вождь. – 1943. – № 4. – С. 24–26.
8. **Медынский, Е.Н.** Отец русской начальной школы: (к 120-летию со дня рождения К.Д. Ушинского) / Е.Н. Медынский // Учит. газета. – 1944. – 1 марта.
9. **Медынский, Е.Н.** Великий русский педагог К.Д. Ушинский: стеногр. публ. лекции, прочит. 11 ноября 1944 г. в Кремлевском зале Дома Союзов в Москве / Е.Н. Медынский. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1945. – С. 25.

10. **Огородников, И.Т.** Педагогика / И.Т. Огородников, П.Н. Шимбирев. – М.: Учпедгиз Минпроса РСФСР, 1946. – С. 34.
11. **Струминский, В.Я.** Проблема народности в педагогической системе К.Д. Ушинского / В.Я. Струминский // Изв. АПН РСФСР. – 1946. – Вып. 5. – С. 95–116.
12. **Усенко, М.** Проблемы истории русской педагогики / М. Усенко // Сов. педагогика. – 1947. – № 8. – С. 120–123. – Рец. на кн.: Труды научно-исследовательского института теории и истории педагогики / под общ. ред. Е.Н. Медынского // Изв. АПН РСФСР. – 1946. – Вып. 5.
13. **История педагогики и современность** / под ред. Ш.И. Ганелина, Н.С. Зенченко, Е.Н. Кирпичникова // Ученые записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. – 1970. – Т. 377. – 350 с.
14. **Гончаров, Н.К.** Очерки по истории советской педагогики / Н.К. Гончаров. – Киев: Радянська школа, 1970. – 363 с.
15. **Столетов, В.Н.** Некоторые проблемы развития педагогической науки в СССР / В.Н. Столетов // Сов. педагогика. – 1972. – № 12. – С. 18–33.

S U M M A R Y

K.D. Ushiskiy's theory about national character of upbringing is the main factor of activation of folk and scientific pedagogy succession, i.e. it contributes to the development of scientific pedagogy.

Поступила в редакцию 6.11.2009

УДК 373.3.016:57

В.М. Минаева

Становление и развитие внеклассной природоведческой работы в начальной школе (1918 – начало 50-х годов XX в.)

Становлению внеклассной работы в советской школе содействовал опубликованный в октябре 1918 года учебный план единой трудовой школы. Учебным планом предусматривалось проведение внеклассных занятий и выделялось с этой целью два дня в неделю. Этот документ открыл возможности для творческих исканий педагогов, методистов и учителей.

Цель нашего исследования – проанализировать работы известных советских педагогов по внеклассной природоведческой работе и выявить позитивные аспекты в ее содержании, методике организации и проведения, которые могут найти применение в современной начальной школе.

Внеклассная природоведческая работа в советской школе нашла первоначальное освещение в работах А.П. Пинкевича, С.В. Герда и К.П. Ягодовского.

Материал и методы. В 1918 году на августовских областных учительских курсах в Петербурге А.П. Пинкевич рекомендовал проведение внеклассной работы по естествознанию в начальных классах. Он призывал организовывать коллекционирование растений и животных, занятия в школьном саду, уход за аквариумами и террариумами. Учащиеся должны были заботиться о растениях и животных, используя для этого «... то свободное время, которое у них бывает до и после уроков и во время перемен» [1], чтобы приучить их к наблюдениям, проведению опытов, чтению книг о природе и тем самым способствовать расширению знаний о природных объектах.

С.В. Герд [2] придавал большое значение наблюдениям детей за животными (насекомыми, птицами, зверьками), давал советы, как их правильно вести, разработал планы наблюдений и наметил основные этапы и последовательность работ в уголках живой природы. Он считал важным ведение дневников и составление отчетов о наблюдениях, чтобы учащиеся могли делать сообщения, обобщать увиденное.

К.П. Ягодковский довольно подробно разработал содержание работы с растениями в уголках живой природы. Он утверждал, что «...именно растения должны занять в живых уголках преобладающее положение» [3], с которыми могут работать маленькие, неподготовленные наблюдатели и получать цельное представление о динамике того или иного явления, изучаемого ими.

Благодаря работам С. Герда и К. Ягодковского создание уголков живой природы в начальных классах получило признание и широкое распространение. Уголки природы стали экспериментальной базой как для учебных занятий, так и внеклассной работы, приближали учащихся к природе и давали им возможность приобретать полезные знания, умения и навыки по уходу за растениями и животными.

В 20-е годы возникает интересная педагогическая идея, давшая толчок новому направлению всей внеклассной работы, в том числе и природоведческой. Это была мысль о необходимости введения во внеклассную работу общественно полезного труда, который давал необходимые знания о природе его участникам и в то же время был нужным для окружающего школу населения. Это борьба с малярийным комаром, мухами как разносчиками болезней, охрана полезных птиц, лесов и лесоразведение, борьба с вредителями сельского хозяйства и т.д.

Результаты и их обсуждение. Названные работы широко применялись во многих школах, в большинстве случаев проходили удачно, принося пользу детям и населению. Учащиеся школ I ступени не только принимали непосредственное участие в общественно полезном труде (озеленение и благоустройство дворов, изготовление кормушек для птиц и скворечников, уничтожение вредителей сельского хозяйства, подкормка птиц и т.д.), но и устраивали праздники, конкурсы, выставки, выпускали стенгазеты, агитировали население участвовать в охране леса, сада, поля и составляли таблицы вредителей сельского хозяйства с указанием мер борьбы с ними.

Более подробно и обстоятельно эти виды деятельности учащихся рассматриваются в книге Е.И. Перовского [4].

В этот же период разработкой вопросов внеклассной природоведческой работы занимался В.Ю. Ульянинский [5]. Очень своевременными, по нашему мнению, были его рекомендации по организации внеклассной работы, которые не утратили своего значения и в настоящее время, и сводились к следующему:

- участие во внеклассной работе не всех учащихся, а по проявленному интересу;

- разъяснение смысла работы, ее цели и отбора средств для выполнения, соответствие силам школьников;

- использование внеклассной работы для развития и углубления программного материала;

- содержание внеклассных занятий ни в коем случае не должно носить книжного характера, а быть направлено на живое изучение природы.

Постановления ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1931 года «О начальной и средней школе» и 25 августа 1931 года «Об учебных программах и режиме начальной и средней школы» определили дальнейшее направление развития советской школы. В частности, естествознание как предмет было введено во все четыре класса начальной школы, что оказало благоприятное воздействие

на дальнейшее развитие и совершенствование преподавания этого предмета, а также на теоретическую и практическую разработку вопросов внеклассной работы, даже несмотря на то, что в последующие годы происходит исключение естествознания вначале из I–II классов (1937 г.), а затем из III класса (1944/45 учебный год).

В 30-е годы внеклассная природоведческая работа находит отражение в методических пособиях С.А. Павловича, Д.Ф. Тамицкого и Л.И. Воскресенской, которые, развивая идеи педагогов 20-х годов, считали важной и необходимой работу в уголках живой природы.

С.А. Павлович подчеркивал, что у учащихся, работающих в уголках живой природы, «...качество знаний ... о природе в силу этого повышается, а самый процесс получения знаний активизируется» [6]. Но для этого необходимо плановое, систематическое вовлечение детей в работу уголка на протяжении всего учебного года и, что особенно ценно, проведение ее, главным образом, в виде самостоятельных наблюдений и опытов по уходу за животными и растениями. С.А. Павлович раскрыл особенности и специфику проведения наблюдений по каждому классу (I–IV класс), в процессе которых дети учились разрешать несложные вопросы, фиксировать наблюдения и отчитываться о проделанной работе.

На необходимость самостоятельных наблюдений в уголке природы, начиная с первого класса, указывал и Д.Ф. Тамицкий: «.. в порядке внеклассных занятий сходите с группой детей на место наблюдения, уточните их сообщение и дополните его новыми наблюдениями» [7]. Предлагал организовывать наблюдения и уход за животными в живом уголке, создавать живые уголки в школьном дворе с цветочными клумбами, местами для наблюдений за птицами, их подкормки.

Л.И. Воскресенская [8] советовала ухаживать в живом уголке за объектами природы, собранными самими учащимися на экскурсиях, развивать интерес к их изучению, выявлять особенности строения и образа жизни с тем, чтобы расширять и пополнять природоведческие знания.

Широкому развертыванию внеклассной природоведческой работы в школах способствовала изданная в 1937 году Наркомпросом РСФСР «Программа внеклассных кружковых занятий в начальной школе» [9], содержащая примерный перечень тем натуралистической работы с учащимися. Особенностью программы явилось то, что учащиеся должны были приобретать знания преимущественно из самой природы, а затем уточнять и дополнять их в классе.

Так, с учащимися I и II классов предусматривалось проведение ряда экскурсий: на огород, реку, в лес, парк, сад, к грачевнику и др. Имелись подробные указания, как проводить наблюдения за снегом и льдом, птицами, вести календарь природы, выращивать растения в уголке природы и пришкольном участке. Материал, собранный на экскурсиях, рекомендовалось изучать в классе и уголке живой природы.

Для учащихся III и IV классов предусматривались более разнообразные темы для приобретения знаний о неживой и живой природе. Приведем в качестве примера некоторые: «Вода в природе», «Как размножаются растения», «Наши лекарственные растения», «Наши перелетные птицы».

В программе подчеркивалось, что все названные темы являются лишь примерными, руководитель кружка при составлении плана работы должен учитывать интересы детей, образовательную подготовку, особенности природного окружения, условия помещения и оборудования школы.

Передовой опыт школ и поиски эффективных организационных форм и методов внеклассной работы в наших школах до 1940 года нашли частичное отражение в работе А.Ф. Родина [10].

На основании изучения опыта работы школ и его обобщения он классифицирует формы внеклассной работы следующим образом:

- массовые (праздники на природоведческие темы);
- кружковая работа (краеведческие кружки, кружки юных натуралистов, естествоведческий кружок);
- индивидуальные (чтение, игры, беседы, составление гербария, коллекционирование камней).

Методы работы, по мнению автора, имевшие место в работе школ, такие: наблюдения учащихся в природе и уголке живой природы, опыты, собирание и изготовление коллекций, гербариев и их выставки, практические работы на пришкольных участках, игры. И что было особенно ценным, как подчеркивал А.Ф. Родин, в каждую работу учителя начальных классов стремились вносить элементы общественной полезности.

Великая Отечественная война выдвинула новые задачи перед советской школой. Внеклассная работа была подчинена интересам обороны страны. В инструктивно-методических указаниях Наркомпроса РСФСР отмечалось, что юннатские кружки должны сделать объектом своего изучения и опытничества такие вопросы сельского хозяйства, которые имеют наиболее актуальное значение для обороны в условиях данного конкретного района, в котором находится школа. В это трудное время внеклассная природоведческая работа приобретает еще более ярко выраженный общественно полезный характер. Юные натуралисты начальных школ и классов принимали активное участие в посильной помощи фронту, например, сбор лекарственных растений, заготовка грибов, ягод, помощь колхозам в проведении срочных сельскохозяйственных работ.

В середине и к концу 40-х годов выходят из печати работы М.Н. Скаткина, А.А. Перроте и П.А. Завитаева, в которых с большой глубиной и в соответствии с требованиями к школе нашли освещение и разработку вопросы внеклассной работы. Среди них наиболее весомый вклад внес М.Н. Скаткин, определивший содержание и организационные формы внеклассной работы, изменение и усложнение по классам.

Перу М.Н. Скаткина принадлежит первое пособие для учителей начальных классов по внеклассной работе, где подчеркивалось, что внеклассная работа по естествознанию в школах развернута еще слабо и могла бы «... при правильной постановке значительно повысить качество преподавания, а следовательно, и уровень знаний учащихся» [11].

Эта книга М.Н. Скаткина, оказавшая большую помощь учителям, в переработанном и дополненном виде была еще раз переиздана в 1953 году и по сути дела являлась единственным в своем роде руководством по внеклассной работе, которым успешно пользовались учителя начальных классов до введения новых программ. Многие из того, что рекомендовалось М.Н. Скаткиным для внеклассной работы, было введено в учебные программы для I–III классов по природоведению, чтению и сельскохозяйственному труду при переходе на новое содержание обучения в 1963/70 учебном году.

Кратко анализируя содержание и формы внеклассной работы, разработанные М.Н. Скаткиным, необходимо отметить, что с учащимися I и II классов рекомендовалось проведение эпизодических общих занятий в виде сезонных экскурсий, наблюдений за птицами в природе, в уголках природы и на пришкольном участке, также ведение календаря природы и труда, внеклассное чтение.

Для учащихся III–IV классов предусматривалась кружковая работа, в связи с чем давались советы учителям по ее организации, использованию разнообразных методов, обеспечивающих наибольшую активность учащихся и способствующих развитию у них самостоятельности, инициативы, наблюдатель-

ности и расширению знаний об окружающей природе. Автор подчеркивал, что «в работе кружка любого класса должны быть разнообразные темы как по неживой, так и по живой природе» [11, с. 3], и указывал, каким из них следует отдать предпочтение.

В целом работы М.Н. Скаткина содержали ценные советы для углубления и расширения через внеклассную работу природоведческих знаний младших школьников, непосредственного приобщения их к природе и, тем самым, давали возможность частично устранить пробелы и недостатки учебных программ, не отводивших достаточного места изучению природы учащимися начальных классов.

А.А. Перротте [12] делилась опытом своей работы с юными натуралистами по изучению предметов и явлений только неживой природы. Много внимания она уделяла разработке опытов, дополняющих и детализирующих классные, изготовлению различных наглядных пособий и исследованию объектов на местности, а также чтению дополнительной литературы, подготовке учащихся к сообщениям по темам кружковой работы.

П.А. Завитаев [13], развивая мысли М.Н. Скаткина, разработал, применительно к урокам объяснительного чтения и развития речи, программу внеклассных знаний по сезонам с первого по третий классы, основанную на природоведческом материале, так как к изучению естествознания учащиеся приступали в то время лишь в IV классе и знакомились с объектами в основном неживой природы. Он считал, что внеклассная работа сможет вооружить учащихся необходимыми знаниями, формирование которых, к сожалению, не предусматривалось учебными программами того времени. Содержание внеклассной деятельности, предложенное П.А. Завитаевым, было таким: наблюдения за разнообразными объектами неживой и живой природы, изготовление коллекций и гербариев, общественно полезный труд на пришкольном участке по посеву, посадке и уходу за растениями, зарисовка и раскрашивание листьев и плодов, выполнение практических заданий в уголках природы. Особенно подробно, в отличие от других авторов, П.А. Завитаев раскрыл содержание и методику организации труда и опытнической деятельности учащихся на пришкольном участке.

Заключение. Таким образом, к концу 1940-х и началу 1950-х годов были решены многие проблемы, связанные с обогащением учащихся начальных классов знаниями о природе в свободное от занятий время.

Следует подчеркнуть, что учителя начальных классов в процессе творческого поиска дополняли и совершенствовали рекомендации известных педагогов. Именно в школьной практике наметилось новое направление природоведческой работы – краеведческое.

Это наиболее ярко проявилось в опыте учителей Свердловской области [14], которые, тесно связывая проведение уроков с внеклассными занятиями, стремились решать следующие задачи:

- изучать, отбирать и накапливать краеведческий материал;
- использовать его при изучении тех или иных тем;
- заполнять конкретными фактами схему наблюдений и практических работ;
- улучшать методику наблюдений и экскурсий.

Поставленные задачи успешно решались. На внеклассных занятиях учащиеся собирали краеведческий материал, детально изучали альбомы и плакаты. Важным было и то, что в школах стали создаваться краеведческие уголки, а в некоторых случаях и музеи. Поисковая работа способствовала дальнейшему развитию и уточнению у детей знаний о своем крае. Школы

стали пополняться наглядными пособиями, изготовленными или собранными самими учащимися [15].

Таким образом, педагоги, методисты, учителя основное внимание уделяли поиску содержания и организационных форм внеклассной природоведческой работы в соответствии с теми задачами, которые ставились в тот или иной период перед школой условиями развития общества и были направлены на расширение и углубление знаний учащихся о природе.

Этот поиск шел от содержания и методики работы в уголках живой природы, которые позволяли учащимся изучать растения и животных, ухаживать за ними, к непосредственному общению с природой при включении элементов общественно полезного труда, а затем к кружковой, массовой и индивидуальной работе с учащимися краеведческой направленности.

В итоге, был накоплен довольно значительный и ценный опыт проведения внеклассной природоведческой работы в начальных классах, который прочно вошел в систему подготовки подрастающего поколения к жизни, труду и стал неотъемлемой частью учебно-воспитательного процесса.

Потенциальные возможности этой работы могут найти успешное применение и в современной школе.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Пинкевич, А.П.** Лекции по методике школьного естествознания / А.П. Пинкевич. – Петербург, 1918. – С. 125.
2. **Герд, С.В.** На пути к природе / С.В. Герд. – Л., 1926. – Выпуск 1: сб. тем для наблюдения растений и животных. – 158 с.
3. **Ягодковский, К.П.** Живой уголок в школе и дома: Растения / К.П. Ягодковский. – М.–Л.: ГИЗ, 1927. – С. 11.
4. **Перовский, Е.И.** Советская трудовая школа / Е.И. Перовский. – М., 1928. – С. 152–192.
5. **Ульянинский, В.Ю.** Методика естествознания в трудовой школе / В.Ю. Ульянинский. – М.–Л., 1929. – С. 226–228.
6. **Павлович, С.А.** Практика преподавания естествознания в начальной школе / С.А. Павлович. – М.–Л., 1934. – С. 68.
7. **Тамицкий, Д.Ф.** Как преподавать естествознание в начальной школе / Д.Ф. Тамицкий. – М.: Учпедгиз, 1936. – Вып. 1. – С. 25.
8. **Воскресенская, Л.И.** Как преподавать естествознание в начальной школе / Л.И. Воскресенская. – М.: Учпедгиз, 1936. – Вып. 2. – 101 с.
9. **Программа внеклассных кружковых занятий в начальной школе.** – М: Издательство Наркомпрос РСФСР, 1937. – 112 с.
10. **Родин, А.Ф.** Внеклассная воспитательная работа в начальной школе / А.Ф. Родин; под ред. Е.И. Перовского. – М.: Учпедгиз, 1940. – 124 с.
11. **Скаткин, М.Н.** Внеклассная работа по естествознанию в начальной школе / М.Н. Скаткин. – М.: Учпедгиз, 1947. – С. 3.
12. **Перротте, А.А.** Опыт преподавания курса природы в начальной школе / А.А. Перротте. – М.: Учпедгиз, 1948. – 208 с.
13. **Завитаев, П.А.** Изучение природы в начальной школе (I–III классы) / П.А. Завитаев. – М.–Л.: Издательство АП РСФСР, 1948. – 124 с.
14. **Краеведение в начальной школе:** сб. статей. – Свердловск, 1949. – 33 с.
15. **Внеклассная работа в начальных классах средней школы:** сб. статей / под ред. А.А. Яковлева. – М.: Издательство АПН РСФСР, 1951. – 72 с.

S U M M A R Y

The article investigates the contribution of Belarusian scientists and methodologists to the development of the extracurricular nature studies work of the primary school in since 1918 till the early 50s of the XXth century.

Поступила в редакцию 20.05.2009

Н.А. Ракова

Содержательно-процессуальные аспекты изучения курса педагогики в вузе

Целью данного исследования является определение содержания курса педагогики как важнейшего фактора профессионального становления личности учителя и выявление на этой основе возможностей использования некоторых педагогических технологий, в частности деловых игр.

Источниками исследования являются: научные работы по педагогике; методологии педагогических исследований; научные статьи; публикации, раскрывающие опыт работы преподавателей вузов; непосредственный опыт работ в качестве преподавателя ВГУ им. П.М. Машерова.

Материал и методы. Одним из основных средств развития личности является, как известно, содержание образования. В настоящее время, по мнению В.А. Сластенина, существуют два основных подхода к его определению: знаниево ориентированный и личностно ориентированный. Так, при первом подходе содержание образования рассматривается как совокупность систематизированных знаний, умений и навыков, взглядов и убеждений, а также определенный уровень развития познавательных сил и практической подготовки, достигнутый в результате учебно-воспитательной работы.

Второй подход – личностно ориентированный, позволяет представить содержание образования как содержание, развивающее личность, ее социально значимые качества, отвечающее запросам личности и помогающее ее самореализации [1].

Раскрывая структуру содержания образования, В.В. Краевский, И.Я. Лернер, М.Н. Скаткин включают в него четыре элемента: утвердившиеся в науке знания, умения выполнять основные виды деятельности, творческий опыт и опыт эмоционально-ценностного отношения к миру [2]. Названные элементы образуют структуру содержания, связаны между собой таким образом, что каждый предшествующий элемент служит предпосылкой для перехода к следующему.

С.А. Смирнов уточняет, что важнейшим компонентом содержания образования являются не сами знания, а когнитивный опыт личности как результат познания действительности, законов развития природы, общества, мышления. Это система знаний о природе, обществе, мышлении, способах деятельности, усвоение которых обеспечивает формирование у личности научной картины мира [3].

Экстраполяция данного понятия на педагогическое образование позволяет утверждать, что системообразующим фактором в профессиональном становлении личности будущего педагога является изучение курса педагогики в вузе.

Поскольку педагогические знания позволяют понять сущностные характеристики педагогического процесса как целостного явления, осознать значимость его эффективной организации, условий протекания, определить место учителя в нем, то и усвоение этого опыта является началом процесса становления будущего педагога. Научные знания, приобретаемые в процессе изучения данного предмета, позволяют познать педагогическую реальность, предвосхищая те ситуации, которые могут возникнуть в практической деятельности, выработать определенную готовность к восприятию, анализу, оценке педагогической реальности и принятию адекватных решений.

В результате изучения педагогических дисциплин у студента формируются теоретические знания, которые становятся основой его педагогического мышления, педагогической позиции, способности к саморефлексии. Знания становятся достоянием личности, входят в структуру его опыта и, таким образом, приобретают постоянно ориентированный характер.

Результаты и их обсуждение. Проведенный анализ определения содержания курса педагогики как важнейшего фактора профессионального становления личности будущего учителя позволил выявить основную задачу преподавателя педагогики, состоящую не только и не столько в активизации мыслительной деятельности студентов по овладению содержанием дисциплины, сколько в том, чтобы усваиваемая информация способствовала развитию педагогического мышления будущего педагога и появлению его собственной профессиональной позиции, индивидуального стиля педагогической деятельности.

Вышеназванное решается посредством реализации различных педагогических технологий при условии их эффективного, грамотного применения. Раскрытие сущности понятия «педагогическая технология» Н.Е. Щуркова связывает с личностью педагога, практически отождествляя его с понятием педагогического мастерства. Она отмечает, что «педагогическая технология – это научно-педагогическое обоснование характера педагогического воздействия на ребенка в процессе взаимодействия с ним, научно-педагогическое обоснование системы профессиональных умений педагога, позволяющих осуществлять тонкое прикосновение к личности ребенка, входящего в культуру». Далее Н.Е. Щуркова делает акцент на том, что «педагогической технологией называют совокупность необходимых профессиональных умений, определяющих воспитательный успех педагогического воздействия, – ту сторону работы педагога, которая составляет ремесло педагогической профессии» [4].

Однако, большинство ученых, определяя данное понятие, едины во мнениях, что педагогическая технология направлена на реализацию поставленной цели, требует описания процесса достижения результатов и опосредована личностью педагога.

Так, по мнению Н.В. Кларина, «педагогическая технология означает системную совокупность и порядок функционирования всех личностных, инструментальных и методологических средств, используемых для достижения педагогических целей» [5].

Б.Т. Лихачев отмечает: «Педагогическая технология – совокупность психолого-педагогических установок, определяющих специальный набор и компоновку форм, методов, способов, приемов обучения, воспитательных средств; она есть организационно-методический инструментарий педагогического процесса» [6].

С точки зрения В.П. Беспалько, «педагогическая технология – проект определенной педагогической системы, реализуемый на практике». Это содержательная техника реализации учебного процесса. Главное в педагогической технологии – «описание проектирования процесса формирования личности учащегося, которое характеризует педагогический успех, независимо от мастерства учителя» [7].

В.М. Монахов считает, что «педагогическая технология – это продуманная во всех деталях модель совместной педагогической деятельности по проектированию, организации и проведению учебного процесса с безусловным обеспечением комфортных условий для учащихся и учителя» [8].

Педагогическая технология, утверждает Г.Г. Селевко, функционирует и в качестве науки, исследующей наиболее рациональные пути обучения, и в качестве системы способов, принципов и регуляторов, применяемых в обучении, и в качестве реального процесса обучения.

Понятие «педагогическая технология», по мнению ученого, может быть представлено тремя аспектами:

- научным: педагогические технологии – часть педагогической науки, изучающая и разрабатывающая цели, содержание и методы обучения и проектирующая педагогические процессы;
- процессуально-описательным: описание (алгоритм) процесса, совокупность целей, содержания, методов и средств для достижения планируемых результатов обучения;
- процессуально-действенным: осуществление технологического (педагогического) процесса, функционирование всех личностных, инструментальных и методологических педагогических средств [9].

В.А. Сластенин рассматривает технологию как упорядоченную систему действий, операций и процедур, инструментально обеспечивающих достижение прогнозируемого и диагностируемого результата в изменяющихся условиях педагогического процесса [1, с. 329].

Анализ приведенных подходов к определению данного понятия позволил сделать вывод, что, несмотря на наличие различных точек зрения, ученые едины во мнении: целью педагогической технологии является практическое применение педагогической теории и получение заранее намеченных результатов в учебно-воспитательном процессе.

Согласно поставленной цели важнейшим условием усвоения содержания образования и, в частности, усвоения содержания курса педагогики может явиться реализация различных педагогических технологий: личностно ориентированных, технологий развивающего обучения, игровых, программированных, компьютерных, дифференцированного обучения и др.

В качестве примера охарактеризуем возможности использования технологии деловой игры, направленной на решение ранее поставленных задач.

Под деловой игрой, по мнению В.И. Матирко, понимается «процесс выработки и принятия решения в условиях поэтапного многоступенчатого уточнения необходимых факторов, анализа информации, дополнительно поступающей и вырабатываемой на отдельных шагах и в ходе игры» [10].

При определении отличительных особенностей деловой игры В.Я. Платов отмечает, что при использовании деловых игр процесс обучения максимально приближен к реальной практической деятельности руководителей и специалистов благодаря использованию моделей реальных социально-экономических систем, так как «... деловая игра является имитационным методом» [11].

Г.К. Селевко высказывает мнение о том, что деловая игра в учебном процессе может использоваться для решения комплексных задач усвоения нового материала и закрепления ранее изученного, развития творческих способностей, формирования общеучебных умений, дает возможность учащимся понять и изучить учебный материал с различных позиций [9, с. 40].

В процессе деловой игры участники, взяв на себя ту или иную роль, взаимодействуют друг с другом, проявляют при этом различный интерес и имеют свою определенную и отличную от мнения других точку зрения. В результате этого создается конфликтная ситуация, требующая разрешения, а участникам предоставляется возможность в полной мере проявить свои профессиональные знания, умения, навыки, общую эрудицию и даже черты характера.

В учебном процессе применяются различные модификации деловых игр: имитационные, операционные, ролевые, психо- и социодрамы, «деловой театр».

Технология деловой игры может быть представлена следующими этапами.

Первый этап – подготовительный. На нем предусматривается подготовка студентов к проведению предполагаемой игры. Она включает в себя приобретение знаний по психологии, педагогике, философии, социологии и другим предметам. Этот этап длителен по времени и может охватывать несколько семестров.

Второй этап – этап моделирования. Он включает в себя:

- определение названия и содержания игры;
- выделение педагогической проблемы, подлежащей решению;
- формулировку целей и задач игры;
- написание сценария;
- разработку правил;
- определение функций игроков и ведущего;
- определение объема теоретических знаний и педагогических умений и навыков, подлежащих приобретению, развитию и формированию в процессе деловой игры.

Третий этап – проведение игры в соответствии с разработанной моделью.

Четвертый этап – анализ деловой игры, подведение итогов и определение ее значимости в системе профессиональной подготовки будущего учителя.

Среди деловых игр, используемых в условиях вуза при изучении педагогики, особое место занимают игры, воспроизводящие деятельность ученых и специалистов по конструированию систем школьного обучения. Это игры, которые позволяют приблизить студентов к школе путем воссоздания типичных учебных ситуаций, для разрешения которых они вынуждены искать и принимать оптимальные решения по проблеме, возникающей в ходе игры. Содержание деловых игр носит, как правило, интегрированный характер, что объективно требует от студента комплексного применения знаний, усвоенных при изучении различных учебных курсов.

Заключение. Эффективному усвоению содержания курса педагогики, содействующему профессиональному становлению личности будущего учителя, может способствовать реализация различных педагогических технологий, в частности деловых игр, обеспечивающих достижение прогнозируемого и диагностируемого результата в условиях учебно-воспитательного процесса.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. **Сластенин, В.А.** Педагогика / В.А. Сластенин [и др.]. – М., 1997. – С. 139–140.
2. **Краевский, В.В.** Содержание образования: вперед к прошлому / В.В. Краевский. – М., 2000. – С. 9.
3. **Педагогика: педагогические теории, системы, технологии** / под ред. С.А. Смирнова. – М., 2000. – С. 149.
4. **Щуркова, Н.В.** Практикум по педагогической технологии / Н.В. Щуркова. – М., 1998. – С. 56.
5. **Кларин, М.В.** Педагогическая технология / М.В. Кларин. – М., 1989. – С. 17.
6. **Лихачев, Б.Г.** Педагогика / Б.Г. Лихачев. – М., 1992. – С. 104.
7. **Беспалько, В.П.** Слагаемые педагогической технологии / В.П. Беспалько. – М., 1989. – С. 22.
8. **Монахов, В.М.** Технологические основы проектирования и конструирования учебного процесса / В.М. Монахов. – Волгоград, 1995. – С. 131.
9. **Селевко, Г.К.** Современные образовательные технологии / Г.К. Селевко. – М., 1998. – С. 14–16.
10. **Сборник деловых игр, конкретных ситуаций и практических задач** / под ред. В.И. Матирко. – М., 1991. – С. 15.
11. **Платов, В.Я.** Деловые игры: разработка, организация, проведение / В.Я. Платов. – М., 1991. – С. 28.

S U M M A R Y

The article deals with the problem of the importance of the education contents mastering for future teachers. The course of pedagogy as a factor of professional development of the teacher has a great significance in this case. The necessity of using the technologies based on personally oriented situations which draw student's cognitive experience is shown.

Поступила в редакцию 18.12.2008

Ришард Гмох

Тестирование студентов как средство проверки знаний и умений в вузе

За последние годы психолого-педагогическая наука, практика обучения и воспитания обогатились новым содержанием. Масштабные исследования, связанные с активизацией человеческих возможностей, инновациями в образовательной практике, позволили выделить наиболее эффективные модели, целостные технологии познания и образования. При этом возникла потребность в новых средствах мониторинга развития и реализации творческого потенциала личности и социальных групп.

Целью работы является сопоставительный анализ проверки и оценки знаний студентов. Гипотеза: использование компьютерных технологий тестирования студентов способствует объективности мониторинга знаний и умений в вузе.

Задачи исследования:

- 1) раскрыть многокритериальность оценки;
- 2) выявить эффективность применения компьютерных технологий в процессе мониторинга;
- 3) определить позитивные и негативные категории в области навыков тестирования.

Материал и методы. Одной из наиболее часто повторяющихся операций в работе преподавателей является проверка и оценка знаний студентов. Проверка знаний учащихся – это дидактическая процедура, целью которой является выяснение, освоили ли студенты определенную сумму знаний. Она состоит в получении информации об изменениях, которые происходят у студентов в период обучения [1–2].

Под оценкой знаний студентов следует понимать выставление оценок в соответствии с обязательной шкалой оценок. Проверка и оценка – это два разных действия, которые характеризуются разными целями (рис.). Следует подчеркнуть, что обучение нельзя рассматривать без проверки знаний и оценки его результатов [3].

Стратегия «проверки–оценки»					
Проверка		Связь		Оценка	
П0	П1	О1	П2	О2	О3
1. Одноразовая проверка		2. Соединение проверки и оценки		3. Одноразовая оценка	

- П0 – подбор содержания проверки;
 П1 – создание экзаменационной ситуации;
 О1 – установление требований программы;
 П2 – установление результатов проверки;
 О2 – создание шкалы оценок;
 О3 – выставление шкалы оценки.

Рис. Стратегия «проверки–оценки».

Сопоставляя между собой проверку и оценку, следует подчеркнуть, что по техническим соображениям проверка является более легкой, чем оценка [4–5]

В случае проверки педагог может удовлетвориться фактом, освоил или нет студент данный материал. Представление этого факта в виде оценки ставит преподавателя в сложную ситуацию необходимости принятия решения. При оценке студентов с выставлением отметки преподаватель может принять во внимание только требования, которые ставит программа обучения. Оценивание, которое имеет в виду только требования программы обучения, называется дидактической оценкой. Преподаватели, оценивая студентов сверх программы обучения химии, часто учитывают много других критериев, что приводит к многокритериальности оценки, и тогда она называется общественно-воспитательной оценкой.

Результаты и их обсуждение. Недостатком общественно-воспитательных оценок является то, что невозможно оценить, какую часть среди различных критериев составляет дидактическая оценка. Применяемые в настоящее время в вузе методы проверки знаний студентов выполняют много функций, в том числе, например, функцию обучения (доучивания) и воспитания (дисциплинирования студентов, мотивирования их усилий).

Компьютер может быть использован как в ходе проверки, так и оценки знаний студентов. Главным преимуществом использования компьютера в процессе оценки знаний учащихся есть то, что это практически означает дидактическую оценку, а не многокритериальное общественно-воспитательное оценивание.

В процессе компьютерного тестирования создаются условия для самоконтроля студентов, а также для получения необходимой информации педагогом. Самоконтроль помогает студенту выявить, что им уже изучено, что понятно, а что требует доработать, по каким вопросам нужна консультация преподавателя.

Система контроля должна быть построена в соответствии со структурно-логической схемой учебной дисциплины. Контроль усвоения может производиться самым различным образом: от неформализованных оценок, выставаемых преподавателем непосредственно в процессе учебного занятия, до разветвленных детальных тестовых проверок, при которых задания, выдаваемые студентам, документально зафиксированы в памяти компьютера, а оценка результатов выполнения этих заданий производится путем сравнения с эталоном.

При применении компьютерных технологий в процессе контроля форму ответа можно выбирать исходя из специфики учебной дисциплины и учебного материала. Могут быть использованы задания, имеющие ответы типа «вычислительный результат». В дисциплинах химического цикла часто наблюдается иная картина: опираясь на знания химических законов, студент в процессе деятельности по выполнению задания должен определить образующиеся при химических превращениях вещества.

В процессе компьютерного тестирования используются главным образом закрытые задания типа: правильно–неправильно, отдельного и многократного упорядочения, анализа связей между частями задания, лабиринтовые, графические, многократного выбора. Практически не используются в компьютерном тестировании открытые задания, т.е. задания, которые требуют краткого ответа, задания с «пропуском», т.е. ответ вписывается в оставленное место. Различают следующие стратегии решения задач многократного выбора [4–5]:

1) стратегия самостоятельной формулировки ответа (англ. frontal attack), которая позволяет решить задания многократного выбора на основе информации, содержащейся в тексте задания, и сравнении собственного ответа с ответами, данными в тесте;

2) стратегия исключения неправильных ответов (дистракторов), предполагающая поочередное исключение ошибочных или маловероятных ответов.

Эту стратегию используют тестируемые, имеющие недостаточные знания, или те, кто не хочет самостоятельно решать задачи;

3) стратегия формального анализа, включающая использование техники формального сравнения ответов, в том числе через скрытые подсказки (например, длительность ответа, наличие определенных слов в ответе), а также раскрытие специфики работы конструктора тестов (например, способа размещения правильного ответа, создания ошибочных ответов). Чем тест лучше сконструирован, тем область эффективности этой стратегии меньше;

4) стратегия «слепого отгадывания» (англ. blind guessing), состоящая в руководстве случаем, предчувствием, интуицией или другими неинтеллектуальными правилами в выборе ответов. Используют ее чаще всего слабые студенты после использования других способов решения тестового задания.

Среди четырех вышеупомянутых стратегий источником проблем преподавателя являются 2, 3 и 4-я стратегии, потому что они приводят как к неправильному получению оценочных баллов, так и деморализации студентов (уменьшение мотивации обучения студентов).

Овладение всеми стратегиями решения разнообразных тестовых заданий студентами называется приобретением комплексных навыков (англ. test-wiseness) студентами. Комплексные навыки охватывают воспитательные категории, как положительные, так и сомнительные или отрицательные. К положительным воспитательным категориям относятся:

а) использование времени тестирования (немедленное начало решения задач, оставление самых трудных тестовых задач на конец работы);

б) избегание ошибок (следование инструкции тестирования, проверка решений тестовых заданий).

К сомнительным или негативным воспитательным категориям в области навыков тестирования относятся:

а) понимание идей конструктора, которые были заложены при составлении тестов (выдаче ответа в соответствии с ожиданиями конструктора теста и на запланированном им уровне точности);

б) выполнение формального анализа (сравнение вариантов ответов с точки зрения логики, поиск связей с ответами на другие вопросы);

в) использование скрытых подсказок (установление всех неточностей конструктора теста в выборе неправильных ответов);

г) угадывание («всегда угадывай, если не предусмотрено наказание за ошибочные ответы»).

Использование компьютеров в тестировании позволяет ограничить вышеупомянутые сомнительные и отрицательные воспитательные категории, касающиеся приобретения навыков тестирования, так как [6]:

– при компьютерном тестировании на экране монитора видно только одно тестовое задание, решение которого является необходимым условием для появления очередного задания на экране. Поэтому тестируемый не может сравнивать между собой содержание отдельных тестовых заданий и ответов на них;

– существует возможность введения в тестовые задания в качестве варианта ответа «не знаю», что ограничивает угадывание. Тогда система оценок ответов изменяется от 0; +1 балл до -1; 0; +1 балл. Тестируемый получает баллы:

+1 балл – за правильный ответ;

0 баллов – за признание неумения ответить на вопрос путем выдачи ответа «не знаю»;

-1 балл – за неуспешную попытку отгадывания.

Исследования показывают, что вместо пункта -1 балл за попытку отгадывания, неуспешную попытку отгадывания, не увенчавшуюся успехом, следует использовать -0,5 балла, т.к. с педагогической точки зрения это более мотивирующая к дальнейшей учебе оценка.

Заключение. Использование компьютеров в тестировании дает возможность исключить подсказки через содержание тестового задания [6]. Этого можно добиться путем соответствующего программирования компьютеров. Смысл этого действия сводится к ступенчатому представлению на экране монитора отдельных вариантов ответов, что в результате приводит к отбрасыванию и правильных ответов, т.к. у тестируемого нет возможности сравнивать ответы. Следует подчеркнуть, что с дидактической точки зрения не нужно постулировать, чтобы указанный способ представления ответа использовать обязательно на всех экзаменах с использованием компьютеров, т.к. в отдельных случаях формальный анализ составляет необходимый элемент, формирующий многие виды умозаключения.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Пак, М.С.** Качество школьного химического образования сущность, критерии и методика оценивания [b]: R. Gmoch (red.) Jakość kształcenia a kompetencje zawodowe nauczycieli przedmiotów przyrodniczych / М.С. Пак, И.В. Шутова, М.К. Толетова. – Ополе: Изд-во Uniwersytet Opolski, 2003. – S. 255.
2. **Пак, М.С.** Тестовые технологии в химическом образовании / М.С. Пак. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2001.
3. **Гмох, Р.** Методические условия профессиональной подготовки учителя химии, [b]: Predgradualni priprava a postgradualni vzdelavani ucitelu chemie, Sbornik Prednasek / Р. Гмох. – Ostrava: Изд-во Ostravska univerzita, 1999. – S. 19.
4. **Niemierko, B.** Pomiar sprawdzający w dydaktyce / B. Niemierko. – Warszawa: Изд-во PWN, 1990.
5. **Niemierko, B.** Pomiar wyników kształcenia / B. Niemierko. – Warszawa: Изд-во WSiP, 1999.
6. **Gmoch, R.** Checking the knowledge of chemistry students in kinetics and chemical equilibrium by the conventional test and the computer test using the pyramidal method of adaptive test, Science Education and Society / R. Gmoch, A. Sztejnberg, J. Hurek. – Hradec Kralove: Gaudeamus, 1999. – S. 62.

S U M M A R Y

The researches connected with activation of human opportunities, innovations in educational practice have allowed allocating the most effective models, complete technologies of knowledge and formation with the help of new means of monitoring of development and realization of person's and social groups' creative potential.

Поступила в редакцию 12.02.2008

УДК 378.016:61

И.И. Горлачева

Социально-педагогическая составляющая в содержании медицинского образования*

Приоритетность здравоохранения и образования в государственной политике большинства развитых стран мира акцентирует внимание на проблеме развития медицинского образования в контексте социально-педагогической направленности. Всемирная организация здравоохранения приняла резолюцию по переориентации медицинского образования для достижения целей стратегии здоровья для всех, призвавшую мировое сообщество реформи-

* На примере Витебского региона.

вать систему медицинского образования в соответствии с заявленной целью. Социальный заказ общества определил роль социально-педагогической составляющей в формировании профессионализма и личностных качеств медработников. Соответственно, содержание подготовки студентов-медиков необходимо пересматривать с позиции социально-педагогической направленности. В связи с этим целью работы является выявление социально-педагогической составляющей в содержании медицинского образования.

Материал и методы. Определение социально-педагогической составляющей в подготовке будущих медработников проведено на основе анализа учебных планов и программ учреждений образования, обеспечивающих получение среднего и высшего медицинского образования в Витебском регионе (медицинские колледжи (УО «Витебский государственный медицинский колледж» и УО «Оршанский государственный медицинский колледж») и вуз (УО «ВГМУ»).

При анализе плана учебного процесса медицинского колледжа сделан акцент на те дисциплины, которые опосредованно включают социально-педагогический аспект. В результате были рассмотрены дисциплины социально-гуманитарного цикла, входящие в общеобразовательный компонент («Основы философии», «Основы социологии», «Основы политологии»), а также дисциплины общепрофессионального («Основы медицинской психологии», «Общественное здоровье и здравоохранение») и специального («Основы семейной медицины», «Охрана репродуктивного здоровья», «Геронтология и гериатрия», «Основы валеологии») циклов профессионального компонента.

Содержание программ по основам философии, социологии, политологии включает базовые понятия и категории данных наук, что составляет обязательный минимум по данному циклу дисциплин. Обучение по этим дисциплинам осуществляется на втором курсе на всех отделениях (лечебное дело, медико-диагностическое дело, медико-профилактическое дело, сестринское дело). Социально-педагогический аспект лишь частично реализован в данных учебных программах. Наиболее четко идеи социально-педагогической направленности выкристаллизовываются в учебной программе по курсу «Основы социологии», где имеется ряд значимых с точки зрения социальной педагогики вопросов: общество как целостная система; социальный статус и социальная роль индивида; социализация и адаптация; влияние и значение возрастных и социальных особенностей становления личности; девиантное и антисоциальное поведение подростка. Программа курса «Основы философии» предлагает рассмотреть мир как систему взаимосвязей между человеком, обществом и природой, роль и место человека в современном мире. В программе по курсу «Основы политологии» социально-педагогический аспект выражен опосредованно, лишь в той части, где рассматриваются вопросы, касающиеся средств массовой информации (СМИ), социально-политических тенденций развития общества, мировой политики и глобальных проблем современности.

Определенный интерес, с точки зрения рассматриваемой проблемы, в рамках общепрофессионального цикла представляют две дисциплины: «Основы медицинской психологии» и «Общественное здоровье и здравоохранение». Программы данных учебных дисциплин непосредственно и опосредованно включают социально-педагогический аспект. Учебная программа по дисциплине «Основы медицинской психологии» предназначена для студентов всех отделений. На изучение этой программы выделяется неодинаковое количество часов на разных отделениях. Существенным недостатком данной учебной программы является то, что общее количество часов на медико-диагностическом и медико-профилактическом отделениях недостаточно для того, чтобы целостно сформировать знания по этой дисциплине. Практиче-

ская составляющая намного меньше, чем теоретическая. На некоторых отделениях она не предусмотрена (медико-диагностическое отделение). И это несмотря на то, что при подготовке медицинского работника всегда обращалось внимание на личностные качества избравших данную профессию, на воспитание принципов деонтологии.

Результаты и их обсуждение. Изучение курса «Основы медицинской психологии» предполагает наличие у студентов знаний по основам психологии, полученных на младших курсах. Между тем дисциплина «Основы общей психологии» не предусмотрена учебным планом учреждений образования «Витебский государственный медицинский колледж» и «Оршанский государственный медицинский колледж», вышеперечисленные вопросы не находят воплощения в содержании дисциплины «Основы медицинской психологии».

Положительной стороной введения курса «Основы медицинской психологии» является то, что некоторые аспекты социально-педагогической составляющей присутствуют в содержании данной дисциплины (зависимость здоровья человека от социальных и средовых факторов, индивидуальных и возрастных особенностей организма индивида; коммуникативная компетентность при работе с пациентами разного профиля и возраста; социально-психологическая профилактика).

Учебный план медицинского колледжа предусматривает включение в программу обучения студентов лечебного и медико-диагностического отделений дисциплины «Общественное здоровье и здравоохранение», при изучении которой рассматриваются вопросы влияния социальных условий и факторов внешней среды на здоровье. Программа курса реализуется с 2006 года и предусматривает изучение данной учебной дисциплины на III курсе лечебного отделения и на IV курсе медико-диагностического отделения. Введение данной дисциплины в профессиональный компонент является позитивным шагом, т.к. ее содержание отражает важные для социально-педагогической компетентности будущего медработника вопросы: принципы здравоохранения, социальная политика государства в области охраны здоровья, состояние здоровья населения и влияние на него социальных факторов.

Особый интерес, с точки зрения социально-педагогической направленности учебных программ для учреждений, обеспечивающих среднее медицинское образование, вызывает наличие в структуре профессионального компонента специального цикла: «Основы семейной медицины», «Охрана репродуктивного здоровья», «Геронтология и гериатрия», «Основы валеологии». Однако они лишь частично отражают социально-педагогическую составляющую, акцентируют теоретическое изложение вопросов, связанных с семьей, репродуктивным здоровьем, формированием ЗОЖ, отдельно касаясь их практической реализации.

Дисциплина «Основы семейной медицины» была введена в учебный процесс с 2007 года и изучается студентами на сестринском и лечебном отделениях на III курсе (общее количество часов – 28, из них теория – 28). Цель дисциплины – изучение модели современной семьи, которая является главной структурой общества, а также факторов, влияющих на формирование семьи. В разделе программы «Здоровье семьи. Здоровый образ жизни» отражены факторы риска возникновения заболеваний и условия, необходимые для формирования здорового образа жизни: рациональное питание, физическая культура и спорт и т.д. Предлагается изучение проблем пожилых и старых людей, тяжелобольных и умирающих, инвалидов, психически больных, ВИЧ-инфицированных и больных СПИДом, туберкулезом и онкологических больных. В программу включены вопросы воспитания ребенка и подростка, ре-

продуктивного здоровья подростка, планирования семьи и контрацепции, пре-гравидарной подготовки, проблемы наркомании, токсикомании, алкоголизма.

Вопросы социально-педагогической направленности, заявленные в курсе «Основы семейной медицины», – отправная точка для детального рассмотрения их в курсах «Геронтология и гериатрия», «Основы валеологии», «Охрана репродуктивного здоровья». Однако, по нашему мнению, существует необходимость в пересмотре их содержания с точки зрения социально-педагогической направленности с учетом межпредметных связей. Это позволит уделить больше внимания вопросам консультирования, диагностики в области репродуктивного здоровья подростков и молодежи.

Необходимость обращения к социально-педагогическому аспекту в рамках обучения в медицинском колледже остается по-прежнему актуальной проблемой, требующей разрешения: в содержании анализируемых дисциплин социально-педагогический аспект присутствует опосредованно, его наличие не обеспечивает системность, а следовательно, необходимую сознательность усвоения и полифункциональное применение полученных социально-педагогических знаний в последующем обучении.

В начале 90-х годов были определены базовые направления и учебные дисциплины социально-гуманитарного цикла. Смена образовательной парадигмы в содержательном аспекте обеспечивала возможность включения в учебные планы и программы элементов социально-педагогического знания. С целью выявления социально-педагогического компонента в содержании высшего медицинского образования был проведен анализ учебных программ в медицинском УО «ВГМУ» по ряду дисциплин социально-гуманитарного цикла.

Одной из наиболее значимых дисциплин в социально-гуманитарной педагогической подготовке будущего медицинского работника, обуславливающей реализацию социально-педагогического аспекта, являются психология и педагогика. В 1997 году в учебный план медицинского вуза была включена новая учебная дисциплина – «Основы педагогики, психологии и деонтологии» в объеме 40 часов (24 – лекции, 16 – практические). Большое внимание в данной программе уделялось вопросам психологии. Педагогическая и социально-педагогическая составляющие лишь частично были отражены в таких темах, как «Этические аспекты взаимоотношения врача и пациентов», «Особенности медицинской деятельности». Анализ содержания учебного курса «Основы педагогики, психологии и деонтологии» показал, что основными тенденциями, реализуемыми в рамках социально-гуманитарного блока в медицинском вузе, являются гуманизация, гуманитаризация, преемственность и непрерывность психолого-педагогического и медицинского образования. Однако социально-педагогический аспект присутствовал опосредованно, лишь в незначительной степени отражая медико-психологическую и социально-педагогическую направленность курса. Фрагментарное представление социально-педагогического компонента в подготовке студентов-медиков не обеспечивало формирования междисциплинарного знания в социально-педагогическом аспекте.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что если в 1997 году на изучение курса «Основы психологии и педагогики» отводилось на лечебном и на стоматологическом факультетах всего 40 часов (из них 24 – лекции и 16 – практические), то с 2000 года данная учебная дисциплина стала изучаться на всех 3 факультетах (лечебный, стоматологический, фармацевтический) в количестве 72 часов (36 – лекции и 36 – практические). Анализ содержания учебного курса «Основы психологии и педагогики» показывает, что в тематическом плане лекций и практических занятий для всех факультетов акцент был сделан на психологическую составляющую в подготовке будущего меди-

цинского работника: 16 из 18 часов была посвящена вопросам психологии, и только 2 часа отводились на изучение основ педагогики. Социально-педагогическая составляющая в недостаточном количественном и содержательном аспекте присутствовала в данном курсе, опосредованно ориентируя будущего медицинского работника на усвоение общей, социальной, возрастной психологии, психологии общения, отдельных аспектов медицинской психологии применительно к содержанию деятельности врача; изучение общих основ педагогики; личностно ориентированной педагогики в работе врача, провизора.

На основании учебной типовой программы, утвержденной Министерством образования РБ в 2007 году, были внесены некоторые позитивные коррективы в учебный план и в содержание курса «Основы психологии и педагогики». Например, блок по психологии был дополнен новым тематическим содержанием. В раздел «Социальное поведение человека» были внесены такие вопросы, как «Социальное взаимодействие личности в социуме» и «Влияние социума на здоровье психическое и соматическое». В блоке «Основы педагогики» стал рассматриваться ряд вопросов социально-педагогической направленности. В частности, в разделе «Общие основы педагогики» – образование как социокультурный феномен, современное состояние образования, в разделе «Воспитание и развитие личности» – вопросы социализации; адаптация человека на разных жизненных этапах. Это сыграло положительную роль в реализации социально-педагогического компонента. Следует отметить, что в типовой программе количество часов, отводимых на изучение курса «Основы психологии и педагогики», составляет 102 (62 – аудиторные занятия, 34 – самостоятельная работа). В рамках УО «ВГМУ» программа по курсу «Основы психологии и педагогики» предусматривает 72 часа (36 часов – лекции, 36 часов – практические). Это в определенной мере и предопределило недостаточное представление социально-педагогической составляющей в содержании данного курса.

В содержательном аспекте изменения коснулись дополнения по частным вопросам общей педагогики, однако не за счет увеличения количества общей нагрузки, а за счет сокращения часов, отведенных на изучение основ психологии. Эта дисциплина носит общий ознакомительный характер. Учебный курс «Основы психологии и педагогики» с 2008 года преподается студентам лечебного и фармацевтического факультетов на I курсе в количестве 72 часов (36 – лекции и 36 – практические). На стоматологическом факультете изучение данной учебной дисциплины начинается со II курса и заканчивается на IV курсе (72 часа, 36 – лекции и 36 – практические). Как следствие данных изменений – существенное сокращение в тематическом плане лекций и практических вопросов по психологии, за счет включения вопросов по педагогике.

Позитивным является преподавание психолого-педагогических дисциплин на младших курсах, так как это способствует овладению знаниями в области общих основ психологии, психологии личности, познавательной сферы. Непосредственно знания, связанные с социально-педагогическим и социально-психологическим аспектами деятельности будущих специалистов в области здравоохранения, студентам-медикам предлагаются в рамках элективных курсов («Охрана репродуктивного здоровья молодежи», «Образ жизни, здоровья и успех», «Социально-педагогические технологии в практической деятельности врача», «Социокультурная сексология с основами консультирования подростков и молодежи по вопросам репродуктивного здоровья» и др.).

Реформирование и дифференциация медицинского образования коснулись социально-гуманитарного блока. Это привело к созданию новых программ для медицинских вузов и их дифференциации по специальностям.

Учебным планом в 1999 году было предусмотрено изучение курса «Медицинская этика» на II курсе лечебного факультета в объеме 36 часов (10 – лекции и 26 – практические занятия) и на II курсе фармацевтического факультета также в объеме 36 часов (20 – лекции и 16 – практические). Это обеспечивало развитие системы непрерывной психологической и деонтологической подготовки будущего врача и провизора. Программы по курсу «Медицинская этика» являлись базовыми для лечебных и фармацевтических факультетов. Медицинская и фармацевтическая этика – часть общей этики. Программа по медицинской этике для лечебного факультета была составлена в соответствии с новыми учебными планами и включала следующие разделы: *I. Медицина и этика. II. Личность участников медицинского взаимодействия. III. Этика медицинского взаимодействия.* Программа по фармацевтической этике базировалась на основном учебном плане и содержала следующие разделы: *I. Фармация и этика. II. Личность участников фармацевтического взаимодействия. III. Этика фармацевтического взаимодействия. IV. Фармация и медицина: этический аспект взаимоотношения.*

Курсы «Фармацевтическая этика» и «Медицинская этика» тесно связаны с социально-гуманитарными дисциплинами, психологическими и педагогическими основами профессиональной деятельности медицинского работника и провизора. Они создают основу для последующего изучения биоэтики, деонтологии и элективных курсов. Социально-педагогический аспект в учебных программах данных курсов был реализован опосредованно, поскольку в них, например, косвенно отражаются вопросы взаимодействия, общения пациента-врача, клиента-фармацевта. Вопрос о влиянии на здоровье и самочувствие человека других социально важных составляющих отсутствовал. Также не было необходимых рекомендаций по применению социально-педагогических знаний в области медицинской этики в практической деятельности врача в соответствии со специализацией.

Изменения в обществе и образовании непосредственно коснулись обновления программ по вышеназванным курсам. Произошли изменения в их содержании и структуре. Основные изменения связаны с введением курса этики в преподавание на III курсе стоматологического факультета (36 часов, 10 – лекции и 26 – практические). До этого времени данный предмет не был предусмотрен учебным планом вуза. Изменения в незначительной степени коснулись учебного плана фармацевтического факультета (увеличивается количество практических занятий за счет сокращения лекционных часов (общее количество аудиторных часов – 36, 18 – лекции и 18 – практические).

В соответствии с социальной направленностью развития образования, обусловленной государственным социальным заказом, произошли существенные изменения в содержании курса «Этика», предназначенного для всех факультетов вуза. Структура и содержание курса «Этика» (в том числе медицинская) значительно модернизированы. Все разделы дополнились новыми темами со значительным акцентом на социально-педагогическую составляющую. В частности, были введены такие важные с точки зрения социальной педагогики вопросы, как: медико-этические аспекты здоровья и болезни; медико-этические особенности деятельности семейного врача; межколлегальные отношения в медицине. В курсе «Этика» (в том числе фармацевтическая), в контексте социально-педагогической направленности, изменения касаются увеличения вопросов, связанных с взаимодействием провизора и врача: учет возрастных и индивидуальных особенностей клиента, психология клиента, этика коммуникативных отношений, взаимодействие провизора и врача в современных условиях; медико-этической составляющей здоровья: социальное и психическое здоровье, социопсихосоматический подход к бо-

лезни, роль и место семейной медицины в структуре профессиональной деятельности медицинского работника.

Несмотря на качественное приращение социально-педагогической направленности содержания курса «Этика» и ее позитивной роли в формировании профессионально подготовленного медработника, к большому сожалению, с 2007 года учебным планом на лечебном и стоматологическом факультетах изучение вопросов этики не предусмотрено. Только на фармацевтическом факультете продолжается изучение фармацевтической этики на II курсе (общее количество аудиторных часов – 36, 18 – лекции и 18 – практические). Данные изменения в учебном плане, на наш взгляд, могут негативным образом повлиять на формирование компетентности медицинского работника.

В 2004 году начинается преподавание на кафедре психологии и педагогики УО «ВГМУ» курса «Медицинская психология» для студентов-четверокурсников лечебного факультета (ранее данная дисциплина относилась к кафедре психиатрии и наркологии). В учебную программу курса «Медицинская психология» входит изучение вопросов взаимоотношений между врачом и пациентом с целью возможного применения психотерапевтического воздействия и психокоррекции. Это необходимо для формирования клинического мышления и адекватной внутренней картины болезни пациента и врача.

Преподавание данной дисциплины ведется на лечебном факультете на IV курсе (в объеме 20 часов (10 – лекции и 10 – практические) и на V курсе (общий объем – 16 часов, 6 – лекции и 10 – практические). Программы ориентируют студента-медика на знание общих закономерностей развития и функционирования психики здорового человека, формируют умения определять основные психические и личностные особенности пациента, его реакцию на болезнь и, соответственно, учат выстраивать тактику общения; позволяют оптимально провести беседу и интервьюирование с целью получения максимальной информации о больном; предоставляют возможность устанавливать доверительные отношения, повышая эффективность лечения; дают психогигиенические советы в отношении обучения, воспитания, стиля жизни, интимных отношений.

Таким образом, проведенное исследование позволяет утверждать, что социально-педагогический компонент в содержании дисциплины «Медицинская психология» присутствует, однако в преподавании делается акцент на социальную и психологическую составляющую.

Следует отметить, что такие дисциплины, как социология, философия, политология, частично включают социально-педагогическую составляющую в свое содержание. Проведенный анализ позволяет констатировать, что социально-педагогическая составляющая данных учебных дисциплин соответствует уровню медицинского колледжа.

В цикле общепрофессиональных и специальных дисциплин идеи социально-педагогической направленности частично реализованы в таких преподаваемых в медицинском колледже дисциплинах, как «Социальная гигиена», «Экономика и организация здравоохранения», «История медицины и фармации», «Дерматовенерология», «Педиатрия», «Психиатрия и наркология» и другие.

Одной из инноваций в УО «ВГМУ» является введение разработанного нами курса «Социально-педагогические технологии в практической деятельности врача» в объеме 32 лекционных часов. В рамках данного курса впервые осуществлено целенаправленное включение социально-педагогического компонента в подготовку будущих врачей. Освоение данного нововведения может проходить на уровне электива, спецкурса, факультатива. Реальна перспектива превращения данного элективного курса в обязательную дисциплину для системы профессионального обучения будущего медицинского работника.

Заключение. Развитие системы медицинского образования на современном этапе развития общества, в соответствии с реальными потребностями государственной политики в области здравоохранения и образования, предполагает коррекцию учебных планов и программ медицинских колледжей и вузов в плане социально-педагогической направленности их содержания. Это касается прежде всего программ цикла социально-гуманитарных наук, где изначально заложена потенциальная возможность акцентирования внимания будущих работников здравоохранения на социально-педагогическую составляющую профессии в контексте формирования профессиональной компетентности современного специалиста. При этом необходимо обновление содержания программ по отдельным курсам медицинского колледжа и вуза, создание специальных элективов с целью целенаправленного включения социально-педагогического аспекта в русле современных образовательных тенденций и достижений смежных наук, реализации межпредметной интеграции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Reorienting medical education and medical practice for health for health for all* (Реориентация медицинского образования и медицинской практики для осуществления стратегии здоровья для всех), World Health Assembly Resolution, 48.8, Geneva, 1995.
2. **Образовательный стандарт.** Высшее образование. Первая ступень. Цикл социально-гуманитарных дисциплин: утв. М-вом образования Респ. Беларусь 1 сент. 2006 г. № 89. – 4 с.
3. **Основы психологии и педагогики:** учеб. программа для высш. учеб. заведений / сост. А.И. Жук [и др.]. – Минск: РИВШ, 2007. – 56 с.
4. **Программа по медицинской психологии для студентов высших медицинских учебных заведений.** – Минск: Министерство здравоохранения РБ, 1997. – 18 с.
5. **Учебная программа по основам психологии и педагогики для студентов высших медицинских учебных заведений.** – Минск: Министерство здравоохранения РБ, 2005. – 33 с.
6. **Образовательный стандарт.** Высшее образование. Специальность М. 01.01.00. Лечебно-профилактическое дело. – Минск: Министерство здравоохранения РБ, 1999. – 51 с.
7. **Образовательный стандарт.** Среднее специальное образование. Специальность 2-79 01 01 Лечебное дело. – Минск: Министерство образования РБ, 2006. – С. 35.
8. **Образовательный стандарт.** Среднее специальное образование. Специальность 2-79 01 03 Медико-профилактическое дело. – Минск: Министерство образования РБ, 2004. – 35 с.
9. **Образовательный стандарт.** Среднее специальное образование. Специальность 2-79 01 31 Сестринское дело. – Минск: Министерство образования РБ, 2004. – 32 с.
10. **Образовательный стандарт.** Среднее специальное образование. Специальность 2-79 01 04 Медико-диагностическое дело. – Минск: Министерство образования РБ, 2004. – 32 с.

S U M M A R Y

The system of secondary and higher medical education requires the reconsideration of academic programs contents with regard to social and pedagogic component.

Поступила в редакцию 4.10.2009

Н.В. Молчанова

Роль эмоционально-личностной оценки в коммуникативной интеракции

Согласно многим психологическим теориям, эмоция является направляющей, регулирующей силой, которая влияет не только на психические процессы, но и на поведение в целом (С.Л. Рубинштейн, П.В. Симонов, Б.И. Додонов, К. Юнг, С. Izard, А.Т. Dittmann и др.).

Впервые термин «интеракция» (взаимодействие) был введен в западной социальной психологии в начале XX века. Основоположником интеракционистского направления считают Дж. Мида, который утверждал, что действующий субъект создает свой социальный мир в процессе коммуникации с другими людьми. При этом коммуникация трактуется как система взаимоориентированных акций и реакций, развернутых во времени. Наше исследование было сосредоточено на анализе взаимных действий общающихся индивидов. Отсюда возникла необходимость в понятии «коммуникативная интеракция», в которой выделяется аспект действия как таковой. Коммуникативная интеракция понимается нами как система взаимоориентированных поведенческих реакций людей, непосредственно воздействующих друг на друга.

Известно, что обмен действиями, сигналами между людьми во многом определяется их субъективной оценкой со стороны каждого из участников, включенных в процесс коммуникативной связи. Для каждого участника эта связь имеет личностную значимость, в соответствии с которой он действует, интерпретируя информацию по-своему, реализуя личностные цели. Внешние взаимные поведенческие проявления партнеров складываются в определенную картину, имеющую разные отличительные особенности в различных ситуациях взаимодействия. В процессе успешной или неуспешной реализации цели возникают эмоции, которые играют определенную роль в выборе тех или иных способов взаимодействия с партнером, т.е. являются детерминирующим фактором внешней структуры коммуникативной связи. Это положение определяется следующими особенностями эмоций:

1. Одномоментное эмоциональное состояние презентует сознанию субъекта тот или иной индивидуальный смысл воспринятого. Эмоции как основа смыслообразования рассматривались В.К. Вилюнасом, А.Н. Леонтьевым, В.В. Столиным, И.А. Васильевым, Л.С. Выготским, А.М. Аболиным и др. Так, В.А. Бодров указывает на то, что «именно эмоциональные реакции несут в себе личностный смысл, т.е. субъективное значение» [1]. В коммуникативной интеракции пристрастность в переработке воспринимаемой информации (слова, действия, невербальные проявления) обусловлена поведенческими реакциями партнера, которым и приписывается определенный индивидуальный смысл. Следует подчеркнуть, что эмоции направляют внимание субъекта на те факты, детали происходящего, которые имеют для него личностное значение, в то время как «объективный» смысл происходящего может быть совсем иным.

2. Фиксация во времени различных аффективных реакций позволяет субъекту накопить индивидуальный аффективный опыт взаимодействия в ситуа-

циях межличностной коммуникации. В сочетании с функциями памяти эмоция обеспечивает активные формы субъективной организации поступающей информации и ее накопление во времени. В процессе межличностного контакта эмоции, оставляя в памяти следы переживания, являются причиной сохранения определенных форм реагирования или избегания каких-то способов взаимодействия. Когда в ситуации присутствуют элементы из прошлого опыта, эмоции способствуют повторному возникновению этих следов, а следовательно, и индивидуальных поведенческих реакций. Эмоция является внутренним психическим механизмом оценки действительности.

3. Идеаторный характер эмоции также влияет на возможность субъекта отреагировать тем или иным способом в ситуации межличностного контакта. Это объясняется тем, что данный феномен связан с функцией предвосхищения. Предвосхищение событий, связанных с развитием коммуникативной ситуации, эмоционально окрашено. Оно определяется той целью, которую преследуют партнеры. Эмоциональное переживание, «хотение» является важной составляющей цели. Эмоция вплетена в ткань целеобразования, именно она отражает личностную значимость, пристрастность цели (С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, Л.М. Аболин, А.В. Запорожец). Это положение следует дополнить тем, что одной из главных особенностей эмоций является их опережающий характер по отношению к рациональному анализу ситуации (А.Н. Леонтьев, М. Арнольд).

Данные положения имеют место в каждой коммуникативной ситуации, однако в зависимости от характера самой ситуации имеют в ней разный удельный вес. Это зависит от уровня значимости обсуждаемой проблемы, наличия конкретных целей субъектов, индивидуальных особенностей общающихся, от их состояния «здесь и теперь», от динамики развития самой ситуации.

Цель нашего исследования [2] состояла в выявлении особенностей коммуникативной интеракции, связанных с функционированием эмоций субъектов коммуникации. Предполагалось раскрытие феномена, согласно которому эмоциональная оценка личной значимости реально происходящего определяет *содержание и структуру коммуникативного взаимодействия*. Правомерность анализа функционирования эмоций в процессе непосредственного взаимодействия основывалась на следующих положениях:

1. В индивидуальной психике каждого человека в свернутой форме содержатся те или иные социальные феномены, воспринятые и усвоенные им из реальной жизни. Это объясняется явлениями интериоризации и экстериоризации. Интериоризация предполагает присвоение из внешней реальности сущности внешних предметов и явлений, в том числе и значений социального мира. Тогда как экстериоризация означает переход внутренних мыслительных действий и операций в развернутую внешнюю форму. Следовательно, внешние поведенческие проявления субъектов коммуникации – это проявление их внутриличностных феноменов.

2. Работа по моделированию конфронтационного диалога проводилась на базе тренинга коммуникативных умений, в контексте чего проигрывались и анализировались ролевые ситуации. Ролевое проигрывание конфронтационных диалогов предполагало решение личностно значимых проблем, с которыми участники сталкивались в своей собственной реальной жизни. Желание найти решение и определить причины происходящего повлияло на то, что участники демонстрировали высокую эмоциональную включенность, готовность участия в подобных ролевых ситуациях. При этом эмоциональная значимость «запускала» естественное использование ими типичных, уже сложившихся способов поведения. Для естественных поведенческих проявлений участников имело значение и то, что их совместное взаимодействие в тренин-

ге длилось долго (год и более), что позволило им привыкнуть друг к другу и используемым формам работы.

3. Участники диалога имели противоположные намерения по поводу обсуждаемой проблемы. Однако ставилась общая цель – договориться между собой. Вследствие столкновения различных точек зрения возникало эмоциональное напряжение, которое затрудняло и препятствовало достижению взаимной договоренности между партнерами, что также определяло их поведенческие реакции.

Таким образом, была создана модель конфронтационного диалога; выделен ряд категорий, раскрывающих ту или иную особенность коммуникативного взаимодействия. Под категорией (критерием) мы понимаем отличительный признак, на основании которого производится оценка происходящего. Категорией (критерием), определяющим *содержательный аспект* коммуникативной интеракции, является следующий: *слушая партнера, субъект коммуникации выделяет лишь то, что имеет для него личностное значение*. Критерий, определяющий *структуру коммуникативной интеракции*, сформулирован так: *«эмоции направляют коммуникативные действия к объекту или от него, способствуя объединению или разъединению с партнером по коммуникативной интеракции»*. Всего было выделено 10 категорий (критериев). Каждый из них проявляется в 3-х референтах, представляющих конативную, эмоциональную и когнитивную составляющие. Использовался контент-анализ (видеосъемка) содержания и формы коммуникативной интеракции между партнерами по диалогу. Для статистической обработки использовался бинаминальный критерий (P).

В ситуации эксперимента индивидуальные цели участников конфронтационного диалога были выстроены на основе их мотивации и имели противоположную направленность. Результативное завершение ситуации было возможно только, если каждый из участников стремился понять и принять во внимание желания, интересы, настроение партнера. Но, как правило, участники диалога неуклонно стремились достичь своей цели, не прислушиваясь к чужому мнению. Несовпадение ожиданий, несогласие со стороны партнера влечет одномоментное эмоциональное напряжение, придающее словам и действиям партнера индивидуальную значимость, т.е. искажается объективный смысл ситуации. Человек видит и слышит лишь то, что он «хочет» видеть и слышать.

Мгновенно возникающая эмоция, как правило, не рационализируется индивидом. Однако на ее основе возникает индивидуальный смысл, который становится одной из причин формирования образа реальности, и, как следствие, той или иной поведенческой реакции. По словам А.М. Аболина, «именно смысловые психические переживания, открывающие жизненную значимость предметов и воздействий, обозначают в образе цели и побуждают субъекта к их достижению на основе открываемых образом возможностей действия» [3].

Результаты, представленные в табл. 1, демонстрируют наличие взаимного несоответствия внешних поведенческих реакций партнеров по конфронтационному диалогу, что в целом определяет содержание коммуникативной интеракции.

Как видно из результатов табл. 1, процентные показатели по первому референту распределились неравномерно. Известно, что тема разговора волнует участника А с точки зрения его цели и мотива. Несовпадение с ожидаемым, степень значимости воспринятого презентуется сознанию прежде всего эмоционально. При анализе видеоматериала прослеживается, что под влиянием возникшего эмоционального напряжения индивид присваивает услышанному свои индивидуальные представления о предмете обсуждения, приписывая личностный смысл высказываниям партнера. 68,34% случаев со-

ставляют фразы, в которых есть разночтение (несовпадение) смысловых содержаний взаимных высказываний. Только 31,64% от общего количества фраз является показателем противоположной тенденции. Как показывает статистическая проверка результатов, значимость различий подтвердилась при вероятности допустимой ошибки, меньше 0,01.

Таблица 1

**Взаимозависимость слов и действий участников
экспериментального диалога**

№	Референт	Количественное соотношение		Всего фраз	P
		да	нет		
1	Смысл слов и действий участника А не соответствует смыслу слов и действий участника В	216 / 68,34%	100 / 31,64%	316 / 100%	0,01
2	Слова и действия участников диалога не имеют логического взаимопродолжения	211 / 66,76%	105 / 33,22%		0,01
3	Невербальная реакция участника А не соотносится со словами и действиями партнера	289 / 91,45%	27 / 8,64%		0,01

Из результатов по второму референту оказалось, что в большинстве случаев слова и действия партнеров не имеют логического взаимопродолжения. В словах и действиях участника А не развиваются и не уточняются мысли участника В. В своей ответной реакции участник А излагает информацию, соответствующую его цели. Этот факт зафиксирован в 66,76% случаев, тогда как в 33,22% случаев слова и действия участника А логически продолжают, уточняют мысли участника В. Статистическая проверка показывает, что связь между этими переменными значима. Следовательно, можно заключить, что каждый из участников конфронтационного диалога, слушая другого, *реально* его не слышит, т.к. в ответной реакции на слова партнера *развивает* свои собственные мысли, стремится достичь собственной цели, игнорируя желания партнера.

Эмоциональная оценка слов партнера как неприемлемых способствует тому, что субъект коммуникации внутренне переключается на те действия, которые приближают его к достижению собственной цели. Он подбирает «нужные» аргументы в свою пользу. Информация, которую в это время сообщает партнер, воспринимается как несоответствующая ожидаемой, эмоционально не пропускается, как бы искажается. Услышанное связывается со своими мыслями и ожиданиями. Возникает эмоциональная неудовлетворенность поведением друг друга. Феномен непринятия информации обнаруживается при анализе невербалики партнеров по конфронтационному диалогу. Только 8,64% случаев подтверждает, что участник внутренне удовлетворен происходящим или не испытывает эмоционального напряжения. В остальных случаях поведение партнера вызывало у участника А невербальную реакцию, которая демонстрировала игнорирование намерений партнера (91,45%). Статистическая разница показателей значима на уровне 0,01.

Под структурой коммуникативной интеракции мы понимаем конфигурацию связей между ее элементами. Единицей анализа выступает именно акт обмена единичными взаимообусловленными поведенческими реакциями партнеров. По результатам контент-анализа, в конфронтационном диалоге подобная связь носит обособленный, разрозненный характер. Общая задача о совмест-

ной договоренности в эмоционально значимых ситуациях, как правило, не была решена. Результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2

Обособление участников диалога под влиянием их эмоционального напряжения

№	Референт	Количественное соотношение		Всего фраз	P
		да	нет		
1	Отсутствие эмоциональной сопричастности, выраженной в неосознанном копировании поведения партнера	274 / 86,7%	42 / 13,28%	316 / 100%	0,01
2	В словах и действиях участника А преобладают стереотипные положения, которые подходят к данной ситуации и являются приемлемыми с его точки зрения	256 / 81%	60 / 18,98%		0,01
3	Извлеченная из индивидуального опыта участника А модель поведения участника В служит цели оказания на него давления	273 / 86,38%	43 / 13,6%		0,01

Из приведенных данных видно, что взаимосвязь эмоций и внешних поведенческих проявлений состоит в отсутствии у участников стремления к объединению, взаимонаправленности. Статистически значимыми являются факты, согласно которым в невербальных проявлениях нет тенденции к сопричастности, эмпатичности, направленности друг на друга. Более того, в высказываниях преобладают стереотипные положения, не предполагающие уточнений, вопросов, разъяснений. Поведенческие реакции преимущественно носят эгоцентрический характер, хотя перед проигрыванием ситуации ставилась и общая задача – договориться, прийти к общему решению. В целях воздействия на партнера используются индивидуальные стереотипные модели поведения. Возникает некоторая разрозненность, обособленность поведенческих проявлений. Статистическая обработка подтверждает значимость результатов.

Заключение. 1. Эмоциональная оценка в силу своего опережающего характера не способствует объективному анализу ситуации. Эмоция, являясь внутренним сигналом принятия или отвержения информации, поступающей от партнера, одобрения или неодобрения его действий, подтверждает наличие у каждого из них личностного смысла, который мгновенно присваивается словам и действиям партнера. В ситуации конфронтационного диалога это проявляется в разночтении смысла слов и действий партнеров.

2. Эмоционально отражая процесс удовлетворения потребностей, достигая собственных индивидуальных целей в конфронтационном диалоге, субъекты коммуникации теряют часть необходимой им информации. Вне это проявляется в отсутствии смысловой и логической связи между словами и действиями партнеров. Подтверждается предположение о том, что проявленные в коммуникативной интеракции эмоции *определяют содержание* коммуникативного взаимодействия. Содержание выражается в том, что субъект коммуникации выделяет лишь то, что имеет для него личностное значение с точки зрения индивидуальных желаний, ожиданий и целей. И это несмотря на то, что перед участниками ставилась общая задача – договориться между собой по возникшей проблеме. В процессе переработки поступающей информации (слов, действий

партнера) ей приписывается личностно значимый смысл. Возникает субъективно измененная модель коммуникативного взаимодействия.

3. *Структура коммуникативной интеракции* в конфронтационном диалоге определяется тем, что партнер стремится воздействовать, изменять поведение другого, объединяясь или разъединяясь с ним в полном соответствии с возможностью достижения своей цели. Возникают императивные и манипулятивные стратегии психологического воздействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Бодров, В.А.** Психологический стресс: развитие учения и современное состояние проблемы / В.А. Бодров. – М.: ИПРАН, 1995. – 136 с.
2. **Молчанова, Н.В.** Влияние эмоций на коммуникативное взаимодействие: автореф. дис. ... канд. психол. наук. / Н.В. Молчанова. – Яр., 2005. – 22 с.
3. **Аболин, Л.М.** Психологические механизмы эмоциональной устойчивости человека / Л.М. Аболин. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1987. – 261 с.

S U M M A R Y

In the article the remedial aspect of communicative interaction is considered. The results of influence of emotions on the maintenance and structure of confrontational dialogue are presented. The influence of an emotional estimation on the occurrence of personal sense due to a real situation distortion of interaction is shown.

Поступила в редакцию 30.09.2009

УДК 159.922

Н.В. Кухтова

Психологические особенности протекания беременности

В последнее время возрастает внимание к изучению особенностей психических процессов, свойств и состояний личности беременных женщин и увеличению роли психогенных факторов в возникновении психосоматических заболеваний. Данные обстоятельства акцентируют внимание на необходимости изучения психических состояний беременных женщин и оказания им специализированной поддержки в данный период (Н.Л. Мамышева, Г.Б. Мальгина, Н.В. Рымашевский, М.А. Кочнева, В.Н. Прохоров, Н.П. Коваленко и др.) [1].

Однако на сегодняшний момент данная проблема изучена более полно только с психофизиологической точки зрения, по всем остальным отраслям психологической науки имеются лишь отдельные теоретические разработки и практические рекомендации по адаптации и коррекции психического состояния женщины в период беременности. Многоплановость этой проблемы указывает на необходимость ее комплексного и системного изучения на индивидуально-психологическом, психолого-педагогическом и социально-психологическом уровнях [2–4].

Ряд научных исследований последних лет позволяет по-новому взглянуть на указанные проблемы. Это, прежде всего, работы зарубежных исследователей – Р. Ассаджиоли, Ж.К. Грабер, С. Гроф, Ф. Бертин, Т. Верни, Х. Нинель, Л. Нильсон, С. Фанти и др. [3, 5–6]. Зарубежные авторы затрагивают вопрос психологической подготовки к родам (но не протекание беременности в це-

лом). Однако, британский врач Г. Дик-Рид указывает на страх и тревогу, которые мешают нормальному протеканию третьего триместра беременности и родов. В свою очередь, французский врач Мишель Оден также отмечает важность психологического комфорта для женщины в период подготовки к родам и самих родов [7].

Среди российских ученых схожей проблематикой занимались Э.К. Айламазян, В.В. Абрамченко, В.А. Ананьев, А.С. Батуев, Н.П. Бехтерева, В.В. Бойко, Г.И. Брехман, А.И. Брусиловский, Л.И. Вассерман, К. Гайдебран, Н.А. Гармашова, А.И. Захаров, Ю. Змановский, Д.Н. Исаев, Б.Д. Карвасарский, Н.Н. Константинова, В.А. Марченко, Б.Е. Микиртумов, Р.Ж. Мухамедрахимов, В.Н. Панферов, В.П. Потапов, В.Д. Рыжков, В.Ф. Сержантов, Л.И. Спивак, Д.Л. Спивак, А.П. Федоров, Г.Г. Филиппова, Э.Г. Эйдемиллер и др. [2, 8–12].

Таким образом, анализ литературы показал, что большинство книг, статей, материалов и документов по родовспоможению посвящены патологии беременности, психотерапевтическим и психологическим осложнениям после родов, в то время как психологические особенности протекания беременности (психические состояния беременной женщины и факторы, влияющие на состояние беременных) являются малоизученными.

Целью исследования явилось изучение психологических особенностей протекания беременности, в частности факторов и психических состояний, влияющих на беременную женщину.

Материал и методы. Для достижения цели исследования были выбраны: анализ и обобщение литературных источников по теме исследования, наблюдение, анализ анамнестических данных, анализ медицинской документации, психодиагностики (анкетирование, опрос), количественно-качественный анализ данных. При этом статистическая обработка данных осуществлялась с использованием прикладной программы SPSS 11: ранговая корреляция Спирмена.

Для этого были использованы следующие методики: анкета, которая позволила получить анамнестические данные о беременных женщинах и факторах, влияющих на их психические состояния; методика измерения личностной и ситуативной тревожности, разработанная Ч.Д. Спилбергом и адаптированная Ю.Л. Ханиным; с целью определения уровня тревожности для диагностики уровня депрессии использовалась методика дифференциальной диагностики депрессивных состояний Бека; опросник психосоматического состояния беременной [13].

Выборка привлеченных к исследованию лиц составила 30 женщин на сроках беременности 9–36 недель в возрасте 16–40 лет.

Результаты. Описательная статистика анкетных данных позволяет констатировать, что в 1-м триместре беременности на момент исследования находилось 2 женщины, во 2-м триместре 11 женщин и в 3-м 17 женщин.

По результатам анкеты у первородящих женщин были выявлены следующие стрессогенные факторы (рис.): изменение собственного самочувствия – 62,5%; непонимание со стороны мужа (родителей, родственников, друзей) – 25%; конфликты на работе (учебе) – 37,5%; изменение фигуры – 75%; повышенная утомляемость, усталость – 62,5%; тревога за малыша – 87,5%; плохой сон – 62,5%; страх перед родами – 87,5%.

У повторнородящих – это изменение собственного самочувствия – 35%; непонимание со стороны мужа (родителей, родственников, друзей) – 14%; конфликты на работе (учебе) – 7%; изменение фигуры – 70%; повышенная утомляемость, усталость – 85%; тревога за малыша – 85%; плохой сон – 71%; страх перед родами – 64% (рис.).

Так, у повторнородящих женщин отмечается в большей степени повышенная утомляемость и плохой сон в отличие от первородящих. Все остальные показатели выше у первородящих женщин.

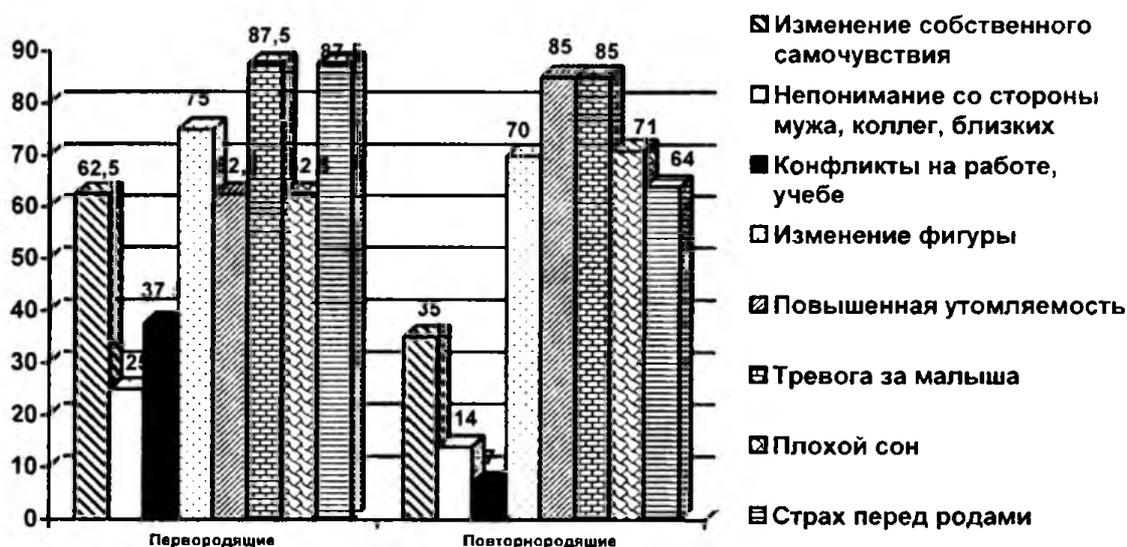

Рис. Распределение стрессогенных факторов у первородящих и повторнородящих женщин.

На основании предварительного анализа анамнестических данных и анкеты были выявлены также следующие особенности состояния здоровья беременных женщин. Так, анализ анамнестических данных позволил установить, что из 30 беременных женщин у 6 имелись экстрагенитальные патологии до беременности, 20 женщин имели проблемы со здоровьем, связанные с настоящей беременностью и только 4 – полностью здоровы. Из проблем, возникших со здоровьем до беременности, были выявлены: заболевания эндокринной системы – 17% женщин, анемия беременных (возникающая у каждой второй женщины, чаще всего во 2–3 триместр) – 27%, инфекции мочеполовой системы наблюдаются у 23% беременных, миопия (различной степени тяжести) – в 14% случаев и заболеваний сердечно-сосудистой системы установлено 10% и у 15% – другие проблемы со здоровьем (заболевания дыхательной системы, угроза выкидыша и т.д.).

Также одной из характеристик исследуемой группы являются возрастные особенности. Средний возраст испытуемых составил 26 лет. Всю выборку беременных женщин можно разделить на 3 основные возрастные группы: юношеский возраст (менее 21 года) – 13,33%, средний возраст (22–30 лет) – 60%, зрелый возраст (более 30) – 26,66%. Так, в детородном периоде находятся женщины среднего возраста.

Специфика выделенных возрастных групп выражается в том, что:

– 1-я группа представлена девушками, у которых данная беременность была первая. Процент беременных в этой группе мал, так как в этом возрасте недостает ни жизненного опыта, ни необходимых знаний о протекании беременности и особенностях функционирования организма женщины в этот период;

– 2-я группа в подавляющем большинстве представлена женщинами, которые имели опыт предыдущих беременностей, но их беременность по тем или иным причинам не закончилась рождением ребенка. Среди причин называются: медицинское прерывание беременности, самопроизвольное прерывание беременности. Некоторые из них ожидают рождения своего первого ребенка, а остальные относились к повторнородящим женщинам. В этой группе женщины уже были осведомлены в вопросах протекания беременности и родов, более сознательно подходят к своему состоянию и лучше владеют методами регуляции своего психического состояния;

– 3-я группа по возрастному критерию потенциально может быть отнесена к группе риска, что предполагает разного рода осложнения, способные вызывать повышенный уровень опасений, связанных с беременностью и родами. Стоит отметить, что у части женщин данной группы эта беременность была первой.

Следующий важный фактор – семейное положение испытуемых. Большинство женщин замужем или находятся в гражданском браке – 27 человек (90%), 7 (23,33%) из них замужем повторно, 3 (10%) – не состоят в браке. Таким образом, видно, что подавляющее большинство всех опрошенных беременных женщин замужем. Это представляется вполне закономерным, поскольку нормы морали и условия жизни в нашем обществе диктуют как условие для благополучного развития ребенка наличие в семье обоих родителей и большинство женщин решаются на беременность лишь при условии наличия постоянного брачного партнера.

По «уровню образования» выборка беременных женщин разделяется на следующие группы:

– наименее представлена группа, имеющая среднее образование (и незаконченное среднее), – 20% выборки, что можно объяснить тем, что женщинам, не имеющим достаточно высокого образовательного уровня, трудно найти постоянное место работы, что приводит к нестабильному социальному положению, что может являться причиной отсрочки рождения ребенка;

– опрошенные женщины, имеющие среднеспециальное образование (33%), имеют, как правило, достаточно узкую и востребованную рынком специализацию, т.е. имеют стабильный доход;

– женщины с высшим образованием (и незаконченным высшим) – 47% – сочетают сразу несколько критериев: возрастной, социальный, образовательный.

Кроме всех вышеприведенных характеристик в анкету входили такие критерии, как «количество беременностей у женщин», «наличие детей в семье», «дети от предыдущих браков», «тревога за малыша» и др. Также была предпринята попытка учесть еще ряд факторов социального порядка, таких, как благополучность–неблагополучность женщины, наличие–отсутствие нормальных жилищных условий.

Большинство обследованных женщин (77%) могут рассматриваться как вполне благополучные, т.е. они положительно стабильны в своем поведении, ответственны. Женщин, которых можно рассматривать как неблагополучных, т.е. имеющих материально-бытовые проблемы, оказалось достаточно мало (13%). Именно у этих женщин могут быть негативные эмоции, так как нерешенность жилищного вопроса в большинстве случаев накладывает определенный отпечаток как на планирование беременности, так и на сам процесс ее протекания и провоцирует возникновение конфликтного фона отношений, что неблагоприятным образом может отразиться на психическом состоянии женщины и плода.

На основании проделанного теоретического анализа, анкетных данных и анализа анамнестических сведений были выделены следующие факторы, влияющие на протекание беременности:

- факторы биологического порядка: возраст, состояние здоровья женщины, наличие–отсутствие осложнений в процессе протекания беременности и т.д.;
- факторы, связанные с личным опытом: наличие–отсутствие предыдущих беременностей, если были, то какая эта по счету, и какова успешность–неуспешность предыдущих;
- факторы, связанные с эмоционально-волевой сферой: какие эмоции и чувства вызывает беременность, в каком психическом состоянии находится будущая мать, какие ее доминирующие эмоциональные реакции, а также какие переживания вызывает у женщины еще не родившийся ребенок, какие есть опасения, страхи и тревоги, связанные с беременностью и т.д.;
- факторы, связанные с межличностными отношениями: наличие или отсутствие партнера, каковы отношения с этим партнером, как воспринимается партнером беременность, обсуждаются ли с ним вопросы, связанные с про-

- цессом протекания беременности, также должны учитываться и характер отношения с близкими родственниками, и их отношение к беременности;
- факторы социального порядка: социальное благополучие—неблагополучие женщины, наличие—отсутствие стабильных источников дохода и т.д.

Обсуждение. Для установления взаимосвязи общего психосоматического состояния женщин с особенностями протекания беременности был проведен корреляционный анализ (ранговая корреляция Спирмена). Вне зависимости от триместра беременности была обнаружена положительная взаимосвязь качественной оценки психосоматического состояния беременной (области переживаний, наиболее выраженных и травмирующих женщину в период беременности) со следующими особенностями: образованием ($r=0,37$; $p \leq 0,05$), личностной тревожностью ($r=0,43$; $p \leq 0,05$), ситуативной тревожностью ($r=0,43$; $p \leq 0,05$), депрессией ($r=0,66$; $p \leq 0,01$), соматическим статусом ($r=0,62$; $p \leq 0,01$), социальным статусом ($r=0,47$; $p \leq 0,01$), отношением к ребенку ($r=0,61$; $p \leq 0,01$), нервно-психическим статусом ($r=0,61$; $p \leq 0,05$); и отрицательная корреляционная связь со страхом за ребенка ($r=-0,42$; $p \leq 0,05$) и утомляемостью ($r=-0,41$; $p \leq 0,05$), страхом перед родами ($r=-0,42$; $p \leq 0,01$).

Таким образом, при высокой общей оценке отрицательных переживаний беременной (психосоматическом состоянии) наблюдается высокий уровень образования, что свидетельствует о том, что эти женщины имеют незаконченное высшее или высшее образование, которое позволяет им быть эрудированными по многим вопросам. Беременные женщины с высокой оценкой своего психосоматического состояния характеризуются повышенным уровнем личностной тревожности. В том числе у них наблюдается и повышенный уровень ситуативной тревожности, который может определять эмоциональное состояние беременной женщины. При этом следует учитывать тот факт, что позднородящие женщины и женщины, состоящие на особом учете, имея проблемы со здоровьем (по анамнестическим данным), формируют у себя устойчивую доминанту на возможность неблагоприятного исхода беременности, следствием которой и являются повышение уровня тревоги, депрессивные состояния и т.д. В работах Т.Г. Герасимовой выявлены корреляционные связи уровня ситуативной и личностной тревожности с образовательным уровнем, однако в данном исследовании это подтверждено не было.

Также следует отметить, что у беременных женщин с высокой оценкой своего психосоматического состояния выражен соматический статус, который проявляется в особенностях протекания беременности, связанных с состоянием их здоровья и касающихся перенесенных заболеваний беременной и других особенностей ее соматического состояния. В том числе у них обнаруживаются недостаточная контактность, смена настроения; депрессия, эйфория, тоска; выражены страх, тревога, раздражительность, напряженность, безразличие и апатия. Также у таких женщин может наблюдаться непонимание со стороны коллег по работе, мужа и других близких людей (при степени значимости $p \leq 0,05$), отношения беременной к будущему ребенку. В том числе следует отметить, что при высокой утомляемости могут наблюдаться изменения сна и бодрствования, а также увеличивается страх перед родами.

Более детальный анализ корреляционных связей отдельно по каждому из триместров показал, что во втором триместре психосоматическое состояние беременных взаимосвязано со следующими показателями положительной корреляционной связью: личностной тревожностью ($r=0,65$; $p \leq 0,05$), ситуативной тревожностью ($r=0,65$; $p \leq 0,05$), депрессией ($r=0,74$; $p \leq 0,01$), нервно-психическим статусом ($r=-0,91$; $p \leq 0,01$) и отрицательной корреляционной связью: сном ($r=-0,69$; $p \leq 0,05$), страхом перед родами ($r=-0,65$; $p \leq 0,05$).

В результате корреляционного анализа 3 триместра беременности значимая положительная связь была обнаружена между психосоматическим со-

стоянием женщины и особенностями протекания беременности, которая заключается в изменении фигуры ($r=0,55$; $p \leq 0,05$), депрессии ($r=0,59$; $p \leq 0,05$), нервно-психическом статусе ($r=0,83$; $p \leq 0,01$), соматическом статусе ($r=0,54$; $p \leq 0,05$), отношении к ребенку ($r=0,68$; $p \leq 0,01$).

Заключение. Таким образом, можно сделать вывод о том, что на протекание беременности влияют факторы биологического порядка, факторы, связанные с личным опытом, эмоционально-волевой сферой, межличностными отношениями и факторами социального порядка.

Также была установлена взаимосвязь качественной оценки психосоматического состояния беременной (области переживаний, наиболее выраженных и травмирующих женщину в период беременности) с такими показателями протекания беременности (в независимости от триместра), как образование, личностная и ситуативная тревожность, депрессия, соматический статус, социальный статус, отношение к ребенку, нервно-психический статус, страх за ребенка, перед родами и утомляемость.

Одинаковым в протекании беременности во 2 и 3 триместре является проявление депрессии и нервно-психического статуса у женщин. Однако беременным во втором триместре присущи личностная и ситуативная тревожность, изменения сна и страх перед родами. В свою очередь для третьего триместра характерно явное изменение фигуры, соматического статуса и отношения к будущему ребенку.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Коваленко, Н.П.** Психопрофилактика и психокоррекция женщины в период беременности и родов (медико-социальные проблемы): дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.04, 19.00.05 / Н.П. Коваленко. – СПб., 2002. – 492 л.
2. **Батуев, А.С.** Психофизиологические основы доминанты материнства / А.С. Батуев // Валеология. – 2003. – № 3. – С. 27–29.
3. **Бертин, А.** Воспитание в утробе матери / А. Бертин. – СПб., 1999.
4. **Каткова, И.П.** Проблемы рождаемости и совершенствование системы охраны материнства и детства / И.П. Каткова // Народонаселение. – 2004. – № 4. – С. 15–31.
5. **Фанти, С.** Микропсихоанализ / С. Фанти. – М.: ЦПП, 1997. – 350 с.
6. **Grof, S.** The adventure of self-discovery. Dimensionousness of conscioness and new perspectives in psychotherapy and inner exploration. – Albany: State University of Press, 1988. – 321 p.
7. **Психология и психоанализ беременности:** учеб. пособие по психологии материнства. – Самара: Издательский дом БАХРАХ. – М., 2003. – 784 с.
8. **Брусиловский, А.И.** Жизнь до рождения / А.И. Брусиловский. – М., 1991.
9. **Брутман, В.И.** Некоторые результаты обследования женщин, отказавшихся от своих новорожденных детей / В.И. Брутман // Вопросы психологии. – 1994. – № 5. – С. 31–36.
10. **Захаров, А.И.** Ребенок до рождения / А.И. Захаров. – СПб., 1996.
11. **Филиппова, Г.Г.** Психология материнства: учеб. пособие / Г.Г. Филиппова. – М.: Изд-во Института психотерапии, 2002. – 240 с.
12. **Эйзенберг, А.** В ожидании ребенка: руководство для будущих матерей и отцов / А. Эйзенберг [и др.]; пер. с англ. – Минск: БАДППР, 1994. – 656 с.
13. **Малкина-Пых, И.Г.** Психосоматика: справочник практического психолога / И.Г. Малкина-Пых. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 992 с.

S U M M A R Y

The problem of psychological peculiarities of pregnancy passing studying indicates the necessity of its complex and systematic study. Biological and social factors have been singled out based on theoretical analysis, data forms and anamnesis information. The biological factors are connected with personal experience, emotional and strong-willed sphere and interpersonal relations. Expectant mothers' psychological states connected with their general psychosomatic condition are also defined in this article. The author reveals that when an expectant mother is in the second or third term of her baby expectation depression and neuropsychic status take place.

Поступила в редакцию 1.09.2009

А.А. Градюшко

Становление и развитие инфраструктуры Интернет-СМИ

Целью исследования является выявление основополагающих тенденций развития Интернет-СМИ Беларуси, что будет способствовать определению стратегий деятельности традиционных средств массовой информации в условиях глобализации и конвергенции. Это в свою очередь определило задачи исследования:

- проанализировать современное состояние системы онлайн-средств массовой информации;
- провести периодизацию процесса становления и развития Интернет-СМИ Беларуси;
- выявить ключевые особенности СМИ в Интернете;
- изучить основные характеристики медиaprостранства Витебской области;
- оценить уровень использования инновационных веб-технологий белорусскими СМИ;
- определить стратегии взаимодействия между традиционными и новыми медиа;
- выработать практические рекомендации для развития белорусских Интернет-СМИ.

Материал и методы. Объектом научного исследования являются Интернет-СМИ Беларуси в условиях конвергенции и глобализации информационного пространства.

Для достижения поставленной цели и успешного решения задач в исследовании использованы следующие методы теоретического и эмпирического исследования: индукция и дедукция при аналитическом осмыслении фактов, систематизация источниковедческих материалов; метод социологического исследования; метод сравнительного анализа; контент-анализ.

Десятилетие с 2002 по 2012 г. обещает стать самым трансформационным промежутком мировой медийной индустрии за последнее столетие. По мере развития широкополосного доступа Интернет превращается в серьезнейшего конкурента традиционных средств массовой информации (СМИ). Проникновение Интернета в Беларусь составляет около 27% (в среднем в Центральной и Восточной Европе 43,6%), рынок доступа в сеть быстро растет. В нашей стране насчитывается более 3 млн Интернет-пользователей, из которых свыше 200 тыс. подключены по высокоскоростным каналам.

Последний читатель отправит в макулатуру бумажный экземпляр газеты в апреле 2043 года. Такое мнение несколько лет назад высказал американский профессор Филипп Мейер в своей книге «Исчезающая газета» («The Vanishing Newspaper») [1]. Традиционным СМИ не стоит уповать лишь на свое прошлое. Пора задуматься над тем, как ответить на вызовы будущего. Перед белорусской прессой стоит задача адаптации в новой конкурентной высокотехнологичной среде.

«Пора осознать, что тенденции развития повернулись против нас. Если мы сейчас не задумаемся и не посмотрим в глаза происходящим переменам, мы станем неконкурентоспособны. Когда-то люди начинали свой день с чашечки кофе и газеты, в будущем, я надеюсь, они станут начинать его с кофе и сайта» [2] – эти слова известного медиамагната Руперта Мэрдока, произнесенные 13 апреля 2005 г. во время выступления перед Американским обществом газетных редакторов, уже вошли в историю

Перемены, происходящие в последние годы на мировом рынке масс-медиа, являются кардинальными. Постепенно Интернет становится той медиаплатформой, которая в ближайшем будущем изменит наши представления о роли СМИ в современном обществе. Всемирная сеть представляет собой интерактивную, развивающуюся, высокотехнологичную, популярную, сравнительно недорогую площадку с активной, качественной, многочисленной, быстро растущей аудиторией.

Представляется необходимым комплексно исследовать инфраструктуру Интернет-СМИ, охарактеризовать их как целостную типологическую группу, проанализировать современное состояние системы онлайн-средств массовой информации, выявить возможности дальнейшего развития как отдельных сайтов, так и взятой в целом группы Интернет-СМИ. На материале зарубежных и белорусских Интернет-СМИ нами сделана попытка выявить особенности национальной медийной инфраструктуры Республики Беларусь в условиях глобализации и конвергенции.

Результаты и их обсуждение. Повышение роли Интернет-СМИ в системе масс-медиа обуславливает важность разработки качественно нового подхода к решению методологических и практических задач формирования информационной политики. Наиболее важные теоретические исследования в области становления и развития инфраструктуры Интернет-СМИ отражены в трудах М. Бриггса [3], М. Варда [4], С. Куинна [5], К. Майера [6], Д. Фоуста [7], Г. Хоффера [8]. и др. Большинство из этих исследований опубликовано в последние годы.

По мнению ряда исследователей, Интернет-СМИ можно отнести к новому виду средств массовой информации. Подобного мнения придерживается, в частности, китайская ученая Цзя Лежун: «в течение нескольких лет начиная с середины 90-х гг. онлайн-СМИ как новое средство массовой информации провели наступление на традиционные средства массовой информации и в определенной степени вызвали изменение в системе СМИ в целом» [9].

Процесс конвергенции вовлекает в себя технологические, управленческие и творческие ресурсы редакций. Журналисты формируют контент, который распространяется через различные платформы. Происходит переход от мультимедийной к мультимедийной структуре СМИ. Аудитория печатных периодических изданий с каждым годом сужается. Газеты во многом сохраняют актуальность для людей старшего и среднего поколения. Молодежь читает прессу меньше и реже.

По нашему мнению, с учетом последних исследований в области масс-медиа белорусского Интернета наиболее удачной будет следующая периодизация процесса становления и развития онлайн-СМИ Беларуси.

Первый, экспериментальный этап – с 1996 г. по 1998 г. В этот период в Интернете появились сайты первых белорусских СМИ. Пионером в области освоения информационного поля Интернета стала газета «Вечерний Минск» (сайт начал работу 24 июля 1996 г.). В этот же период возникло несколько медиапроектов, созданных специально для функционирования в Интернете, позиционирующих себя как СМИ.

Второй этап – с 1999 по 2002 г. В Интернете созданы электронные версии нескольких десятков печатных СМИ Беларуси. Все они представляли собой «клоны» газет. В сентябре 2001 г. появилась Интернет-газета «Белорусские новости» (<http://www.naviny.by/>), которая вскоре стала одним из лидеров среди онлайн-изданий страны.

Третий этап – с 2003 по 2006 г. Дальнейшая «онлайнизация» традиционных СМИ. Смена дизайна ранее существовавших веб-проектов. Расширение представительства в Интернете республиканских СМИ. Увеличение числа онлайн-изданий (в том числе специализированных), созданных для функционирования только в Интернете и относящих себя к средствам массовой информации. Появление Интернет-радио.

Четвертый этап – с 2007 г. по настоящее время. Развитие мультимедийных проектов, в том числе веб-телевидения (ITV.BY и др.). Начало использования инновационных технологий (RSS-поток; PDA- и WAP-версии, блоги и др.). Распространение новых типов контента формата WEB 2.0. Появление в Интернете сайтов ряда областных и районных газет.

Проведенные нами исследования показывают, что в Интернет-СМИ быстро развиваются средства обеспечения интерактивности, а именно: электронная почта, форумы, блоги, онлайн-голосования, рейтинги, чаты, гостевые книги и др. Интерактив, то есть обратная связь СМИ с читателем, наглядно проявляется в возможности незамедлительно откликнуться на любую публикацию, высказать собственное мнение и даже разместить ответную статью. Ресурс должен предоставлять пользователю возможность диалога для двухстороннего обмена информацией. Интерактивные элементы позволяют реально ощутить преимущества сети по сравнению с другими источниками информации.

Перед традиционными СМИ встает задача адаптации в новой конкурентной среде. Масштаб перемен в сфере массовой информации легче проследить на примере зарубежных стран. Наибольшее распространение там получили модифицированные онлайн-версии традиционных изданий («гибриды»). Наилучшим вариантом считается перенесение в Интернет уже известного читателям брэнда печатного издания.

При создании сайтов традиционных СМИ за рубежом используются следующие инновационные технологии: обновление веб-ресурса в режиме реального времени 24 часа в сутки без выходных дней (новости как минимум несколько раз в час); размещение видеофайлов (веб-телевидение) и фоторепортажей; подкастинг; комментарии к публикациям; наличие PDA- и WAP-версий; поиск по сайту; архив публикаций (в том числе в формате PDF); интерактивные голосования, блиц-опросы; блоги как самих журналистов, так и приглашенных экспертов, а также читателей. Вся информация, которая публикуется на сайте, уходит на экспорт по RSS-каналам.

Печатные СМИ пытаются приспособить прежние модели управления редакцией к реалиям информационного общества. Каждое событие в Интернете освещается во всех возможных форматах (текст, фото, видео, инфографика, обсуждения и др.). Журналисты становятся «универсальными солдатами», которые умеют не только писать, но и снимать видео, вести блог... Проблема в том, что такой многомерный подход могут позволить себе не все редакции.

Для большинства белорусских журналистов Интернет пока не стал средой, обладающей не меньшими возможностями, чем радио или телевидение. Как правило, редакторы многих СМИ Беларуси относятся к представительству в Интернете как к модной, но побочной деятельности. Печатные издания нередко создают онлайн-версии лишь для демонстрации своего присутствия в Интернете. Редакторы часто недооценивают значение Интернет-

технологий, не проявляют к сайтам интереса. Кое-кто видит в Интернете лишь угрозу...

Проанализировав представительства в Интернете ряда белорусских печатных СМИ, мы выяснили, что из 1302 зарегистрированных изданий имеют Интернет-версии не более 160–180 газет и журналов. На сайты белорусских республиканских СМИ каждые сутки в среднем заходит от 1000 («Рэспубліка») до 16000 («Комсомольская правда» в Белоруссии) уникальных посетителей. По сравнению с тиражами газет – мизер.

Представлен в Интернете также ряд региональных изданий Беларуси. В июле 2008 г. открыл свой сайт «Віцебскі рабочы» (<http://www.vitnews.by/>). Веб-ресурс же газеты «Віцьбічы» (<http://www.vitbichi.vitebsk.by/>) не обновляется еще с прошлой зимы. Почти всегда создание сайта газеты происходит по следующей схеме: берется текущая версия издания и выкладывается в сеть. При этом никто даже не задумывается ни о целевой аудитории данного Интернет-издания, ни о его доходности, ни о способах продвижения в сети. Нет ничего более удручающего, чем сайт издания, на главной странице которого «вывешены» новости полугодичной давности.

Среднесуточная аудитория сайтов областных и районных СМИ не превышает 25–100 человек. Сайты-«клоны» обновляются один раз в сутки в момент выхода «бумажных» изданий или накануне вечером. Опыт многих белорусских газет в создании и творческом администрировании сайтов следует признать неудачным. Продолжается практика копирования материала печатной версии без его адаптации к условиям интерактивной среды. Требуются кардинальные изменения в организации работы редакций.

Примечателен опыт «Комсомольской правды» в Белоруссии», которая в марте 2008 г. полностью изменила свой сайт <http://www.kp.by/>, что позволило изданию выйти на первое место в рейтинге посещаемости белорусских СМИ. На сайте есть постоянно обновляемые новости, фотогалереи, слайд-шоу, видео, блоги журналистов и читателей, работают сервисы WAP-GPRS, PDA, RSS, PDF. Реализована возможность обсуждения материалов. Сайт начал активно позиционировать себя как постоянно обновляемый онлайн-ресурс, в результате чего он превзошел по популярности многие государственные масс-медийные площадки.

По инициативе Министерства информации Республики Беларусь в октябре-ноябре 2008 г. Институт журналистики Белорусского государственного университета провел социологическое исследование «Кадры региональных печатных СМИ». В ходе его было изучено мнение журналистов о кадровом потенциале региональных СМИ, собраны предложения и пожелания по данной теме.

В ходе исследования, проведенного методом почтового анкетирования, было опрошено более 400 респондентов из всех областей Республики Беларусь. В общей сложности анкеты были разосланы в 140 региональных изданий (областные, городские, районные и объединенные).

В каждую редакцию было направлено по 4 анкеты. В общей сложности участникам опроса было направлено 560 анкет. Возврат составил 415 заполненных анкет. При проведении названного исследования, в частности, журналистов просили ответить на вопросы «Имеет ли ваша газета собственный Интернет-сайт?» и «Какими профессиональными техническими навыками Вы владеете?».

Информационное поле Витебской области на конец 2008 года было представлено 26 государственными газетами (из них 2 – областные, 2 – объединенные, 2 – городские, 19 – районные, 1 – информационно-рекламная), а также 44 негосударственными. Количество руководящих и творческих работников в государственных печатных СМИ -- 229 человек (с высшим образованием – 200, в том числе с журналистским – 105). Средний возраст работников составляет 42 года. Количество работников пенсионного возраста – 23 человека.

При проведении социологического исследования было выявлено, что журналистам региональных СМИ Витебской области недостаточно знаний в области современных Интернет-технологий, навыков веб-программирования и сайтостроения; знаний в области современных систем верстки, компьютерного дизайна; навыков управления редакцией в современных условиях.

Достаточно важным трендом развития Интернет-СМИ на современном этапе можно назвать также дальнейшее развитие сайтов гражданской журналистики, которые успешно конкурируют с сайтами традиционных печатных СМИ. До сих пор журналистика была прерогативой профессионалов. Профессиональные журналисты занимались тем, что искали информацию, обрабатывали ее и представляли на суд читателя. А сегодня читатели сами пишут в Интернете тексты, публикуют свои фоторепортажи, загружают видеоролики. Этого контента (User Generated Content), созданного самими пользователями, становится все больше и больше.

Дополнением к традиционной журналистике становятся тематические блоги. Если один человек напишет, сфотографирует или снимет на видео что-то интересное, многие пользователи просмотрят эту информацию на блоге. Профессиональные журналисты нередко используют информацию из блогосферы. На наш взгляд, блоггинг станет важнейшим аспектом журналистики в будущем, потеснив традиционные СМИ. Кроме того, общественно значимая информация оперативно распространяется посредством популярных социальных сетей (MySpace, Facebook и др.).

По мере распространения широкополосного доступа будет снижаться популярность не только печатных СМИ, но также радио и телевидения. В настоящее время динамично развиваются специализированные видеосервисы (ведущее место среди них занимает YouTube), аудио- и видеоподкасты, видеоблоги, Интернет-радио. В странах с проникновением Интернета более 75% (Дания, Норвегия, Швеция, Великобритания) величина рынка Интернет-рекламы вскоре превзойдет рекламные бюджеты на телевидении.

Для обеспечения отечественных Интернет-СМИ высококвалифицированными специалистами с 2008/2009 учебного года в Институте журналистики Белорусского государственного университета начата подготовка студентов по новой специальности 1-23 01 08-03 «Журналистика (веб-журналистика)», что в будущем позволит вывести инфраструктуру Интернет-СМИ Байнета на качественно новый уровень.

Заключение. Для дальнейшего развития белорусских Интернет-СМИ в самое ближайшее время необходимо активизировать государственную политику в области масс-медиа Интернета; создать отдельные онлайн-редакции на базе ведущих СМИ; обновлять сайты в режиме реального времени; добавить номинацию «Лучший сайт газеты (журнала) в Интернете» на «Золотой Литере» и других аналогичных конкурсах; готовить специалистов в сфере веб-журналистики; повышать квалификацию журналистов.

По мере стремительного увеличения числа пользователей и удешевления доступа Интернет становится серьезнейшим конкурентом для традиционных СМИ, что в ближайшее десятилетие может привести к системному кризису печатных изданий (в первую очередь газет). Дальнейшее развитие инфраструктуры Интернет-СМИ будет сопровождаться созданием инновационных моделей распространения массовой информации, основанных на технологиях WEB 2.0.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Meyer, P.* The Vanishing Newspaper. Saving Journalism in the Information Age. University of Missouri Press, 2004. – 269 p.

2. **Murdoch, R.** Speech by Rupert Murdoch to the American Society of Newspaper Editors. [Electronic resource] / News Corporation 2005, 13 April. – Mode of access: http://www.newscorp.com/news/news_247.html. – Date of access: 15.12.2008.
3. **Briggs, M.** Journalism 2.0: How to Survive and Thrive. – J-Lab: The Institute for Interactive Journalism, 2007. – 132 p.
4. **Ward, M.** Journalism Online. Focal Press, 2002. – 224 p.
5. **Quinn, S.** Convergent Journalism an Introduction / S. Quinn, V. Filak. – Writing and Producing Across Media Focal Press, 2005. – 240 p.
6. **Meier, K. (Hg.)** Internet-Journalismus / 3. überarbeitete und erweiterte Auflage. UVK, Konstanz, 2002. – 488 s.
7. **Foust, J.C.** Online Journalism: Principles and Practices of News for the Web. Scottsdale, AZ: Holcomb Hathaway Publishers, 2005. – 269 p.
8. **Foust, J.C.** Online Journalism: Principles and Practices of News for the Web. Scottsdale, AZ: Holcomb Hathaway Publishers, 2005. – 269 p.
9. **Цзя Лэжун.** Интернет и китайские онлайн-СМИ. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 128 с.

S U M M A R Y

The article tells about the general theoretical aspects of on-line Mass Media. The ways of development of traditional Belarusian Mass Media are being analyzed. The main characteristics of the Internet Mass Media are revealed. The main trends of evolution of national Mass Media into World Internet space are worked out.

Поступила в редакцию 9.12.2008

УДК 801.3

И.А. Юрченко

Общее и национально-специфическое в образах-эталонах устойчивых сравнений*

Фразеологические единицы любого естественного языка несут в своей содержательной структуре отпечаток соответствующей этнолингвистической общности, ее материальной и духовной культуры. Традиционно считается, что основным средством отражения этнокультурной информации является фразеологический состав языка как наиболее самобытное его явление. В устойчивых сравнениях – особом классе фразеологических оборотов – эта самобытность обусловлена прежде всего тем, что они возникают на основе «образного представления о действительности, отображающего исторический и духовный опыт языкового коллектива, связанный с его культурными традициями» [1].

В доказательство этой мысли приведем высказывание В.Н. Телия, которая утверждает, что одним из источников культурно-национальной интерпретации является «характерная для данной лингвокультурной общности система образов-эталонов, запечатленных в ходячих устойчивых сравнениях типа *глуп как баран, стройная как березка* и т.п.» [2].

Исследователи материала справедливо утверждают, что языковые выражения подобного типа служат средством освоения эмпирически познаваемой действительности и одновременно – ее оценивания в образах-эталонах,

* На примере некоторых славянских, балтийских, германских языков.

имеющих прямое отношение к условиям жизни носителей данного языка, к их обычаям и традициям, то есть к духовной и материальной культуре народа.

Однако, по мнению А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского, «априорное закрепление за фразеологией того или иного языка национально-специфических черт оказывается при внимательном рассмотрении отнюдь не бесспорным» [3]. Вероятно, к такому выводу ученые пришли, убедившись в том, что редкость межъязыковых эквивалентов фразеологических единиц объяснима не столько их национально-культурным своеобразием, сколько несовпадением техники номинации: различием в образности или несовпадением актуального значения.

Целью данной статьи является определение степени уникальности эталонов адъективных устойчивых сравнений (АУС) некоторых славянских, балтийских, германских языков и на этом основании градация последних по степени национальной специфичности образов. В качестве фактического материала выступают 602 АУС русского, 645 АУС белорусского, 466 АУС чешского, 227 АУС болгарского, 284 АУС хорватского, 168 АУС латышского, 455 АУС английского и 117 АУС шведского языков, полученных путем сплошной выборки из лексикографических источников.

Материал и методы. Объектом исследования являются эталоны (образы) адъективных устойчивых сравнений в указанных языках, предметом – план содержания эталонов АУС.

Описание тематико-идеографических группировок устойчивых сравнений одного языка на фоне аналогичных объединений другого является эффективным при выявлении специфики образности сравнений, связанных с той или иной сферой внеязыковой действительности. В данной связи представляется актуальным семантический анализ эталонов АУС близко- и неблизкородственных языков, т.к. недостаток широких типологических обобщений, выявляющих присущие фразеологии закономерности, по мнению Т.Н. Федуленковой, «позволяет абсолютизировать национально-культурную специфичность фразеологического состава каждого языка» [4].

В работе рассмотрена тематическая классификация лексики, входящей в состав правой (образной) части АУС, что позволяет охарактеризовать семантику эталонов сравнений. В итоге были выделены следующие лексико-тематические группы: 1) человек и части его тела; 2) артефакты; 3) продукты питания; 4) вымышленные существа, абстрактные, философские понятия; 5) растительный мир; 6) животный мир; 7) неживая природа; 8) разное.

Предложенное расположение тематических групп эталонов оправдано антропоцентрической парадигмой, гласящей о «переключении интересов исследователя с объектов познания на субъект, т.е. анализируется человек в языке и язык в человеке» [5]. Таким образом, классификация начинается с группы, в которой эталоны называют человека и части его тела, и завершается группой, включающей образы неживой природы.

Рассмотрим подробнее тематическую классификацию, где эталонами выступают обозначения человека и частей его тела: русск. *заботливая, добрая как мать*; бел. *голая што калена*; чешск. *černý jako kominik* ('черный как трубочист'); хорв. *jasan kao suza* (букв. 'ясный как слеза', 'чистый как слеза'); лат. *pilns kā acs* (букв. 'полный как глаз', 'пьяный'); англ. *as rich as Croesus* ('богатый как Крез'); швед. *tunn som en hår* ('тонкий как волос');

артефакты: русск. *жесткий, шершавый как рашпиль*; бел. *востры як брытва*; чешск. *čisté jako zrcadlo* ('чистый как зеркало'); болг. *глупав като запушалка* ('глупый как пробка'); хорв. *mek kao svila* ('мягкий как шелк'); лат. *caurs kā siets* ('дырявый как сито'); англ. *as straight as a poker* (букв. 'прямой как кочерга', 'словно аршин проглотил'); швед. *våt som svabb* (букв. 'мокрый как швабра', 'напитанный как губка');

продукты питания: русск. *мягкий, рыхлый как тесто*; бел. *маршчыністы як пэчана яблыка*; чешск. *tlustý jako buřt* (букв. 'толстый как сарделька', 'толстый как свинья'); болг. *kisel като оцет* ('кислый как уксус'); хорв. *mekan kao maslac* (букв. 'мягкий как масло', 'мягкий как воск'); лат. *balts kā piens* ('белый как молоко'); англ. *as bald as an egg* ('лысый как яйцо'); швед. *plat som pannkaka* ('плоский как блин');

вымышленные существа, абстрактные и философские понятия: русск. *бледный как смерть*; бел. *галодны як чорт*; чешск. *lakomý jako ďert* (букв. 'скупой как черт', 'удавится за копейку'); болг. *дълъг като великите пост* (букв. 'долгий как великий пост', 'очень долгий'); хорв. *dobar kao anđeo* ('добрый как ангел'); лат. *bals kā nāve* ('бледный как смерть'); англ. *as ugly as sin* ('страшный как смертный грех'); швед. *ful som åkerspöke* (букв. 'страшный как полевое привидение', 'страшный как смертный грех');

растительный мир: русск. *горький как полынь*; бел. *дробны як мак*; чешск. *žlutý jako citron* ('желтый как лимон'); болг. *пиян като дърво* (букв. 'пьяный как дерево', 'пьяный как стелька'); хорв. *crven kao kukurjek* ('красный как мак'); лат. *balts kā ābele* (букв. 'белый как яблоня', 'седой как лунь'); англ. *as fresh as a rose* (букв. 'свежий как роза', 'свежий как розан'); швед. *smärt som fura* (букв. 'стройный как сосна', 'стройный как тополь');

животный мир: русск. *гибкий как кошка*; бел. *хітры як ліс (ліса)*; чешск. *zvědavý jako opice* (букв. 'любопытный как обезьяна', 'любопытный, интересующийся'); болг. *гладен като куче* ('голодный как собака'); хорв. *dosadan kao stjenica* (букв. 'надоедливый как клоп', 'назойливый, приносящий неудобства'); лат. *glums kā zutis* ('скользящий как угорь'); англ. *as light as a butterfly* (букв. 'легкий как бабочка', 'бездумный, легкомысленный'); швед. *envis som en åsna* ('упрямый как осел');

неживая природа: *твердый как кремьнь*; бел. *дакутлівы як дождж асенні*; чешск. *ošklivý jako noc* (букв. 'некрасивый как ночь', 'страшный как смертный грех'); болг. *подвижен като живак* (букв. 'подвижный как ртуть'); хорв. *čist kao kristal* ('чистый как хрусталь'); лат. *balts kā snieg* ('белый как снег'); англ. *as cold as marble* (букв. 'холодный как мрамор', 'безжизненный, бесчувственный'); швед. *snabb som blixten* (букв. 'быстрый как молния', 'молниеносный');

разное: русск. *красный как вареный; неподвижный, как каменный*; бел. *сонны як п'яны*; чешск. *lehké jako nic* (букв. 'легкий как ничто', 'невесомый'); хорв. *nestretan kao nikto* (букв. 'несчастный как никто', 'очень несчастный'); англ. *as easy as anything* (букв. 'легкий как что-либо', 'очень легкий').

Группа «Разное» самая немногочисленная из описанных, и это объяснимо тем, что она отражает, скорее, не семантический, а грамматический аспект выражения рематической части АУС, так как эталонами в данном случае выступают имена прилагательные и местоимения. В связи с этим мы не будем ее учитывать при градации тематических групп эталонов.

Результаты и их обсуждение. Очевидно, и что вполне естественно, не всегда образы АУС совпадают во всех или нескольких исследуемых нами языках одновременно. Так, чаще всего эталоны встречаются только в одном языке, то есть являются уникальными, например, русск. *полосатый как зебра*; бел. *здоровы, чырвоны як бурлак*; чешск. *chytrý, mazaný jako advokát* (букв. 'хитрый, пронырливый как адвокат'); болг. *благ като мехлем на рана* (букв. 'успокаивающий как бальзам на рану'); хорв. *sit kao krpelj* (букв. 'сытый как клещ'); лат. *kustīgs kā atspole* (букв. 'живой как челнок'); англ. *as busy as a beehive* (букв. 'занятый как улей'); швед. *våt som en svabb* (букв. 'мокрый как швабра'). Затем следуют образы, общие для двух, трех и т.д. языков. Как показало исследование, с увеличением количества сравниваемых языков уменьшается количество совпадений эталонов АУС. В табл. 1 приведены данные, свидетельствующие о том, каков процент уникальных эталонов в те-

матических группах, а также частотность использования той или иной ремы в двух, трех и т.д. языках. Для этого в ходе анализа каждой тематической группы было найдено отношение числа эталонов, употребляемых только в одном или нескольких языках, к общему количеству эталонов в группе.

Таблица 1

Процентный состав уникальных и общих эталонов АУС

Тематическая группа эталонов АУС	Кол-во эталонов	Уникальные эталоны	Эталон, общие для						
			2 языков	3 языков	4 языков	5 языков	6 языков	7 языков	8 языков
Человек и части его тела	169 100%	120 71%	24 14,2%	14 8,3%	6 3,5%	3 1,8%	1 0,6%	1 0,6%	0 0%
Артефакты	378 100%	267 70,6%	53 14%	23 6%	14 3,7%	12 3,1%	5 1,3%	3 0,7%	1 0,2%
Продукты питания	96 100%	67 69,7%	16 16,6%	5 5,2%	4 4,1%	2 2%	2 2%	0 0%	0 0%
Вымышленные существа, абстрактные, философские понятия	51 100%	30 58,8%	11 21,5%	4 7,8%	4 7,8%	0 0%	1 1,9%	0 0%	1 1,9%
Растительный мир	102 100%	64 62,7%	24 23,5%	4 3,9%	4 3,9%	5 4,9%	1 0,9%	0 0%	0 0%
Животный мир	248 100%	114 45,9%	48 19,3%	33 13,3%	14 5,6%	13 5,2%	12 4,8%	9 3,6%	4 1,6%
Неживая природа	96 100%	51 53,1%	13 13,5%	7 7,2%	9 9,3%	5 5,2%	6 6,2%	2 2%	3 3,1%

Согласно данным, представленным в табл. 1, мы можем утверждать, что степень уникальности эталонов АУС языка изменяется в зависимости от сферы применения сравнения. Так, реже всего в каком-либо одном языке встречаются наименования животных, явлений неживой природы. В то время как в тематических группах эталонов «Человек и части его тела», «Артефакты» мы чаще сталкиваемся с уникальными образами. Объясняется этот факт, на наш взгляд, тем, что человек познает мир через осознание себя, своей предметной деятельности в нем, что является подтверждением позиции антропоцентрической парадигмы в языке. Следующим шагом исследования является определение степени уникальности образов АУС каждого из языков, для чего найдем отношение количества уникальных к общему числу эталонов в каждом языке. Под уникальными мы понимаем такие эталоны, которые употребляются только в каком-либо одном из исследуемых нами языков.

Таблица 2

Процентный состав уникальных эталонов АУС в каждом языке исследования

Языки	русский	белорусский	чешский	болгарский	хорватский	латышский	английский	шведский
Общее количество эталонов (100%)	447	438	359	168	213	141	290	99
Количество уникальных эталонов	162 36,2%	179 40,8%	139 38,7%	51 30,3%	51 23,9%	26 18,4%	86 29,6%	18 18,1%

Исходя из данных, приведенных в табл. 2, мы можем сделать вывод, в каком языке АУС являются наиболее самобытными, т.е. имеют наименьшее количество соответствий в других языках, если оценивать их через призму эталонов. Итак, по степени национальной специфичности образы сравнения располагаются в следующей последовательности: АУС белорусского, чешского, русского, болгарского, английского, хорватского, латышского, шведского языков.

По мнению Д.О. Добровольского, «большинство идиом, как и других образно-метафорических единиц лексикона, относительно редко обладают абсолютными эквивалентами в других языках, что объясняется не столько их национально-культурным своеобразием, сколько несовпадением техники вторичной номинации» [6].

Например, реалии, выступающие эталонами толщины, довольно распространены и считаются обычными в повседневной жизни всех носителей языков исследования: бел. тоўсты як хамяк; чешск. tlustý jako měch (букв. 'мехи'); болг. дебел като бомба (букв. 'бомба'); хорв. debeo kao tenac (букв. 'оборотень'); лат. aralš kā ola (букв. 'яйцо'); англ. as plump as a partridge (букв. 'куропатка'); швед. tjock som en elefant (букв. 'слон'). Но ни одно из этих слов не встречается в качестве образов-эталонов АУС русского языка. По мнению А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского, подобное свидетельствует не о «значимых различиях, а о языковых случайностях» [3, с. 263]. Иными словами, вышеприведенные АУС не обладают когнитивно-значимыми различиями, так как здесь не наблюдается несовпадения концептуальных метафор. В противном случае образы адъективных устойчивых сравнений понимались бы трудно, чего мы не наблюдаем на конкретных примерах. Таким образом, расхождение в актуальном значении АУС еще не свидетельствует о национально-культурной специфике образной составляющей сравнения.

Заключение. Итак, на примере эталонов, отражающих прямое отношение к условиям жизни носителей языка, к их обычаям и традициям, то есть к духовной и материальной культуре народа, была определена степень уникальности АУС исследуемых языков. По шкале «Общее – национально-специфическое» тематические группы, объединяющие эталоны АУС исследуемых языков, распределились в следующем порядке: «Животный мир» – «Неживая природа» – «Вымышленные существа, абстрактные и философские понятия» – «Растительный мир» – «Продукты питания» – «Артефакты» – «Человек и части его тела». Объясняется этот факт, на наш взгляд, степенью причастности человека к тем или иным реалиям: чем больше вклад в создание чего-либо, тем специфичнее это воспринимается, так как именно творчество – важнейший аспект человеческой деятельности, рождающий культуру. Самое большое количество уникальных эталонов выявлено в белорусском и чешском языках, но концептуальные метафоры в этих языках понятны и носителям других языков и культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Холманских, И.В. Компаративные фразеологизмы с компонентом-зоонимом в языковой картине мира (на материале русского и болгарского языков) / И.В. Холманских // II Славянские чтения памяти профессора П.А. Дмитриева и профессора Г.И. Сафронова: материалы междунар. науч. конф. – СПб., 2001. – С. 94.
2. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и культурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – С. 241.
3. Баранов, А.Н. Аспекты теории фразеологии / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. – М.: Знак, 2008. – С. 251.
4. Федуленкова, Т.Н. Изоморфизм и алломорфизм в германской фразеологии (на материале английского, немецкого и шведского языков): автореф. дис. ... докт

филол. наук: 10.02.20 / Т.Н. Федуленкова; Поморский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова (Северодвинский филиал). – Северодвинск, 2006. – С. 3

5. **Маслова, В.А.** Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. вузов / В.А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – С. 37.
6. **Добровольский, Д.О.** Национально-культурная специфика во фразеологии / Д.О. Добровольский // Вопросы языкознания. – 1997. – № 6. – С. 37.

S U M M A R Y

The article deals with the problem of similes model specificity in the number of Slavonic, Baltic and German languages. Adjective similes of these languages were distributed into eight thematic groups according to the sphere of the similes usage. Common and national-specific models reflect anthropocentric views of humans on their surroundings.

Поступила в редакцию 12.08.2009

УДК 811.161.1'373

О.А. Борисевич

Структурные особенности православной экклезионимии Беларуси

Каждому типу собственных имен присущи свои определенные модели. В топонимии, составной частью которой является экклезионимия, существуют однословные и многословные названия. Последние возникают по нескольким причинам. Во-первых, люди не могут дать всем объектам, находящимся на данной территории, совершенно особые, непохожие друг на друга названия. Во-вторых, это связано со спецификой человеческой памяти, так как потребовалось бы запоминать большое количество непохожих друг на друга слов. Повторяясь, названия требуют добавочных определений. Особенно это характерно для микротопонимов, где требуется очень подробное описание местонахождения небольшого участка [1].

А.В. Суперанская выделяет следующие модели топонимов: однословные и многословные [1].

1. Однословные: простые производные топонимы (Тюмень); простые производные топонимы (Мичуринск); топонимы – сложные слова (Горнозаводск).

2. Многословные: словосочетания с сочинительной связью компонентов (Амур-Нижнеднепровский); словосочетания с подчинительной связью компонентов (Дейвисов пролив).

Анализируя структуру урбанонимов, А.М. Мезенко выделяет следующие структурно-грамматические типы и модели [2].

1. Простые: атрибутивный тип (Ангарский переулочок); генитивный тип (ул. Рыбалко); номинативный тип (ул. Немига); нумеративный тип (1-я линия).

2. Сложные: нумеративно-смешанные типы: а) нумеративно-атрибутивный тип (2-й Дёповский переулочок); б) нумеративно-генитивный тип (3-й переулочок Никитина); в) нумеративно-номинативный тип (1-й пер. Михалово); генитивно-смешанные типы: а) генитивно-адъективный тип (ул. Парижской Коммуны); б) генитивно-субстантивный тип (ул. Маршала Якубова); в) генитивно-числовой тип (ул. 3-го Сентября); номинативно-смешанные типы (ул. Красная Слобода, ул. 10 лет Октября и др.).

Экклезионимы, являясь составной частью топонимии и урбанонимии, имеют свои структурные особенности. Анализируя наименования культовых сооружений в творчестве А.С. Пушкина, Л.Ф. Фомина и Л.Н. Гукова уделяют внимание их структурному своеобразию. По мнению исследователей, «с точки зрения структуры названия монастырей представляют собой субстантивные словосочетания с главным словом монастырь и прилагательным в логико-дифференцирующей функции» [3]. В статье выделяются словообразовательные модели прилагательных:

1) имя святого, в честь которого поставлен монастырь, плюс суффикс -ск(ий): *Георгиевский монастырь*;

2) наименования основополагающих существностей христианского вероучения плюс суффикс -ск(ий) или его алломорф -к(ий): *Троицкий монастырь*, *Спаский монастырь*;

3) топонимы (название города, реки, местности) плюс суффикс -ск(ий) или -ов: *Казанский монастырь*;

4) единично представлена дескрипция с предложно-падежной формой: *монастырь на Казбеке* [3].

По мнению тех же Л.Ф. Фоминой и Л.Н. Гуковой, модель «церковь во имя Петра и Павла» – субстантивное сочетание с опорным компонентом церковь плюс предложно-падежная форма во имя Петра и Павла. Это старая модель, известная по памятникам письменности [3].

Е.П. Аринина считает, что официальные наименования русских православных культовых сооружений строятся по двум основным образцам:

1) по модели, включающей конструкцию церковь + во имя + Р. П. сущ.: *Церковь во имя Трех Святителей*;

2) по модели, включающей конструкцию церковь + в честь + Р. П. сущ.: *Храм в честь преподобного Сергия Радонежского* [4].

Цель нашей работы – изучить особенности структуры православной экклезионимии Беларуси.

Материал и методы. Опираясь на исследования ономастов и данные синтаксиса, мы предлагаем следующую структурную классификацию экклезионимов.

В пределах языковой системы структура экклезионима, как и урбанонима, не может состоять менее чем из двух компонентов, одним из которых является номенклатурный термин (родовой термин, термин-индикатор, географический апеллятив, стержневое слово и др.) – храм, церковь, часовня, собор и т.п., – выполняющий чисто конструктивную роль и не превращающийся в имя собственное.

Поскольку наиболее значимыми и приметными объектами молодых городов были культовые сооружения, то первыми зафиксированными памятниками письменности урбанонимами явились экклезионимы и формирующие их термины «церковь», «монастырь», «храм».

Номенклатурный термин в экклезионимии может состоять из одного или нескольких слов. Во втором случае он представляет собой словосочетание с различными отношениями между словами. Однословные номенклатурные термины – церковь, храм, собор, часовня, монастырь и др. Многословные номенклатурные термины – кафедральный собор, ставропигиальный монастырь и др.

В связи с тем, что православное население превалирует в Республике Беларусь, число православных культовых сооружений является преобладающим. Это приводит к разнообразию номенклатурных терминов, самыми распространенными из которых являются храм, церковь, собор, кафедральный собор, монастырь, часовня, пустынь, скит.

Храм – здание, которое посвящено Богу и предназначено для молитв и проведения богослужений. Например, *Храм в честь Святой Троицы* [5].

Церковь – православный храм [6]. Например, *Петропавловская церковь*, *Свято-Михайловская церковь*.

В разговорной речи превалирует номенклатурный термин «церковь», в языковой системе – «храм».

Собор – главный христианский храм города или монастыря, где совершает богослужение высшее духовное лицо (патриарх, епископ, архимандрит) [5]. Например, *Собор в честь Покрова Божией Матери*.

Кафедральный собор – главный храм в епархии, в котором постоянно находятся архиерейский амвон и архиерейская кафедра [5]. (*Кафедральный собор во имя Святого преподобного Симеона Столпника*).

В речевой практике номенклатурные термины «собор» и «кафедральный собор» заменяются индексатором «церковь», так как для простых верующих данные отличия зачастую являются неважными.

Монастырь с греч. «жилище монахов» – община монахов, имеющая единый устав, а также комплекс богослужебных, жилых, хозяйственных построек, принадлежащих (или принадлежавших) общине монахов. Ставропигиальный монастырь подчиняется непосредственно патриарху. Данное название (с греч. «крестоутвержденный») обусловлено тем, что крест в главном храме такого монастыря, находящийся позади престола, водружали лично патриархи [5]. В речи номенклатурный термин «монастырь» онимизируется. В языковой системе он представляет собой словосочетание с обязательным указанием на то, женская это обитель или мужская. Например, *Варваринский женский монастырь*.

Скит – жилище отшельников, вполне самостоятельное или достаточно автономное в рамках монастыря. Жизнь в скиту представляет собой среднюю форму монашеского подвижничества между общежитием и уединенным отшельничеством. Скит состоит обычно из 2–3 келий, в которых иноки живут по отдельности, но сохраняют общность имущества, труда и пропитания. Слово «скит» происходит от названия одного из пустынных мест в Египте, в котором в IV–V вв. были уединенные поселения монахов [5].

Пустынь – монастырь или скит, находящийся (или изначально построенный) в отдаленном пустынном месте [5]. Например, *Свято-Преображенская мужская пустынь*.

Часовня – малый храм без алтаря, предназначенный не для литургии, а для богослужений суточного круга, в частности часов, откуда и происходит его название. Кроме того, в часовне могут совершаться молебные пения и другие требы. Строится часовня в память духовно значимых исторических событий, в местах явления чудотворных икон, у святых источников (*Часовня во имя Святого благоверного князя Александра Невского*).

Результаты и их обсуждение. Экклезионимы представляют собой специфический вид онимов, что наиболее ярко проявляется в их структуре. Наименования православных культовых сооружений в языковой системе многокомпонентны, многословны. В основном это названия-словосочетания, между компонентами которых устанавливаются различные виды отношений. Грамматическая структура экклезионимов тесно связана с их семантикой. Поликомпонентность наименований мест совершения обряда объясняется следующими причинами: во-первых, мотивами номинации церковей, монастырей и т.п.; во-вторых, использованием для называния культовых сооружений лексики других ономастических разрядов, в частности иконимов, агонимов, геортонимов, которые значительно усложняют структуру экклезионима, делая его многочленным образованием.

Отличительной особенностью православных экклезионимов является вариативность их оформления. В зависимости от сферы функционирования экклезионимы могут употребляться как в полной, официальной форме (*Храм во имя Святого апостола Михаила*), так и в сокращенной, неофициальной, используемой в основном в разговорно-речевой практике и в туристических сборниках (*Михайловская церковь*).

Развернутый характер официальных экклезионимов обусловлен их социальной функцией – функцией прославления святых, сохранения памяти о них и событиях религиозной жизни через наименование объектов культового назначения. Такие онимы строятся по двум основным моделям номинации:

1) экклезионимы, включающие конструкцию «во имя + Р. П. сущ.» (во имя какого-либо святого): *Храм во имя Святого Симеона, Часовня во имя Святого пророка Илии, Собор во имя Святого благоверного князя Александра Невского;*

2) экклезионимы, включающие конструкцию «в честь + Р. П. сущ.» (в честь праздника или иконы): *Часовня в честь Новодворской иконы Божией Матери, Храм в честь Вознесения Господня, Собор в честь Покрова Божией Матери.*

Как видно из примеров, подобные экклезионимы структурно осложнены, но однородны семантически: раскрывают мотив номинации и не содержат каких-либо дополнительных компонентов, идентифицирующих конкретный объект номинации. Данные названия представляют собой своеобразную свернутую синтагму, возникшую из фразы «церковь, освященная во имя / в честь».

В речи данные модели упрощались, сокращались и в такой форме нередко фиксировались в документах, на картах, в туристических сборниках, а также сохранялись в памяти людей. Одно и то же название может выступать в разных вариантах: *Храм во имя Святителя Николая Чудотворца – Храм во имя Николая Чудотворца – Храм Николая Чудотворца – Свято-Николаевская церковь – Свято-Никольская церковь – Николаевская церковь – Никольская церковь – Святой Никола.*

Теряя многокомпонентность структуры, экклезионимы из центральной части поля переходят на периферию.

Вариантами официальных экклезионимов являются поликомпонентные названия, которые можно считать своего рода «переходными», промежуточными между официальными и разговорными образованиями, не содержащие элементов «в честь», «во имя», но предполагающие их: *Храм Святого великомученика Георгия Победоносца, Храм Преображения Господня, Храм иконы Божией Матери «Спорительница хлебов».*

Самыми употребительными в речи являются двусловные словосочетания, представляющие собой разновидность официальных экклезионимов и построенные по атрибутивному типу. Это наименования, проприальный элемент которых – прилагательное, характер связи между компонентами – согласование. Мотив номинации культовых сооружений с подобными названиями (посвящение святому, прославление праздника, выражение уважения иконе) раскрывается препозитивным именем прилагательным, производным от имени святого, от названия праздника или иконы: *Свято-Успенский кафедральный собор, Свято-Михайловская церковь, Свято-Ильинская церковь.* Имя прилагательное в таких наименованиях может стоять и в постпозиции, что связано с целевой установкой акта коммуникации. Например, в туристических сборниках *Церковь Свято-Борисо-Глебская, Собор Свято-Николаевский.*

Для подобных экклезионимов характерно несколько способов словообразования:

1) суффиксальный: *Успенский собор;*

2) сложносуффиксальный: *Свято-Преображенская мужская пустынь, Свято-Варваринский женский монастырь.*

Обращает на себя внимание различное использование номенклатурного термина при варьировании названия. В моделях атрибутивного типа используется индикатор «церковь», генитивного – «храм».

Первоначально православные экклезионимы строились, как правило, по номинативно-смешанному (*Святая София*) и номинативно-описательному (*Великий Иоанн Предтеча у Остров*) типам. С течением времени такие мо-

дели начали устаревать. Это привело сначала к появлению номенклатурного термина в экклезионимной модели, а вслед за этим и формы родительного падежа имени существительного, характеризующейся большей точностью при выражении принадлежности.

Современная православная экклезионимия в структурном плане характеризуется господством генитивно-смешанных типов. Генитивный тип экклезионимов предполагает наличие номенклатурного термина и генитивной формы имени существительного (конструкция с управлением). Позиция номенклатурного термина строго фиксирована: он всегда находится в препозиции. Функцию различения экклезионимов с названиями такой структуры помогают выполнить пояснительные слова – прилагательные, существительные.

По данным нашего материала, структурная классификация православных экклезионимов Беларуси может быть представлена следующим образом.

1. Генитивно-адъективный тип: отношения между номенклатурным термином и проприальной группой равнозначны «чистому» генитивному типу (вид связи – управление), в состав проприальной группы входят поясняющие слова – прилагательные (вид связи – согласование): *Храм во имя Святого Симеона, Часовня в честь Святой Троицы, Храм в честь Преображения Господня.*

Имя прилагательное может находиться как в препозиции, так и постпозиции. В препозиции могут выступать два прилагательных (*Храм во имя Святого преподобного Онуфрия, Храм во имя Святого равноапостольного Владимира*). Одно прилагательное может стоять перед именем существительным, другое – за ним (*Храм в честь Неукротворенного образа Господня*).

2. Генитивно-субстантивный тип: отношения между номенклатурным термином и проприальной группой равнозначны «чистому» генитивному типу (вид связи – управление), в состав проприальной группы входят поясняющие слова – имена существительные: *Часовня во имя Святителя Николая Чудотворца, Храм в честь Усекновения главы Иоанна Предтечи.*

3. Генитивно-субстантивно-адъективный тип объединяет два предшествующих: в проприальную часть входят и существительные, и прилагательные: *Храм во имя Святого апостола Михаила, Храм во имя Святой мученицы Параскевы, Храм во имя Святителя Кирилла Туровского, Храм во имя Святителя Филарета Московского, Храм во имя Святого апостола Андрея Первозванного, Собор во имя Святого благоверного князя Александра Невского.*

Если для наименования церквей, часовен и соборов наиболее характерным является генитивный тип в различных вариациях, то в номинации монастырей преобладает атрибутивная модель.

Первые православные монастыри на территории Беларуси появились в XII веке в Полоцке и Турове. Уже к середине XVI в. их было основано более 40. Однако после заключения Брестской церковной унии 1596 г. большинство православных монастырей Беларуси постепенно стали униатскими. Почти все они перешли в ведомство образованного в 1617 г. греко-католического ордена базилиан. С присоединением белорусских земель к Российской империи в конце XVIII в. православные монастыри вступили в период своего возрождения, которое особенно усилилось после упразднения унии в 1839 г. К середине XIX в. на территории Беларуси уже действовало более 60 православных обителей. После Октябрьской революции монастыри стали стремительно закрываться. Только Жировичский Свято-Успенский мужской монастырь не прекращал своей деятельности. Лишь во второй половине 1980-х гг. началось возрождение религиозной жизни в стране, которое продолжается до наших дней. Восстанавливаются монастыри. Сейчас в Беларуси действуют более 20 мужских и женских обителей.

В структурном отношении каждое наименование монастыря включает в себя прилагательное – идентификатор, служащее для различения культовых сооружений по половому признаку: мужской и женский. Например, *Пинский*

Свято-Варваринский женский монастырь, Ляденский Свято-Благовещенский мужской монастырь.

Все названия монастырей строятся по двум моделям: атрибутивной или атрибутивно-адъективной. Атрибутивный тип представляет собой номенклатурный термин (женский монастырь или мужской монастырь) плюс препозитивно стоящее имя прилагательное (*Свято-Введенский женский скит*). Атрибутивно-адъективный тип предполагает наличие еще одного прилагательного, содержащего информацию о населенном пункте, где находится монастырь: *Полоцкий Спасо-Евфросиниевский женский монастырь, Витебский Свято-Духов женский монастырь, Гомельский Свято-Никольский мужской монастырь.*

Заключение. Таким образом, экклезионимы имеют свои структурные особенности: 1) отличительной чертой наименований культовых сооружений, сближающих их с урбанонимами, является обязательное наличие номенклатурного термина; 2) названия православных мест совершения обряда многословны, они представляют собой словосочетания с различными видами связи между компонентами; 3) православные экклезионимы отличает вариативность их оформления.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Суперанская, А.В.* Структура имени собственного / Фонология и морфология / А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1969. – 207 с.
2. *Мезенко, А.М.* Урбанонимия Белоруссии / А.М. Мезенко. – Минск: Университетское, 1991. – 167 с.
3. *Фомина, Л.Ф.* Экклезионимы и их характеризующие в творчестве А.С. Пушкина / Л.Ф. Фомина, Л.Н. Гукова. – <http://kds.eparhia.ru/bibliot/konferencia/lingvistika/fominaiguкова>.
4. *Аринина, Е.П.* Содержательное и структурное своеобразие русских экклезионимов в типологическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.П. Аринина. – Самара, 2008. – 19 с.
5. *Православие.* Словарь-справочник. – 3-е изд, испр. и доп. – М.: «ДАРЪ», 2007. – 960 с.
6. *Ожегов, С.И.* Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1997. – 944 с.

S U M M A R Y

The article deals with structural features of Belarusian names of churches. Ecclesionyms have their own models and types which differ them from other kinds of onyms.

Поступила в редакцию 22.09.2009

УДК 811.161.3'373.232.3

О.П. Голубович

Личное имя в полоцкой деловой письменности: культурологический аспект

Антропонимия белорусов имеет глубокие истоки и традиции, изучение которых сохраняет свою актуальность для филологической науки в настоящее время, так как «имя в качестве универсалии языка и культуры выполняет функцию хранения и трансляции национального самосознания, традиций, истории, культуры народа, в силу чего является сложным языковым знаком» [1]. Особенности именования являются важнейшим признаком этнической принадлежности, а в каждом языке сформирована собственная база имено-

ваний. Обозначившаяся в последние десятилетия тенденция к сохранению историко-культурного наследия нашей страны позволяет поставить вопрос о необходимости вовлечения в повседневный опыт и научный оборот богатейшего антропонимического фонда. Благодаря трудам поколений белорусских ученых систематизирован огромный материал, но, на наш взгляд, неоправданно оставленным без комплексного изучения является антропонимикон Полотчины. Система именования населения Полотчины в период формирования белорусской народности изучена еще недостаточно, особенно с точки зрения локальных языковых традиций. Между тем этот старейший исторический регион Беларуси дает нам пласт наиболее древних именований. Особый интерес представляет изучение антропонимикона Полотчины в эпоху вхождения ее в состав Великого княжества Литовского XIV–XVI вв., когда жители города и местное боярство пользовались значительными автономными правами, а данные в Полоцке великими князьями грамоты имели свои особенности [2]. Если позволительно говорить о локальных отличиях полоцких актов документов, то неуместным будет оставить без изучения и их антропонимикон. Целью нашего исследования является выявление потенциала именника памятников полоцкой деловой письменности для изучения языковой культуры XIII–XVI вв.

Данное исследование основано на анализе антропонимного фонда памятников полоцкой деловой письменности XIII–XVI вв. Источником явились «Полоцкие грамоты XIII–XVI вв.» (М., 1977–1980), «Реестр путных бояр Полоцкого воеводства 1585 года» (Мн., 2009), «Полоцкая ревизия 1552 г.» (М., 1905), а также Метрика Великого княжества Литовского XIV–XVI вв., изданная в Литве и Беларуси (книги записей № 10, 11, 12, 15, 16, 25, 28, 30, 43, 44, 51, 70, книги судебных дел № 4, 6, 8, 10, книга переписей № 523). В полоцких документах XIII–XVI вв. выявлено более 4700 именований, которые и послужили основой для данной работы.

Культура народа или страны в любой исторический период представляет собой разнонаправленное и многослойное явление. В размышлениях о культуре эпохи Средневековья и Нового времени часто используют термины «религиозная», «рыцарская» и «городская» культура, а также «народная культура» [3]. Так как эти явления имели место в прошлом, значит, это нашло отражение и в языке. Белорусская средневековая культура имела свои особенности, но, несмотря на очевидные отличия, ее следует рассматривать в контексте развития общеевропейских тенденций. Поэтому уместно упомянуть и о сформированности сословного типа общества на рассматриваемой территории, что позволяет говорить о наличии сословных культур: придворно-боярской, мещанской, крестьянской.

Культурологические особенности функционирования антропонимов особенно четко проявляются при анализе именования лиц в различных сословных группах. В документах упоминаются представители четырех сословий: духовенства, шляхты (князей и бояр), мещан, крестьян. Различия между тремя последними социальными группами окончательно сложились в середине XVI в., когда закончился процесс формирования не только зависимого крепостного крестьянства, но и привилегированного сословия шляхты, образовавшегося на основе военно-служилого сословия, известного до середины XVI в. как бояре [4]. Если до появления Статутов ВКЛ (1529 и 1566 гг.) социальный статус человека во многом определялся характером выполняемой службы, то с появлением кодексов – правовым статусом. Таким образом, при характеристике именований вышеупомянутых групп мы вынуждены иметь в виду трансформирующийся характер социальной структуры населения, что, безусловно, как будет показано ниже, нашло свое отражение и в антропонимии.

Чаще всего в полоцких документах указанного периода встречаются они-мические единицы, называющие лиц привилегированного сословия (34% именованний): *боіарыня г[оспо]д[а]рська земли Полоцькое пани Михайлова Сеньковича пани Улыіана, князь Семен Подберезьскій, дворанинь г[оспо]д[а]рський пан[ъ] Глебъ Есманъ, до кн[я]зя Аньдрея Семеновича Соколеньского, бояр Кубълицких, князь Юрей Масалскій з Городца, княгини Илиное Остроское, от бояр Полоцких Гаврыла, Курыла а Андрея Онскушковичов, Анофреи кн(я)зь, ко княгини Андреювою, бояре полоцкие Микула Гришкович и брат его Остафеи и т.д.* Такое активное упоминание князей и бояр объясняется тем, что именно они с правовой точки зрения являлись наиболее полноценными членами общества, основой социального строя.

Следующая группа составляет 25% именованний. Это они-мические единицы, называющие мещан: *з мещанином г[оспо]д[а]рским[ъ] Полоцкимъ же з Васкомъ Паньковымъ, Зябъчына, старшыи Остапко Загорожы, Грыдко Половик з Ымхина, Иевъ Баранъ, Амелянь Торъговецъ, Иванъ Кравецъ, Митко Баламут, у мещанина полоцкого Якова Зыбы, у мещанина Полоцкого Селивона Головенчынича, Станислав Угрын, Евлашко, Иван Булавин, Мокъи Кольчижинич* и другие. Анализ этой группы антропонимов показывает соотношение прозвищ мещан с апеллятивной лексикой. В качестве мотивирующей основы именованния мещанина могли выступать названия животных, птиц, растений, качественные характеристики лица (внешние признаки и особенности психологического склада), этническое, территориальное происхождение, профессиональная деятельность. Например: *Выдра, Волк, Коршунъ, Шишка, Немець, Коморникъ (1. Слуга при княжеских (царских) палатах, охранник. 2. Чиновник, при дворе выполнявший функции заместителя судьи, судебный исполнитель. 3. Постоялец. 4. Землемер, специалист по размежеванию земельных наделов) [5], Лукошка (кош, корзинка) [6].*

Еще одна продуктивная группа именованний (24%) относится к социальному слою, занимающему в белорусском обществе эпохи Великого княжества Литовского и Речи Посполитой промежуточное положение между крестьянами и боярами-шляхтой. Это путные слуги, специфическая группа сельского населения [7]. Так, часто именованния путных слуг связаны с различными апеллятивами (Короб, Дуброва, Борода, Рагоза, Пуга, Козел), в том числе и определяющими лицо по национальному признаку (Литвинъ, Москал, Цыгановичъ). Зафиксированная в именах этническая принадлежность человека дает возможность понять особенности формирования социальной группы в целом. Культурная унификация, видимо, происходила на Полотчине на старобелорусской основе, но с участием представителей различных этносов.

В качестве именованний лиц в полоцких документах нередко выступают деминутивы и производные от них формы. По мнению А.К. Устинович, субъективно-оценочные по структуре формы употреблялись не только в качестве эмоционально-оценочных, но и в нейтральном значении [8]. На полоцком материале это также можно проиллюстрировать. Например, *бояре Сенька Федькович, Іацько Богдановичъ Быстрейскій, Юшко Ососкович, Васко Богданович, Сенько, Митко Петрович, Ивашковая Сенковича, мещане Евлашко Кощич, Митко Трухонович, Прошко, Ыванова жона Лясковая Манка, путные слуги Дорошъко Якимович, Ивашко Миткович, Тимошко Алексеевич, Яшко Андреевич, князья Яцько Сенькович, Юхно Ивашкович, Богушъ Лукомьскии, Болко Михайлович Свирскій, священнослужители Федко Захар(ъ)инич, Прошко* и другие. Подобные формы встречаются в 18% антропонимов.

50,7% именованний, относящихся к различным социальным группам, не связаны с апеллятивами: *князю Федору Ивановичу, боярина г(о)с(у)д(а)ря нашего короля его м(и)л(о)сти Сенка Яцковича, мещанин Евлашко Федорович, путный слуга Хома Ходосович, дьяка н(а)шого Федка Ивановича.*

По нашему мнению, при лингвокультурологическом анализе несколько больший интерес представляет изучение отапеллятивных онимов, которые позволяют охарактеризовать происхождение, род занятий, внешность, характер и т.д. носителя данного именованя или предков носителя этого именованя. Закодированные в апеллятивах смыслы поддаются довольно широкой интерпретации.

Некоторые прозвища заключают в себе информацию об отношении человека к представителям церковной иерархии и высшим государственным чинам. Человека, зависимого от митрополита, принадлежащего ему, называли *митрополий*, *митрополей* [9]. Отсюда и антропоним *Иван Митрополи* (шляхтич). От слова *куръ*, *киръ* – титул для лиц высшего священнического сана православного вероисповедания [10; 4, с. 93] произошло прозвище: *Моисей Куровичъ* (мещанин). От *маршалокъ*, *маршалекъ*, *моршалокъ* – 1) министр при дворе короля; руководитель уездного дворянства; 2) руководитель какой-либо церемонии, председатель; 3) высшее воинское звание – маршал [6, с. 269] произошло прозвище *Копет Маршалковъ* (мещанин).

Встречаются именованя, объясняющие социальное происхождение человека: *мещанинь* – 1) житель города; 2) житель (вообще), гражданин; 3) представитель мещанского сословия [9, с. 33–34]: *Алексей Мещанинь* и др.

По целом ряду прозвищ можно судить об особенностях поведения человека: *лежень* – 1) лежебока, лентяй, человек без определенных занятий; 2) посыльный, сборщик налогов [10, с. 335]: *Яковъ Леженьев* (мещанин); *баламутъ* – баламут, мошенник [11]: *Баламут* (мещанин) и др.

Семейное положение человека также могло отражаться в именовании: *одионецъ* – одинокий, несемейный человек [12]: *Andrei Odincowicz z Meszkowist* и др.

Можно выделить группу именованя, основанных на метафорическом переносе с использованием слов различных лексико-семантических групп: *морозъ* – холодная зимняя погода, мороз, иней [9, с. 163]: *Петръ Морозъ* (мещанин); *колесы*, *колеса* – 1) телега, хозяйственная повозка; 2) повозка специального (военного, хозяйственного и т.д.) предназначения [12, с. 196–198]: *Грыдко Колесов*; *кишка* – кишка [12, с. 96]: *Кишка Козак*, *пан Петр Кишка* (воевода), *пан Станислав Кишъка* (воевода витебский), *Мишъка Кишъка* (мещанин); *копотъ* – копотъ, сажа [12, с. 301]: *Копотъ мещанинь*, *Копотъ Медведича*; *коноплень* – конопляный [12, с. 269]: *Тишъковая Конопленая* (мещанин); *масло* – 1) пищевой жир, который получают путем взбивания сметаны; 2) жир из растительного происхождения (преимущественно оливковый); 3) масло (оливковое масло, которое используется в церковном); 4) лечебная мазь; 5) вещество минерального или органического происхождения [6, с. 272–273]: *Андрей Масловичъ*.

Некоторые прозвища являются результатом метафорического перенесения на людей тех или иных черт животных: *орель* – орел [12, с. 315]: *Грыдко Орел*; *баранъ* – 1) баран; 2) таран [11, с. 192–193]: *Иевъ Баранъ* (мещанин); *медведъ*, *медъведъ* – медведь: *Потей Медведич* (мещанин), *Копотъ Медведича* [6, с. 297–298] и др.

Ряд прозвищ отражает особенности внешнего вида человека: *кудравый* – кучерявый [10, с. 210]: *Петр Кудравый*; *косый*, *касий* – 1) косоглазый; 2) косою, кривою [10, с. 54–55]: *Иванъ Косый* (мещанин); *белый* – 1) светловолосый, со светлой кожей; 2) безгрешный (мещанин): *Андрей Белый* [11, с. 272–274] и др.

В отдельную группу можно выделить антропонимы, характеризующие род занятий человека: *купецъ* – 1) купец, торговец; 2) покупатель [10, с. 228]: *Семен Купец*, *Якубъ Купец* (мещанин); *коваль*, *ковал* – 1) кузнец; 2) вид орудия [12, с. 166]: *Тишко Ковал* (мещанин), *Федко Коваль* (мещанин), *Mikita Kowal*; *крамникъ* – владелец лавки или продавец в ней [10, с. 89]: *Апонась Крамъ-*

никъ (мещанин), *Богданъ Крамъникъ* (мещанин); *кормникъ* – торговец пищевыми продуктами и спиртными напитками [10, с. 11]: *Омелянь Кормник* (мещанин), *Якимъ Кормникъ* (мещанин), *Федор Кормникъ* (мещанин); *кожемяка* – кожемяка [12, с. 175]: *Иван Кожемяка* (мещанин); *мылникъ* – тот, кто варит мыло или им торгует [9, с. 246]: *Федор Мылник* (мещанин); *мечникъ* – 1) ремесленник, который изготавливал мечи (вид холодного оружия); 2) воин, вооруженный мечом, оруженосец; 3) палач; 4) придворный чиновник, который носил меч монарха; титулярный земский чиновник [9, с. 246]: *Ходан Мечъникъ* (мещанин); *орывати, орывати* – пахать [12, с. 317]: *Омелянь Орывиничъ*; *козакъ, казакъ* – 1) легковооруженный воин в армии ВКЛ и Речи Посполитой; 2) представитель свободной общины с особым самоуправлением; 3) служилый человек, который выполняет пограничную службу по найму в Московском государстве; 4) человек, который выполняет охранную, курьерскую службу в замках или при дворах магнатов [5, с. 177]: *Цветушын Козак* (казак замка), *Мокей Казак, Кишка Казак* и др.

Заключение. Анализ антропонимной лексики в документальных источниках позволяет прийти к следующим выводам. В XIV–XVI вв. наибольшее число именовании относится к представителям правящего сословия бояр-шляхты. Антропонимы в полоцкой деловой письменности представляют интерес не только с лингвистической, но и культурологической точки зрения. Именования людей несут ценную информацию о социальном статусе, вероисповедании, занятиях, этнической принадлежности и других характеристиках жителей Полотчины в указанный период.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гурская, Ю.А.* Культурогенные возможности лингвистического знака: ключевые имена в русском и белорусском языках: автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.01, 10.02.02 / Ю.А. Гурская / БГУ. – Минск, 1995. – С. 1.
2. *Карский, Е.Ф.* Белорусы: у 3 т. / Е.Ф. Карский; уступны артыкул М.Г. Булахава, прадмова да першага тома і каментарыі В.М. Курцовай, А.У. Унучака, І.У. Чаквіна. – Мінск: БелЭн, 2006. – Т. 1. – С. 281.
3. *История средних веков:* в 2 т.: учеб. для вузов по спец. «История» / Л.М. Брагина [и др.]; под ред. З.В. Удольцовой и С.П. Карпова. – М.: Высш. шк., 1990. – Т. I. – С. 452–455, 456.
4. *Błaszczuk, G.* Litwa na przełomie średniowiecza i nowożytności 1492–1569 / G. Błaszczuk. – Poznań: Wydawnictwo poznańskie, 2002. – P. 199–200.
5. *Гістарычны слоўнік беларускай мовы.* – Вып. 15. Катъ–коречнивы / склад. А.М. Булыка [і інш.]; рэд. А.М. Булыка. – Мінск: Беларуская навука, 1996. – С. 245–246.
6. *Гістарычны слоўнік беларускай мовы.* – Вып. 17. Лесничий–Местский / склад. Т.І. Блізнюк [і інш.]; пад рэд. А.М. Булыкі. – Мінск: Беларуская навука, 1998. – С. 133.
7. *Доўнар, Д.Б.* Сяляне-слугі Беларусі другой паловы XVI – сярэдзіны XVIII ст. / Д.Б. Доўнар. – Мінск: «Беларуская навука», 2007. – 193 с.
8. *Усціновіч, А.К.* Эмацыянальна-ацэначныя формы мужчынскіх асабовых імён Гродзеншчыны і Брэстчыны па помніках пісьменнасці 14–17 стст. // Пытанні беларускай этнаграфіі, фалькларыстыкі і тапанімікі. – Мінск: Аддзяленне этнаграфіі Беларускага філіяла Геаграфічнага таварыства СССР. Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору Акадэміі навук БССР, 1967. – С. 153.
9. *Гістарычны слоўнік беларускай мовы.* – Вып. 18. Местский–Надзovati / склад. Т.І. Блізнюк [і інш.]; пад рэд. А.М. Булыкі. – Мінск: Беларуская навука, 1999. – 374 с.
10. *Гістарычны слоўнік беларускай мовы.* – Вып. 16. Коржъ–Лесничанка / склад. А.М. Булыка [і інш.]; пад рэд. А.М. Булыкі. – Мінск: Беларуская навука, 1997. – С. 244.

11. *Гістарычны слоўнік беларускай мовы.* – Вып. 1. А–Биенье / склад. Т.І. Блізнюк [і інш.]; пад рэд. А.М. Булыкі. – Мінск: Навука і тэхніка, 1982. – С. 181.
12. *Гістарычны слоўнік беларускай мовы.* – Вып. 22. Оддыханьё–Осьць / склад. А.М. Булыка [і інш.]; пад рэд. А.М. Булыкі. – Мінск: Беларуская навука, 2002. – С. 21.

S U M M A R Y

The article is dedicated to the cultural aspect of the names in Polotsk official papers of XIII–XVIth centuries. The research shows the influence of people's ethic, religious, psychological, behavioral, physiological peculiarities on the nomination process during the mentioned period.

Поступила в редакцию 2.07.2009

УДК 811.161.3'373

А.С. Дзядова, Н.П. Даўбешка

Безэквівалентная лексіка: сінхранічны і дыяхранічны аспекты

Безэквівалентнымі словамі традыцыйна лічацца лексічныя адзінкі нацыянальнай мовы, якія не маюць аднаслоўных адпаведнікаў у іншай мове і значэнне якіх у ёй можа быць перададзена словазлучэннем або апісальна. З'ява лексічнай безэквівалентнасці знайшла даволі грунтоўнае апісанне ў працах рускіх даследчыкаў Г.У. Шаткова, Г.П. Шакурава, Г.В. Чарнова, А.В. Фёдарова, А.Д. Швейцара, Л.С. Бархударова, А.А. Іванова, Я.М. Верашчагіна, В.Р. Кастамарава і інш. На матэрыяле беларускай мовы распрацоўка пытанняў тэорыі лексічнай безэквівалентнасці пачалася ў 90-я гады мінулага стагоддзя і ў першую чаргу звязваецца з іменем І.Р. Шкрабы – аўтара першага ў айчынай лінгвістыцы слоўніка безэквівалентнай лексікі [1]. Багаты матэрыял для разумення з'явы лексічнай безэквівалентнасці даюць навуковыя росшукі І.С. Роўды, які шляхам супастаўлення фактаў беларускай і рускай моў выяўляе ў іх лексічныя лакуны, а таксама аналізуе сродкі кампенсацыі лексічных лакун кожнай на фоне адпаведных ім слоў іншай мовы [2]. Асобныя аспекты вывучэння з'явы лексічнай безэквівалентнасці закранаюцца ў працах С.У. Махоня, А.А. Гіруцкага, В.П. Трайкоўскай, Г.В. Шкнай і іншых айчынных навукоўцаў. Тым не менш, як адзначае І.Р. Шкраба, «безэквівалентная лексіка, якая ўваходзіць у лік асноўных лінгвістычных перспектываў лексікалогіі, на беларускай навуковай глебе яшчэ не падпала тэрэтычнаму асэнсаванню» [1, с. 4]. **Мэта** нашага артыкула – прааналізаваць асноўныя фактары, якія абумоўліваюць безэквівалентнасць слова адной мовы ў праекцыі на іншую, а таксама разгледзець пытанні, звязаныя з паходжаннем лексікі беларускай мовы, безэквівалентнай у рускамоўным дачыненні, і яе функцыянаваннем у працэсе моўнай эвалюцыі.

Пры аналізе безэквівалентнай лексікі ў сінхранічным і дыяхранічным аспектах намі выкарыстоўвалася некалькі метадаў, у тым ліку апісальны, параўнальна-гістарычны і супастаўляльны.

Вынікі даследавання. Прычыны безэквівалентнасці слоў бываюць самыя розныя. У першую чаргу існаванне безэквівалентнай лексікі абумоўлена фактарамі пазамоўнага парадку, у прыватнасці, розніцай ў матэрыяльных і сацыяльных умовах жыцця беларускага і рускага народаў. Матэрыяльнай і духоўнай спадчыне беларусаў, як і любой іншай этнічнай супольнасці, уласцівы спецыфічныя рэаліі і паняцці, якія маюць культурна-гістарычную ка-

натацыю і не характэрныя для жыцця і побыту суседніх народаў. Безэквівалентная лексіка з'яўляецца адным з лінгвакультуралагічных кампанентаў у кантэксце мастацкага твора і яго перакладу на іншую мову. Напрыклад, У. Караткевіч у рамане «Каласы пад сярпом тваім» для абмалёўкі побыту, звычаяў і гісторыі беларусаў у мінулым свядома выкарыстоўвае лексемы *дзядзькаванне, кляштар, шэлег, ваўкалак, праснак, піліпаўка* і інш. Усе яны не маюць аднаслоўных рускамоўных адпаведнікаў, а таму ў перакладзе тэксту на рускую мову для перадачы іх семантыкі выкарыстоўваюцца розныя спосабы. Адзін з іх – пераклад апісальным зваротам. Параўн.: «*Па дарозе ўзялі без бою, толькі выламаўшы браму, кляштар і за суткі выпілі ў ім усе віны і лікёры*» [3]. – «*По дороге взяли без боя, лишь выломав ворота, католіческий монастырь и за сутки выпили в нем все вина и ликёры*» [4]. Нярэдка перакладчык выкарыстоўвае беларусізмы. Параўн.: «*Па старому, часоў уніі, звычай, які амаль знік у XIX ст., беларускія паны аддавалі сыноў на «дзядзькаванне» (выхаванне) у сялянскія сем'і*» [3, с. 14]. – «*По старому, времен унии, обычаю, который почти исчез в XIX веке, некоторые белорусские помещики отдавали сыновей на «дядькованье» (воспитание) в крестьянские семьи*» [4, с. 11]. Параўн. таксама: «*Хто такі?» – спытаў Мсціслаў. «Ваўкалака, – ашчэрыўшы зубы, сказаў Кондрат* [3, с. 152]. – «*Кто такой?» – спросил Мстислав? «Ваўкалака, – оскалив зубы, сказал Кондрат* [4, с. 121]. Ужыванне беларусізма ў апошнім прыкладзе суправаджаецца каментарыем-спасылкай: «*Волк-оборотень. Благородный герой-разбойник белорусского фольклора*». Мастацкая каштоўнасць прыведзеных вышэй безэквівалентных слоў у рускамоўным кантэксце відавочная: сваім зместам яны адлюстроўваюць своеасаблівасць культуры беларускага народа, дазваляючы глыбей пазнаёміцца з яго рэчаіснасцю. Значная колькасць лексічных адзінак, безэквівалентных у рускамоўным дачыненні, адносіцца сёння да пасіўнай лексікі, мае адценне ўстарэласці, аднак нярэдка з пэўнай стылістычнай мэтай выкарыстоўваецца ў сучасных мастацкіх творах: *васпан* (рус. *форма вежливого обращения к шляхтичу*), *войтаўства* (рус. *должность войта, а также работа, связанная с исполнением обязанностей войта*), *гміна* (рус. *административно-территориальная единица в Польше*), *крэсы* (рус. *название земель Западной Беларуси, находившихся до 1939 года под властью Польши*), *маршалак* (рус. *предводитель дворянства*), *пастарунак* (рус. *название полицейского участка на территории Западной Беларуси до 1939 года*) і інш. Прыведзеныя прыклады сведчаць пра цесную знітаванасць грамадска-палітычнага жыцця народа і мовы, якой ён карыстаецца. Можна дапусціць, што ў праекцыі на польскую мову прыведзеныя лексемы безэквівалентнымі не з'яўляюцца, бо адлюстроўваюць агульныя для беларусаў і палякаў паняцці і рэаліі на пэўных гістарычных зрэзах.

Безэквівалентнасць слова можа быць звязана таксама са спецыфікай нацыянальнай свядомасці таго ці іншага народа. Носьбіты розных этнакультур пасвойму паняццям падзяляюць навакольную рэчаіснасць, у выніку чаго можна гаварыць, напрыклад, пра розную ступень дэталізацыі паняццяў у дзвюх мовах. Параўн.: рус. *бокал* – бел. *куфель* – рус. *бокал для пива*; рус. *месяц* – бел. *маладзік* – рус. *молодой, растущий месяц*; рус. *зола* – бел. *прысак* – рус. *горячая зола*; рус. *звезда* – бел. *знічка* – рус. *падающая звезда* і інш.

Спецыфіка безэквівалентнай лексікі можа праяўляцца таксама і ў яе словаўтваральнай семантыцы, адлюстроўваючы канструктыўныя асаблівасці і ўнутраныя структурныя працэсы беларускай моўнай сістэмы. Так, супастаўленне фактаў дзвюх моў дазваляе гаварыць пра існаванне ў беларускай мове адметнага словаўтваральнага тыпу, які адсутнічае ў рускай мове, – прыставачных дзеясловаў са значэннем неаднаразовага працяглага дзеяння: *папаспяваць, папахадзіць, папашукаць* і інш.

Ужо на старабеларускай моўнай глебе, пераважна ў канцылярска-юрыдычным пісьменстве, даволі актыўна функцыянавалі словы, якія не мелі аднаслоўных адпаведнікаў у старарускай лексічнай сістэме XV–XVII стст.: *готовизна* – *наличные деньги*; *выенце* – *выписка из актовой книги*; *маршалак* – *предводитель дворянства*; *обцовати* – *водитъ знакомство* і інш. У працэсе моўнай эвалюцыі многія з іх былі страчаны, іншыя ж уваходзяць зараз у склад пасіўнага запасу лексікі, аднак з пункту гледжання дыяхраніі такія адзінкі можна назваць умоўна безэквівалентнымі. Дарэчы прыгадаць, што адным з набыткаў айчынай лексікаграфіі з’яўляецца слоўнік безэквівалентнай лексікі «Старабеларускі лексікон», куды ўвайшлі словы старабеларускай мовы, «якім у сучаснай беларускай літаратурнай мове адпавядаюць адрозныя лексемы» [5]. Згодна з рээстрам слоўніка, безэквівалентнымі з’яўляюцца такія лексемы, як ст.бел. *мысливецъ* – бел. *паляўнічы*; ст.бел. *назвиско* – бел. *назва, прозвішча*; ст.бел. *наступца* – бел. *пераемнік*, ст.бел. *новотный* – бел. *новы*; ст.бел. *оборонатай* – бел. *абаронца*; ст.бел. *прыснути* – бел. *захвалявацца*; ст.бел. *битный* – бел. *смелы, мужны* і інш. Няцяжка заўважыць, што ўкладальнікі дадзенага лексікаграфічнага выдання пайшлі нетрадыцыйным шляхам, адступіўшы ад агульнапрынятага разумення тэрмінаў «безэквівалентнасць», «безэквівалентная лексіка» і напоўніўшы іх абсалютна новым зместам.

Назіранні паказваюць, што многія з безэквівалентных адзінак паводле сваіх генетычных вытокаў з’яўляюцца спрадвечна беларускімі: *бакоўка*, *бульбянішча*, *маладзік*, *мядніца* ‘медны таз’ і інш. Разам з тым, даволі вялікую колькасць складаюць словы іншамоўнага паходжання, у прыватнасці, запазычаныя з польскай (*заценак*, *жычка* ‘чырвоная стужка’, *дзедаўшчызна*), нямецкай (*фальварак*, *гута*, *куфель* ‘бакал для піва’, *мураваць*, *рышток* ‘вадасцёчная канаўка’, *андарак* ‘саматканая спадніца’), чэшскай (*брама*), французскай (*фатэль* ‘мяккае крэсла’) і іншых моў. Наяўнасць прыведзеных безэквівалентных адзінак у беларускай мове з’яўляецца вынікам яе цеснага кантактавання з роднаснымі і няроднаснымі мовамі на розных гістарычных этапах развіцця.

На працягу стагоддзяў беларускія землі адыгрывалі даволі важную ролю ў зносінах паміж Маскоўскай Руссю і Заходняй Еўропай. Вялікае княства Літоўскае, а затым Рэч Паспалітая, у склад якіх уваходзілі этнічныя землі Беларусі, былі буйнымі дзяржавамі ў цэнтры Еўропы, праз іх праходзілі гандлёвыя і гаспадарчыя шляхі, наладжваліся культурныя і палітычныя стасункі. Да таго ж, вядома нямала прыкладаў уплыву беларусаў на духоўную і матэрыяльную культуру Маскоўскай Русі, якая, як адзначаюць даследчыкі, «на працягу XVI–XVII стст. прыняла дзiesiąткі тысяч перасяленцаў з Беларусі – беглых сялян і так званых «паланянікаў» – таксама пераважна сялян, вывезеных у час вайны [1654–1667 г. – аўт.] рускімі баярамі. ...Перасяляліся і беларускія рамеснікі, якія многа зрабілі для ўдасканалення тэхналогіі некаторых галін вытворчасці, уявілі ва ўжытак раней не вядомыя рускім майстрам інструменты і нават паклалі пачатак шэрагу рамёстваў» [6]. У такой сітуацыі адбывалася пастаяннае ўзбагачэнне рускага лексікону словамі беларускага і заходнееўрапейскага паходжання, пры гэтым старабеларуская мова выконвала ролю пасрэдніцы паміж рускай мовай і мовамі Захаду – польскай, нямецкай, чэшскай і інш. У навуковай і вучэбнай літаратуры прыводзяцца прыклады больш ранняй фіксацыі слоў заходнееўрапейскага паходжання ў беларускай мове, чым у рускай. Так, лексема *пракурор* упершыню датуецца ў рускай мове XVIII ст., у беларускай – 1509 г., *штык* – пачаткам XVIII ст. і 1541 г. адпаведна, *апеляцыя* – 1704 г. і 1566 г., *апрабацыя* – 1710 г. і 1555 г., *арэнда* – 1656 г. і 1516 г., *арфа* – 1698 г. і пачаткам XVI ст. і г.д. [7]. Гэта дазваляе выказаць меркаванне, што асобныя запазычаныя маглі «не дайсці» да рускай мовы, паколькі яна ў сілу аб’ектыўных прычын не спазнала такога моцнага уплыву

з боку заходніх моў, асабліва польскай (а праз яе ў старабеларускую пранікла і большасць германізмаў), у той час як слоўнік старабеларускай мовы актыўна папаўняўся за кошт запазычанняў. Пранікненню грамадска-палітычнай лексікі спрыяла яшчэ і тое, што ў Вялікім княстве Літоўскім, а затым ў Рэчы Паспалітай побач з беларускай паралельна функцыянавала насычаная лацінізмамі і заходнееўрапейцамі польская мова (*маршалак, солтыс 'сельскі староста ў Заходняй Беларусі', войт, трыумфаваць*). І гэта невыпадкова: найбольш цесныя гаспадарчыя сувязі ў XV–XVI стст. падтрымліваліся з Польшчай, што таксама не магло не адлюстравацца ў лексіцы: *мур, мураваць, пытляваць 'дробна размолваць і прасейваць зерне', футраваць* 1) падшываць футрам; 2) абшываць дошкамі'. Узорам для беларускай знаці была польская шляхта і заможнае мяшчанства, ад якіх пераймаліся не толькі прадметы побыту, але і іх назвы: *куфель* 'бакал для піва', *гарнец* '1) мера сыпкіх і вадкіх цел; 2) пасудзіна ёмістасцю 3,28 літра', *андарак* 'саматканая спадніца', *трунак* 'напой', *шмалец* 'гусіны тлушч'. Урэшце, з польскай мовы ў старабеларускую прыйшлі словы, якія ўжываліся ў сферы рэлігійнага жыцця: *кляштар, плябан* 'пробашч, які кіруе вясковай парафіяй', *плябанія* 'парафія', *пробашч, фэст* 'царкоўнае прастоўнае свята'. Увогуле, як адзначае А.М. Булыка, у старабеларускім слоўніку лексемы лацінскага, польскага і нямецкага паходжання па сваіх колькасных паказчыках складалі найбольшую ўдзельную вагу, што тлумачыцца «як пастаяннымі эканамічнымі і палітычнымі зносінамі нашых продкаў з заходнімі суседзямі, так і распаўсюджаннем на беларускіх землях ідэй рэфармацыі» [8]. Ужыванне шматлікіх запазычанняў засведчана пісьмовымі помнікамі рознай жанравыстасці – Статутам Вялікага княства Літоўскага (XVI ст.), біблейскімі кнігамі Ф. Скарыны (XVI ст.), перакладнымі гістарычнымі апавесцямі, у тым ліку перакладам «Александрый» ў пачатку XVII ст., і інш. Адзначым, што большасць названых найменняў была ўласціва і жывой беларускай мове XIX ст., пра што сведчыць іх фіксацыя ў «Слоўніку беларускай мовы» І. Насовіча (1870). У параўнанні з сучаснай беларускай мовай асобныя з іх у той час мелі іншую словаўтваральную аформленасць: *бруковка 'брукаванка', гарбузовнік 'гарбузнік'*.

Такім чынам, трывала замацаваўшыся ў лексічнай сістэме беларускай мовы, памянёныя вышэй лексемы па розных прычынах не сталі здабыткам рускай мовы і сёння не маюць у ёй семантычных эквівалентаў. Патрэбы перакладчыцкага характару вымушаюць перадаваць значэнне такіх слоў зваротамі рускай мовы: *бляха – кровельное железо; засценак – усадыба мелкаго помещика; жычка – лента красного цвета; дзедзюшчына – дедовское наследие; маршалак – предводитель дворянства; гута – предприятие по производству изделий из стекла; куфель – пивной бокал; мур – каменная или кирпичная стена; дыля – толстая доска; рышток – водосточная канавка; рантух – большой платок; брама – главный въезд в виде двухстворчатых, крытых свеху ворот* і г.д.

Як мяркуюць даследчыкі, «прыкладна трэцяя частка запазычанняў прыняла на новай глебе актыўны ўдзел у словаўтваральным працэсе, даўшы ў выніку плённага прымянення беларускім насельніцтвам ўсходнеславянскіх словаўтваральных мадэлей значную колькасць дэрыватаў» [8, с. 115]. Не будзе лішнім заўважыць, што і сярод безэквівалентных у рускамоўным дачыненні слоў сустракаецца вялікая колькасць спецыфічна беларускіх адзінак, утвораных ад запазычаных асноў рознымі спосабамі: *бляхарня* 'майстэрня па вырабе бляхі', *брукаванка, крамніна* 'тканіна фабрычнага вырабу; адзенне з гэтай тканіны', *мураванка* 'пабудова з каменю ці цэглы', *цукроўня* 'прадпрыемства па вытворчасці цукру' і г.д. Пры гэтым утваральнае слова не абавязкова з'яўляецца безэквівалентным. Параўн.: *бел. жабрак (рус. нищий) → бел. ажабрачыць (рус. сделать нищим), бел. бляха (рус. жесть) → бел. бляхарня (рус. жестяная мастерская), бел. вар'ят (рус. сумасшедший) → бел.*

вар'яцець (рус. *сходитъ с ума*). Безэквівалентныя словы ўтвараліся таксама і на аснове спрадвечнабеларускага моўнага матэрыялу, напрыклад: *замнога*, *зацёплы*, *зачырваніць*, *прысутуліцца*, *папалятаць*, *папанасіць*. Як правіла, гэтыя намінацыі – вынік словаўтваральных працэсаў, якія адбываліся на беларускай моўнай глебе ў канцы XIX – пачатку XX ст.

Заклучэнне. Праведзенае даследаванне дазваляе зрабіць вывады, што безэквівалентная лексіка з'яўляецца адным са спосабаў выяўлення асноўных этнаграфічных асаблівасцей і нацыянальных адметнасцей народа на розных гістарычных этапах яго развіцця. Наяўнасць безэквівалентных слоў у беларускай мове можна патлумачыць не толькі адсутнасцю адпаведных рэалій у рускага народа. Апрача пазамоўных прычын, у існаванні дадзенай групы лексікі могуць быць і іншыя падставы, у тым ліку нацыянальная асаблівасць сістэмы спосабаў моўнага адлюстравання.

Вывучэнне безэквівалентнай у рускамоўным дачыненні лексікі адкрывае шмат цікавых аспектаў перад мовазнаўцамі. Праблема лексічнай безэквівалентнасці цесна звязана таксама са своеасаблівасцю граматычнага ладу моў, якія супастаўляюцца. Чакаюць свайго вырашэння пытанні, звязаныя з семантызацыяй самога тэрміна «безэквівалентнае слова», дэталёвага вывучэння патрабуюць прычыны лексічнай безэквівалентнасці, шмат спрэчных момантаў і ў якасным складзе безэквівалентнай лексікі. Да ўсяго, сэнна у сітуацыі білінгвізму ў сучасным грамадстве, калі беларуская мова ўжо шмат чаго страціла і страчвае са сваёй лексічнай адметнасці і самабытнасці, вельмі важным уяўляецца не звужаць абсяг ужывання беларускага слова, а, наадварот, падкрэсліваць тыя яго рысы, якія даюць сутнасную характарыстыку мове і сведчаць пра яе нацыянальна-культурную адметнасць, індывідуальнасць і непаўторнасць. У гэтым сэнсе вывучэнне з'явы лексічнай безэквівалентнасці – актуальны і перспектыўны напрамак сучасных лінгвістычных даследаванняў.

ЛІТАРАТУРА

1. **Шкраба, І.Р.** Слоўнік беларускай безэквівалентнай лексікі / І.Р. Шкраба. – Мінск, 2008. – 320 с.
2. **Роўда, І.С.** Рознаўзроўневая намінатывная адпаведнасць беларускай і рускай моў (у сувязі з праблемай лексічных лакунаў) / І.С. Роўда. – Мінск, 1999. – 170 с.
3. **Караткевіч, У.** Збор твораў: у 8 т. Т. 4. Каласы пад сярпом тваім: Раман, кн. 1 / У. Караткевіч. – Мінск, 1989. – С. 177.
4. **Короткевич, В.** Колосья под серпом твоим: Роман. Книги первая и вторая. Авториз. пер. с бел. В. Щедриной. – Минск, 1977. – С. 140.
5. **Прыгодзіч, М.Р.** Старабеларускі лексікон. Падручны перакладны слоўнік / М.Р. Прыгодзіч, Г.К. Ціванова. – Мінск, 1997. – С. 3.
6. **Функционирование русского языка в близкородственном языковом окружении.** – Киев, 1981. – С. 250.
7. **Бордович, А.М.** Сопоставительный курс русского и белорусского языков: учеб. пособие / А.М. Бордович, А.А. Гируцкий, Л.В. Чернышова. – Мінск, 1999. – С. 54.
8. **Булыка, А.А.** Даўнія запазычаныя ў сучаснай беларускай мове / А.А. Булыка // Рэгіянальныя традыцыі ва ўсходнеславянскіх мовах, літаратурах і фальклоры. – Гомель, 1980. – С. 114.

S U M M A R Y

The article deals with the questions connected with the origin of words of the Belarusian language, which have no equivalent in their Russian meaning, and their functioning in the old Belarusian language.

It is assumed that a word without an equivalent represents the result of close relations of the Belarusian language with related and unrelated languages in different historical periods

Поступила в редакцию 29.07.2007

УДК 792(476.5)(091)

Т.В. Котович, А.А. Малей

Цветовая триада в спектаклях Коласовского театра: семантика черного- белого-красного

Восприятие цвета в сценическом искусстве является одной из серьезных проблем осмысления структуры театрального произведения. Наибольший процент всего поля восприятия составляет именно цвет. В создании спектакля цветовые партитуры имеют одно из решающих значений. Цель статьи – выявление семантики цветовой архетипической триады в спектаклях Национального академического драматического театра имени Якуба Коласа о великих художниках XX века в постановке заслуженного деятеля искусств Беларуси Виталия Барковского. Через сопоставление цветовых сценических партитур, анализ знаковости колористических систем в спектаклях и исследование трансформации цветовой триады с помощью теоретического моделирования и компаративного анализа мы выявляем цветовые соотношения в визуальном образе как программное выражение смысловых полей спектаклей. В театроведческой литературе данный ракурс исследования пространства и структуры сценического произведения не использовался. Именно в спектаклях «Шагал... Шагал», «Мадам Боншанс» и «Роза в чистом поле» по пьесам В. Дроздова наиболее четко прослеживается связь семантики и структуры художественного произведения, выявленная через значение цвета.

Спектакль «Шагал... Шагал», созданный по пьесе «Прямой вагон до Парижа со всеми пересадками», в своей структуре представляет ритуальное произведение. Режиссерский ход выявлен через черно-белую фотографию, которая возникает перед зрителем и в то же самое время во внутреннем пространстве главного героя – Марка Шагала (Г. Гайдук). Сделанная в начале века, она оживает перед угасающим взором старого художника, сопровождая его в пограничный мир бытия-небытия. Мир его детства и юности возникает как воспоминание, явь и Витебск: «Мой город, меня не забыл ты еще?! Река твоя в теле моем течет...», – рефреном через весь спектакль звучат стихи Марка Шагала. То, что писал Марк Шагал в своем знаменитом письме родному городу, становится мистикой спектакля: актеры выносят на руках витебские белые домики и зажигают внутри них лампочки – и начинается мистерия Города: кульминационная сцена спектакля «Шагал...» – Полет Города во вселенной, когда в полной темноте пустого сценического пространства кругами, зигзагами, волнистыми линиями Город, светящийся огнями окошек, вибрирует, движется, взлетает, пульсирует, а потом, сжимаясь в небольшой уютный белый кружок с домиками, синагогами, костелом, ратушей, опускается у первого зрительского ряда, у ног актеров.

Над белым городом и Шагалом нависал громадой со второго плана большой черный стол, который несли, покачиваясь, персонажи памяти – словно во сне. Стол был визуально больше, чем город: второй план как бы наплывал

на первый. Стол не только центр дома и центр еврейского праздника бармицвы, он – и крыша дома, с которой Шагал взлетал в небо вместе с первой своей возлюбленной, и пол разоренного большевиками дома родителей жены Шагала, и рама картины, в которой впервые возникает Белла с руками, похожими на крылья большой и красивой птицы, и скамейка для персонажей старой фотографии.

На сцене витебского театра стояли актеры в черном, и медленно-медленно вся эта старая фотография погружалась в темноту, а потом все увидели, что в маленьком домике Города, лежащего у ног, не погасла лампочка, словно в угасающем сознании героя светился последний островок памяти.

Структура из цепи эпизодов, которую можно длить сколь угодно долго или прервать любой момент. Цепь открыта и кажется разомкнутой, но на самом деле это – круг. Первое и последнее звенья соединены. Внутри – кристалл спектакля: грани состояний – фрагменты памяти. Спектакль основан на перетекании эпизодов, их наложении, их контрапунктах. Принципиально смещена логика действия и места. Структура спектакля – сгармонизированные партитуры: 1) музыкального ряда, основанного на пентатонике еврейского мелоса; 2) соотношенности статики, танца и ритуалов в пластическом ряде; 3) отсутствие колорита и жесткая графичность в визуальном ряде; 4) некоторая замедленность актерской манеры.

В спектакле В. Барковский использует только два цвета: черный и белый. Принципиальный отказ от всей шагаловской живописной гаммы и обращение к графике художника представляет собой не просто акцентирование определенной стороны деятельности героя. Действительно, образный ряд постановки подчеркнут ее сюжетом. Однако наиболее важным видится глубина противостояния мира небытия и бытия, тьмы и света, смерти и жизни. Использование черного и белого для постановщика является еще и принципом отказа от любого цвета вообще и сосредоточением на семантике архаической двоичности в структуре мира.

Второй спектакль из серии – «Мадам Боншанс», главными персонажами которого являются художники Хаим Сутин и Амедео Модильяни.

Хаим Сутин и Амедео Модильяни... Несхожие крайности, один из них так никогда и не сумел научиться порядку и манерам, другой и в чудовищном алкоголизме не утративший предельного аристократизма. Сами их имена говорили за себя... Один – прорыв яростного кровавого цвета сквозь узкий, суровый и насыщенный мазок. Другой – мёд и медь, льющиеся тонкой золотой нитью и творящие невероятно изящную линию, способную одним изгибом создать небесно бесплотный образ.

В. Барковский искал новый ход для нового спектакля, премьера которого должна была состояться на фестивале искусств в Эдинбурге, где годом раньше «Шагал... Шагал» был удостоен одного из главных призов в программе Fringe. Режиссер не просто не хотел повторяться после «Шагала...». Он думал о притяжениях и отталкиваниях творцов. В «Шагале...» – композиция круга, из которого по радиусу «вырезаются» фрагменты, укрупняющиеся перед зрителем, снова возвращающиеся в круг и бесконечно рифмующиеся в нем. В «Мадам Боншанс» – постижение нерва героев, противоположных людей и художников, через структуру из 17 фрагментов-эпизодов, которая подобно дуге связывает нежность, гибкость, тонкую интеллигентность с яростью, экспрессивностью и порывистостью. Однако В. Барковский вывернул, словно перчатку, сущность обоих персонажей: Сутину (Г. Гайдук) он отдал самые нежные интонации, заставив зрителей искренне любить и сочувствовать ему, а резкие и напряженные сцены построил для Модильяни (С. Астратович). Это было не только переменной знака. Если в «Шагале...» художественная форма спектакля соотносилась со структурами шагаловских картин, то в «Мадам Боншанс» она совпадала с подсознанием персонажей и была сценическим актом психоанализа.

Режиссер соединил параллельные линии трагедии двух художников через сцену оплакивания Модильяни, которая по стилю соотносима с античным трагедийным действием, завершающимся эпизодом «лунной дороги» с огромными плексиглазовыми щитами (они же – картины в Лувре, столики в «Ротонде», двери в La Rouch, и даже военное облачение...), названными одним немецким критиком на фестивале Neue Stucke aus Eugore (Боннское Биеннале – 2002) иконами. Один из этих щитов становился надгробием Модильяни, к которому приходил Сутин и которое в финале спектакля совсем неожиданно превращалось в картину Модильяни, так сильно влекущую к себе Сутина.

Цветовая партитура спектакля представляет собой в основе черно-белую структуру, однако в ее вкраплен красный цвет. Это – пояс на костюме Сутина. Акцент кажется, на первый взгляд, незначительным. Тем не менее он возникает постоянно и к финалу постановки становится значительным цветовым пятном. Возникая как намек, красный все более настойчиво привлекает внимание.

Белый и черный вызывают чувства, образуемые парами: благо – зло, чистота – нечистота, счастье – несчастье, жизнь – смерть, свет – тьма. В этом случае белый и черный выступают как выражение высшего уровня в модели мира. В ритуалах же тесная связь присутствует между белым и красным, а черный выражен неявно. Тогда триада представляет собой следующее: белое – позитивное, красное – двойственное, черное – негативное.

Как свидетельствуют различные словари символов [1], быть белым – значит быть в правильных отношениях с живым и мертвым, быть здоровым и невредимым. Белое является символом радости, еды, зачатия, вскармливания. Белые знаки символизируют и гармонию с мертвыми. Белый – это все явное, очевидное и открытое. Это – дневной свет. И это – источник всего сущего. Белое означает и неоскверненность, в моральном и ритуальном смыслах: белизна и чистота во всех отношениях идентична признанию определенного социального статуса.

Красное обладает, как мы отмечали выше, двумя качествами и значениями. Оно связано с агрессией и плотскими желаниями. Красный обозначает и функцию жизни, в том смысле, что красный цвет – мужчина, отнимающий жизнь; и женщина, дающая жизнь. Оба обозначения напрямую связаны с кровью.

Большинство охотничьих ритуалов сочетает красное с белым. Сочетания «белое – красное» связано с активными состояниями. Красный в этой паре – сила, белый – жизнь. Красный в таком единстве представляет собой антитезу белому: мир – война, молоко – мясо, семя – кровь. А вместе красное и белое символизируют жизнь, и вместе они противостоят черному как отрицанию и смерти.

«Роза в чистом поле, или Портрет художника с Музой и Смертью» – последний спектакль из витебской трилогии о выдающихся мастерах искусства XX века. Его герой – Юрий Пэн, первый художник Витебска.

Здесь он, выпускник Петербургской Академии художеств, ученик великого наставника всех художников России Павла Чистякова, появился в 1896 году и через год открыл Школу рисования и живописи, через которую прошли сотни учеников, ставших потом всемирно известными художниками. О нем писали, что он занимает в искусстве место только как учитель знаковых фигур – Шагала, Цадкина, Эль Лисицкого. Или как бытописатель еврейского местечкового окружения. Но, думается, самое значительное в том, что Пэн создал в Витебске художественную атмосферу, энергетическое поле Города. Он стал катализатором пространственно-временного континуума под названием Витебская художественная школа.

Спектакль, показанный в разных городах, – психологически-бытовой, сюжетный. Он основан на драматургическом материале В. Дроздова, ясном

и последовательном в воссоздании хронологических эпизодов одного дня, даже одного вечера из жизни Пэна, последнего его вечера. В ночь на 1 марта 1937 года 83-летний художник был убит в своей мастерской на углу тогдашней Соборной площади. Однако у этого спектакля был один-единственный необычный показ. Между огромными зеркалами, в огромных пустых рамах с колокольчиками, с белыми одеждами на персонажах. Слайды работ Пэна, проецируясь прямо на силуэты, казалось, оживали и двигались. Сами герои были подобны на тени, плывущие по мастерской и растворяющиеся в картинах.

В. Барковский растягивал ритм, чтобы постигнуть загадку Пэна, понимая, что за реалистическими местечковыми лицами прячется некая тайна, понимая, что не так все ясно и просто на картинах Пэна. Иначе ничего бы в Витебске не произошло... А коль скоро все-таки произошло, то Пэн – потайная дверца в энергетическую суть Витебска. И В. Барковский захотел ее приоткрыть.

Спектакль начинался белой интродукцией... Персонажи говорили медленно и медленно двигались, словно стремились как можно дольше длить последний час жизни художника, словно хотели задержать судьбу на пороге его мастерской. Рядом со старым Пэном (Ф. Шмаков) возникала фигура Пэна молодого (А. Андриенко)... По сцене кружили Арлекины... Две Музы и две Смерти... Мир двоился, как будто художник всматривался и вслушивался сразу во время и в вечность, сопрягая их в общую метафизику. Визуально режиссер повторял рифмы «Шагала...», где главный герой также отстранялся от действия, и все происходящее на самом деле совершалось в его внутреннем мире, а все остальные персонажи возникали из музыкального пространства и музыкального времени, словно звуки, ноты и цвет. «Нужно быть красивым», – постоянно повторяет Пэн.

В. Барковский начал трилогию с черного, провел через красный и вывел ее в белый цвет. Через трагедию и ярость – в мудрость бытия.

В культуре троичную классификацию связывают с цветом [2]. Главными цветами культуры выступают черный, белый и красный. У многих племен, как подмечает В. Тэрнер, другие цвета являются производными. Каждый из трех цветов имеет в разных культурах множество значений, но определяющие всегда совпадают, т.к. связаны они с человеческим телом и осознанием сильных физиологических переживаний [2]. Поскольку эти переживания превосходят обыденные, то и воспринимаются они как состояния с избыточной энергией, и им приписывается космическое происхождение и социальное бытие. И коль скоро человек по аналогии с физическим опытом в состоянии описать природу, он классифицирует ее явления через те чувства, которые превосходят по силе все прочие переживания. Он приписывает природе символику цвета, так же, как и воспринимает социальные отношения по тем же цветовым обозначениям.

В бытовой повседневности человек руководствуется состоянием, настроением, сиюминутными реакциями на происходящее. Неотрефлексированность является и основой, первотолчком к дальнейшему смыслению явления и события, и их анализу. И действительно, «мы имеем дело с древнейшими, лучше сказать, изначальными типами, т.е. испокон веку наличными всеобщими образами», т.е. архетипами [3]. К.Г. Юнг определяет их как основу коллективного бессознательного, а значит, мы вправе определить их как начало нити, связующей все уровни мироздания. Платон же рассматривал архетипы как основание вселенной, как суть мира и его начало, т.е. начало нити, в его представлениях, располагалось на другом уровне бытия мира. Мы в своих рассуждениях базируемся на точке зрения Р. Тарнаса о том, что «природа действительно не просто феноменальна, не является она и независимой и объективной: скорее, это нечто такое, что выявляется к жизни самим актом человеческого познания» [4]. Тогда природа и человеческое бессознательное прониза-

ны друг другом, и человеческое воображение находится в прямой связи с внутренними процессами природы, а «образная интуиция – не субъективное искажение, а завершение человеком сущностной целостности этой реальности, которую дуалистическое восприятие расколото пополам» [4, с. 368]. Архетипы Платона и архетипы Юнга объединены в опытах С. Грофа [5], которые выявили процессы, происходящие на биологическом уровне, но с отчетливым отпечатком архетипического ряда, потрясающего своей глубиной и значимостью.

Заключение. При сопоставлении цветowych партитур трех спектаклей В. Барковского о великих художниках XX века мы обнаруживаем акцент на знаковой природе использования цвета в создании визуального образа сценического произведения. Колористическая триада в сценическом мышлении режиссера эволюционирует от черно-белого через красное к специфически белому. Семантика цветовой триады выявляется как архетип троичной архаической классификации мира в создании художественной картины мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тресиддер, Дж.* Словарь символов / Дж. Тресиддер. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001.
2. *Тэрнер, В.* Проблема цветовой классификации в примитивных культурах / В. Тэрнер // Семиотика и искусствометрия / под ред. Ю. Лотмана. – М., 1972. – С. 50–82.
3. *Юнг, К.Г.* Архетип и символ / К.Г. Юнг. – М.: Ренессанс, 1991.
4. *Тарнас, Р.* История западного мышления / Р. Тарнас. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1995.
5. *Гроф, К.* Неистовый поиск себя: руководство по личностному росту через кризис трансформации / К. Гроф, С. Гроф. – М.: ООО «Изд-во АСТ», 2003.

S U M M A R Y

The subject of this article is the color structure of Barkovsky's plays about the great artists of XVth century.

Поступила в редакцию 20.10.2009

УДК 78:37(510)(091)

Ху И Цзюань

Музыкальное образование в Китае конца XIX и начала XX века

После Опиумной войны 1840 г. в Китае в условиях постепенного развития капитализма в рядах феодального господствующего слоя происходит раскол. В этой стране распространяется западная продукция, а вместе с ней и западная культура. Ряд высокопоставленных чиновников династии Цинь активно поддерживают задачу изучения иностранной культуры, науки и техники, языка и литературы. Идея о «совместном использовании восточного и западного», для достижения богатства и могущества становится все более популярной [1].

Под влиянием широкого распространения настроений приверженцев западных традиций циньское правительство проводит некоторые реформы в сфере музыкального образования. Оно производит ликвидацию старых форм подготовки и режима отбора специалистов, организует создание новых школ, ориентированных на углубленное изучение достижений западной науки и тех-

ники, освоение лучших образцов западной культуры, одновременно внедряя новые методы в систему подготовки специалистов. Одна за другой появляются школы нового образца. Например, с 1862 г. возникает множество школ в Пекине, Шанхае, Гуанчжоу, изучающих «западную культуру». Подобные школы появляются с 1867 г. в Шанхае, Фуцзене и др. Это – современные Университет коммуникаций Шанхая, Пекинский университет и некоторые другие крупные университеты.

Однако, вплоть до конца XIX века во всех этих школах нового образца изучение музыки не было обязательной дисциплиной. В 1901 г. шанхайское местное правительство учреждает начальную школу при общественной школе «Наньян», где впервые официально проводились уроки музыки. С этого момента начинается история музыкального образования в государственных школах и школах, созданных на средства населения.

Исходя из определения рубежа XIX–XX вв. как переломного момента в истории музыкального образования в Китае, цель данной статьи – выявить пути и формы развития системы музыкального образования в Новом Китае; определить заимствование способов музыкального образования из восточных культур; проанализировать методы копирования систем образования Западной Европы.

Материал и методы. Основным *научным методом* при исследовании названной проблемы стал метод исторического обобщения, а также методы анализа и синтеза. Исследование основывается на анализе музыковедческой и юридической литературы.

Новые школы в Китае создавались, в основном, по японским моделям. 15 августа 1902 г. циньское правительство приняло первый в истории Нового Китая государственный документ, который определял систему школьного образования. Однако данный документ не предусматривал введение уроков музыки в систему образования. (Эта система образования хотя и была опубликована, однако так и не была приведена в жизнь). Несмотря на данный документ, в некоторых школах все же проводились уроки музыки. Например, в яслях, открытых в городе Еньтай, в детском образовании были включены уроки, где дети прослушивали фортепианное исполнение, а также двигались и рисовали под музыку. В октябре 1902 г. в Шанхае была основана женская школа, в которой проводились уроки пения преподавателями из Японии. Известный музыкант Шэнь Синьгун, вернувшись из Японии, где он получил образование, также работал преподавателем музыки в данной школе. Кроме того, в феврале 1903 г. в начальной школе при университете коммуникаций в Шанхае он учредил уроки пения, активно развивал музыкальное движение, чем оказал огромное влияние на систему образования в этом вузе. В 1903 г. во Внутренней Монголии в Китае была также создана женская школа, где два раза в неделю проводились уроки музыки преподавателями из Японии. В женской школе имени Святой Марии, образованной американским христианским сообществом в Шанхае в 1881 г., начиная с 1903 г. также проводятся занятия на фортепиано и фисгармонии.

В 1904 г. циньское правительство издает очередной документ по регулированию системы образования. Он является первым в истории Нового Китая документом, который был не только опубликован, но и повсеместно приведен в исполнение.

В документе давалось подробное определение вопросов системы образования, списка дисциплин в учебных заведениях, административных вопросов и системы регулирования учебного процесса. Опубликование и приведение в исполнение данной системы явилось знаковым событием, которое ознаменовало собой распад традиционной феодальной системы образования, длив-

шейся в течение нескольких тысяч лет, и создание системы образования Нового Китая, основанной на перенимании западных традиций. Несмотря на то, что в этом документе музыкальное образование не было определено как официальная дисциплина, но, по крайней мере, здесь уже говорилось о содержании уроков пения в яслях и детских садах. Документ демонстрирует осознание его создателями того значения, которое может оказать музыка на здоровое психическое и физиологическое развитие детей. В этот период во многих других местных школах также появляются уроки музыки. Например, в шанхайской школе, образованной миссионером французского сообщества имени Иисуса, педагогическом училище провинции Цзянсу, университете Цилу провинции Шаньдун, а также в женской школе, образованной в Шанхае известным педагогом Цай Юань Пэй в 1903 г. Почти во всех этих учебных заведениях с 1904 г. стали проводить общие уроки по музыке, которые впоследствии вошли в учебную программу этих заведений. А в августе 1906 г. в педагогической школе Лянцзян г. Наньцзина музыка стала преподаваться на основных и дополнительных занятиях. Они включали теорию музыки, фисгармонию, фортепиано, пение, в основном использовалось обучение по нотам (нотоносцам) и т.д.

Результаты и их обсуждение. В 1906 г. циньское правительство формирует министерство образования, которое становится высшей административной единицей по вопросам образования по всей стране. Начиная с этого момента, путем постановлений и реформирования, уроки музыки постепенно начинают входить в программы учебных заведений разных уровней. Например, опубликованный в 1907 г. документ о женском образовании постановил: начать проведение уроков музыки в начальных школах для девочек, высших учебных заведениях и в женских педагогических учебных заведениях. Данный документ определил изучение музыки в женских учебных заведениях как факультативный предмет, время занятий не было определено, содержание включало изучение хорового исполнения песен в один голос. В педагогических женских школах уроки музыки проводились в течение 4 лет, в первый и второй год уроки музыки проводились раз в неделю, в третий и четвертый год – два раза в неделю, содержание включало изучение унисона, хорового исполнения, способов аккомпанемента на музыкальных инструментах и методики обучения музыке.

Здесь важно отметить, что во всех вышеупомянутых учебных заведениях уроки музыки носили характер «дисциплины по своему усмотрению» (факультативный предмет), и это продолжалось вплоть до 1912 г., когда была образована Китайская Республика. После этого был издан официальный документ, в котором определялось, что проведение уроков музыки в младших школах должно проводиться в обязательном порядке, с тех пор музыка перестает носить исключительно «факультативный» характер.

Общее музыкальное образование в Китае с этого времени также вступает в новый исторический этап: музыкальные уроки, которые проводились во вновь созданных школах, а также песни, которые исполнялись учениками, стали называться одним словом «Юегэ» («пение в сопровождении оркестра»). Данное название полностью отразило сущность музыкальных уроков, проводимых в школах нового образца, и связанной с ними новой музыкальной культуры. С помощью передачи искусства исполнения Юегэ и с помощью музыкального образования, проводимого в школах Юегэ, студенты начали знакомиться с музыкальными достижениями западного общества.

Например, такими, как передача знаний с помощью упрощенных нот (в которых нотные знаки написаны арабскими цифрами), знакомство с европейской системой нотной записи, с новой формой коллективного исполнения музыкальных произведений, с неизвестными ранее принципами построения

формы при создании новой музыки и т.д. Все это оказало глубокое воздействие на развитие новой музыки Китая в последующий период (новая музыка – это музыка последних лет династии Цинь, когда происходило постепенное освоение западных традиций, музыка, которая не похожа на традиционную музыку предшествующего периода) [2].

Происхождение школ Юегэ можно отнести к 1898 году. Именно в это время в созданной под предводительством Кан Ювэй школе уроки музыки внедряются в процесс образования наравне с такими предметами, как язык и литература, математика, физика и т.д. [3]. По мере расширения проведения уроков музыки в школах нового образца в обычных школах возникает некое подобие музыкально-культурного образования, то есть музыкального образования, в основе которого лежат знания о новых песнях и европейской музыке. Этот период характеризуется и тем, что очень многие представители интеллигенции отправляются за границу для изучения иностранной науки и культуры. Например, Чэнь Синьгун, Ли Шутун и др. отправились на учебу в Японию, где они занимались изучением и исследованием музыки, организовывали музыкальные сообщества, создавали новые музыкальные произведения, издавали музыкальные печатные издания, а также активно участвовали в концертных исполнениях и т.д.

Их творческое участие в музыкальной жизни Японии, знакомство с иностранной системой музыкального образования по возвращении на родину способствовали возрождению и развитию музыкальной жизни в Китае Нового времени. Можно сказать, что школы Юегэ определили основное содержание музыкального образования в обычных школах. Они также повлияли на нравы и обычаи того времени, что является неизбежной тенденцией развития какой-либо эпохи.

По мере повсеместного распространения уроков Юегэ, создания песен Юегэ и появления множества материалов, образовательная система Юегэ получает широкую популярность среди музыкантов того времени. Изданная в 1904 г. Чэнь Синьгуном книга «Собрание материалов по пению для школ» является самым первым сборником музыкальных материалов в истории Китая.

Однако, до 1915 г. совместными усилиями многих школ было издано уже не менее 70 видов различных пособий для изучения музыки. Это имело очень большое значение для музыкального образования того времени. Среди наиболее популярных и любимых всеми музыкальных произведений Юегэ можно выделить часть произведений на патриотическую тематику, например, «Китайские мальчуганы», «Когда же будет пробуждение» и некоторые другие. Есть часть произведений Юегэ, в которых отражаются жизнь и чувства студентов и учеников, например, «Гимнастика», «Бамбуковая лошадка» Чэнь Синьгуна, «Весеннее путешествие», «Проводы» Ли Шутуна и т.д. Такого рода произведения пользовались огромной популярностью среди студентов.

Так как на то время китайская интеллигенция в полной мере все еще не была знакома с творчеством и достижениями западной музыки, произведения того времени, в основном, создавались путем накладывания новых слов на старые песни. Мелодии, в основном, происходили из японских, европейских или американских песен, это были мелодии популярных или военных композиций с новыми китайскими словами. К этому типу музыки можно отнести такие произведения, как «Китайские мальчуганы», «Когда же будет пробуждение» и т.д. Конечно же, было небольшое количество и таких произведений, в основе которых лежали традиционные китайские мелодии или народная музыка. Кроме того, существовала часть песен, которые были созданы отдельными композиторами, среди них можно выделить «Весеннее путешествие» Ли Шутуна. Это произведение создано на основе песни в три голоса, написанной традиционным

для Китая гармоничным способом. Это произведение является первым в истории нового Китая произведением многоголосной вокальной музыки.

В процессе подъема и развития школы Юегэ возникает первая в истории нового Китая плеяда молодых преподавателей музыки. Они переняли богатый опыт, знания, техники и методики западной музыки, создали немало выдающихся музыкальных произведений и провели глубокое исследование теории музыкального образования, чем внесли огромный вклад в фундамент общего музыкального образования в Китае.

Среди этих преподавателей можно выделить некоторых, вклад и влияние которых наиболее заметны. Это Чэнь Синьгун, Ли Шутун, Цэн Чживэнь, Гао Шоутянь, Фэн Ясионг и др.

Среди них самые выдающиеся – Чэнь Синьгун и Ли Шутун.

Чэнь Синьгун (1870–1947) родился в Шанхае, в 1897 г. поступает в педагогический институт Наньян, в 1901 г. после окончания института остается здесь же и работает преподавателем. В 1902 г. учится в Японии, проявляет огромный интерес к музыкальному образованию в японских учебных заведениях, в это время пишет Юегэ «Гимнастика», которое является его первым произведением, написанным в Японии. В 1903 г. после возвращения на родину опять преподает в том же институте, при этом очень активно способствует введению уроков музыки в процесс образования, в это же время создает и печатает множество сборников песен.

Ли Шутун (1880–1942) родился в городе Тяньцзине, в 1905 г. поступает в институт искусств г. Токио, где занимается изучением живописи и параллельно дополнительно изучает фортепиано и теорию композиции. В 1906 г. организовывает в Токио первую театральную группу «Общество Весенняя Ива». В Токио он исполняет роль главной героини в общественной постановке французского произведения «Девушка с камелиями», он стал первым в Китае исполнителем данной роли. В 1912 г. он приезжает в Шанхай, становится преподавателем музыки в женской школе, в это время создает огромное количество выдающихся произведений, таких, как «Весеннее путешествие», «Проводы», «Ранняя осень» и другие.

По мере широкого распространения Юегэ начинает развиваться и начальное музыкальное образование общества. Например, вернувшись со стажировки из Японии, такие музыканты, как Цэн Чживэнь, Гао Шоутянь и другие, устраивали летние частные лекции по музыке.

В 1908 г. Цэн Чживэнь своими собственными силами учреждает благотворительное музыкальное общество, своего рода музыкальный отдел при доме сирот в Шанхае. Все эти мероприятия определенным образом оказали влияние на музыкальную структуру общества того времени. Лекции по музыке проводились на всевозможные темы: песня, акустика, фисгармония, фортепиано, скрипка, труба и т.д. А подготовка, которая проводилась в музыкальном отделе при сиротском доме в Шанхае, позволила создать симфонический оркестр западной музыки, состоящий из 30 человек. Этот оркестр под руководством самого Цэн Чживэня очень часто обслуживал общество на свадьбах, похоронах, каких-либо радостных или печальных событиях и других мероприятиях. Как видно, деятельность вышеописанного музыкального общества помогала познакомить народ с западной музыкой, передавала знания о западной музыке, способствовала распространению и продвижению образцов западной музыки в культурное пространство широких слоев населения.

Незадолго до образования Китайской Республики в 1912 г. Цай Юаньпэй занял должность начальника управления по делам образования. Успехи в реформировании политического строя положительно отразились и на продвижении реформ в образовании. 10 июля 1912 г. под предводительством

Цзинь Юаньпэя проводилось собрание временного правительства Китайской Республики по вопросам образования, где было принято решение полностью реформировать старую систему образования феодального общества, при этом были определены установки проведения в жизнь новой системы образования. Установки новой системы образования показали новые идеи буржуазной прослойки населения по отношению к морали, разуму, телу, эстетике и гармонии развития. Это был большой шаг вперед в истории китайского образования, победа буржуазии в протесте против закоренелой феодальной системы образования.

В ноябре 1912 г. министерство образования опубликовало «Устав и расписание занятий в младшей школе». Данный документ определил частоту уроков музыки от 2 до 4 учебных часов в неделю, содержание включало исполнение сольных и хоровых песен [4]. Для того, чтобы удовлетворять требованиям устава в младших школах, начинают набор учителей для проведения уроков музыки. Официальное включение уроков музыки в учебный процесс младшей школы вызывает интерес со стороны средних учебных заведений.

В декабре 1912 г. министерство образования издает новый документ «Устав педагогических училищ», в котором определяет уроки музыки как обязательный предмет, содержание которого включает изучение музыки, техник исполнения и методики преподавания музыки, а также нравственную и эстетическую подготовку всесторонних специалистов в области музыки.

В сентябре 1912 г. открывается Пекинское педагогическое училище, с четырехгодичным сроком обучения, в учебный план которого включены уроки музыки как обязательной дисциплины.

В том же году педагогическое училище провинции Чжэцзян открывает специальный курс музыки, на должность заведующего музыкальным образованием приглашают вернувшегося со стажировки в Японии Ли Шутуна. Учебный процесс данного курса был рассчитан на 3 года, он включал в себя предметы по теории музыки, гармонии, вокалу, сольфеджио, сольное пение, хор, фортепиано, фисгармонии, создание текстов и композиции и т.д. В училище были организованы специальные аудитории для занятий музыкой, было два фортепиано, 10 струнных инструментов, на каждом занятии применялись европейская нотопись, а также использовались «Теория музыки», «Гармония» и другие учебные материалы.

В феврале 1913 г. министерство образования издает документ «Устав высших педагогических учебных заведений», в котором говорилось о том, что музыка вводится в систему высшего образования в качестве обязательной дисциплины, содержание образования включает вокальное исполнение и теорию музыки, при этом уроки музыки включались в процесс образования и на других факультетах и отделениях данного вуза.

В это время и в немногочисленных высших педагогических учебных заведениях появляются отделения по подготовке специалистов в области музыки. Например, в 1912 г. в высшем педагогическом училище Пекина начинают действовать музыкальные группы начального и продвинутого (высшего) уровня. В 1912 г. в педагогическом училище Лянцзян провинции Чжэцзян открываются музыкальная группа и группа изобразительного искусства. А в 1914 г. в высшем педагогическом училище г. Чэнду открывается «кружок пения» и т.д. Преподавание музыки на данном этапе развития музыкального образования имело своей главной целью воспитание у студентов чувства прекрасного, высоких моральных и нравственных качеств, умения держать себя в руках, ставилась задача с помощью эстетического образования и специального музыкального образования воспитать всесторонне развитых специалистов и удовлетворить спрос на педагогические кадры в сфере музыки.

Заключение. В период конца династии Цинь и начала образования Китайской Республики по мере развития Юегэ музыкальное образование не только развивается в общем школьном образовании, но и зарождаются специальное музыкальное и педагогическое музыкальное образование. Все это создало прочную основу и предоставило ценный опыт для дальнейшего развития новой музыкальной культуры современного Китая.

1. Активное участие выдающихся китайских музыкантов в художественной жизни Японии и ознакомление их с японским музыкальным образованием привело к развитию музыкальной жизни в Китае Нового времени. Школы Юегэ стали стержнем музыкального образования в начальной и средней школе и повлияли на обычаи эпохи.

2. В результате экономического и политического развития, расширения торговых путей и межгосударственных связей, в Китай проникают европейская теория музыки, европейские музыкальные инструменты, европейские техники исполнения и т.д. В то же время появляются школы, которые в программах обучения ориентируются на модель и содержание образования развитых капиталистических стран Запада, таких, как Германия, Франция, Италия и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Шу, Синьчэн.** Материалы по истории музыкального образования в Новом Китае / Синьчэн Шу; на кит. яз. – Пекин: Народное образование, 1981. – Т. 3. – С. 88.
2. **Цэнь, Чжиминь.** Учебник по классической музыке / Чжиминь Цэнь; на кит. яз. – Шанхай: Шанхайское образование, 1904. – С. 1.
3. **Сунь, Цзинань.** Краткое изложение общей истории музыки в Китае / Цзинань Сунь, Чжуцюань Чжоу; на кит. яз. – Цзинань: Образование провинции Шаньдун, 1993. – С. 20.
4. **Сун, Энчжан.** Сборник законов образования в Китайской Республике (1912–1949) / Энчжан Сун, Вэй Чжан; на кит. яз. – Наньцзин: Образование провинции Цзянсу, 1990. – 754 с.
5. **Сунь, Цзинань.** Хроника истории музыкального образования в Китае Новейшего времени / Цзинань Сунь; на кит. яз. – Цзинань: Образование провинции Шаньдун, 2004. – 669 с.
6. **Чжан, Сянь.** Сборник законов художественного образования в современном Китае / Сянь Чжан, Юань Чжан; на кит. яз. – Пекин: Научное образование, 1997. – 546 с.

S U M M A R Y

In the article a number of state issued documents are cited, which broaden significantly our apprehensions of the development of musical education in China at the end of 19th – the beginning of 20th centuries.

Поступила в редакцию 16.09.2008

Ю.И. Кулаженко

n-Арные аналоги двух теорем аффинной геометрии и полуабелевость **n**-арных групп

Известно, что алгебра обогащает геометрию точными методами исследований, а геометрия придает алгебраическим результатам определенную наглядность. Поэтому весьма актуальной является задача, которую поставил и частично решил С.А. Русаков в [1], о построении элементов аффинной геометрии на n -арной группе (для любого $n \geq 2$). Следует отметить, что ранее Д. Вакарелов в [2] построил элементы аффинной геометрии на тернарной группе. Однако методы, которыми пользовались указанные авторы, совершенно различны.

Представленная работа примыкает к первому направлению исследований и по своему характеру соответствует формуле А.Ю. Ольшанского [3] «алгебра–геометрия–алгебра».

Все полученные результаты – критерии полуабелевости n -арной группы $G = \langle X, ( )^{[1-2]} \rangle$. В то же время теоремы 1, 2 являются, соответственно, n -арными аналогами следующих утверждений из аффинной геометрии:

1) если соответственные стороны двух треугольников параллельны, то один треугольник переводится в другой либо гомотетией, либо параллельным переносом;

2) если три диагонали шестиугольника (не обязательно выпуклого), соединяющие противоположные вершины, имеют общую середину, то всякие две его противоположные стороны параллельны.

В дальнейшем элементы n -арной группы G будем называть точками Точку

$$S_a(b) = (ab^{[1-2]^{2n-4}} b a)$$

называют точкой, симметричной точке b относительно точки a . Последовательность k элементов из X – k -угольником G . Четырехугольник $\langle a, b, c, d \rangle$ n -арной группы G называют параллелограммом G , если

$$(ab^{[1-2]^{2n-4}} b c) = d.$$

n -Арную группу G называют полуабелевой, если для любой последовательности $x_i^n \in X^n$ справедливо равенство

$$(x_1 x_2^{n-1} x_n) = (x_n x_2^{n-1} x_1).$$

Другие понятия и обозначения можно найти в [1, 2–5].
Изложим теперь полученные результаты.

Предложение 1. n -Арная группа G будет полуабелевой тогда и только тогда, когда для любых $a, b, t, m \in X$ справедливо равенство

$$(ta^{[-2]} a^{2n-4} b) = (ma^{[-2]} a^{2n-4} bm^{[-2]} m^{2n-4} t). \quad (1)$$

Доказательство. 1. Пусть равенство (1) выполняется. Докажем, что G – полуабелева группа.

Очевидно, что для любого $m \in X$ последовательность $m^{[-2]} m^{2n-4} m$ является нейтральной $2(n-1)$ -последовательностью. Тогда

$$(ta^{[-2]} a^{2n-4} b) = (ta^{[-2]} a^{2n-4} bm^{[-2]} m^{2n-4} m)$$

и равенство (1) можно переписать в виде

$$(ta^{[-2]} a^{2n-4} bm^{[-2]} m^{2n-4} m) = (ma^{[-2]} a^{2n-4} bm^{[-2]} m^{2n-4} t). \quad (2)$$

Рассмотрим произвольную последовательность $x_i \in X^n$ с учетом равенства (2) и того, что для любого $x \in X$ последовательности $x_1 x_1^{[-2]} x_1^{2n-4}$ и $x_n^{[-2]} x_n^{2n-4} x_n$ являются нейтральными $2(n-1)$ -последовательностями.

Имеем

$$\begin{aligned} (x_1^n) &= (x_1 x_1^{[-2]} x_1^{2n-4} (x_1^n) x_n^{[-2]} x_n^{2n-4} x_n) = (x_n x_1^{[-2]} x_1^{2n-4} (x_1^n) x_n^{[-2]} x_n^{2n-4} x_n) = \\ &= ((x_n x_1^{[-2]} x_1^{2n-4} x_1) x_2^{n-1} (x_n x_n^{[-2]} x_n^{2n-4} x_1)) = (x_n x_2^{n-1} x_1). \end{aligned}$$

Следовательно, мы показали, что

$$(x_1^n) = (x_n x_2^{n-1} x_1),$$

а значит, на основании определения, заключаем, что G – полуабелева n -арная группа.

2. Пусть G – полуабелева n -арная группа. Рассмотрим правую часть равенства (1) с учетом предложения 4 из [4]. Имеем

$$\begin{aligned} (ma^{[-2]} a^{2n-4} bm^{[-2]} m^{2n-4} t) &= ((ma^{[-2]} a^{2n-4} b)m^{[-2]} m^{2n-4} t) = \\ &= ((ba^{[-2]} a^{2n-4} m)m^{[-2]} m^{2n-4} t) = (ba^{[-2]} a^{2n-4} (mm^{[-2]} m^{2n-4} t)) = (ba^{[-2]} a^{2n-4} t) = \\ &= (ta^{[-2]} a^{2n-4} b). \end{aligned}$$

Предложение доказано.

Теорема 1. Пусть a, b, c, t – произвольные точки из X , а точки $d, u, v \in X$ такие, что четырехугольники $\langle a, d, v, c \rangle$, $\langle a, d, u, b \rangle$, $\langle b, u, v, c \rangle$ – параллелограммы G . Если $m \in X$ – середина отрезка $[dS_t(a)]$, то справедливо равенство

$$S_m(S_t(a)) = d, \quad (3)$$

а равенства

$$S_m(S_t(b)) = u \quad (4)$$

и

$$S_m(S_t(c)) = v \quad (5)$$

выполняются тогда и только тогда, когда G – полуабелева n -арная группа.

Доказательство. 1. Установим справедливость равенства (3). Для этого рассмотрим левую часть равенства с учетом определения 4 из [1], равенства 3.28 из [5], предложения 1 из [6] и того, что m – середина отрезка $[dS_i(a)]$,

а значит, согласно определению 4 из [1] $S_i(a) = (md^{[-2]} d^{2n-4} m)$. Имеем

$$\begin{aligned}
 S_m(S_i(a)) &= (m(S_i(a))^{[-2]} S_i(a) \dots m) = \\
 &= (m(md^{[-2]} d^{2n-4} m)^{[-2]} (md^{[-2]} d^{2n-4} m) \dots m) = \\
 &= (mm^{[-2]} m^{2n-4} d^{[-2]} d^{2n-4} \dots d^{[-2]} d^{2n-4} (d^{[-2]})^{[-2]} d^{[-2]} \dots d^{[-2]} m^{[-2]} m \dots) = \\
 &= (mm^{[-2]} m^{2n-4} d^{[-2]} d^{2n-4} \dots d^{[-2]} d^{2n-4} (d^{[-2]})^{[-2]} d^{[-2]} \dots d^{[-2]} m^{[-2]} m) = \\
 &= (mm^{[-2]} m^{2n-4} dm^{[-2]} m^{2n-4} m) = d.
 \end{aligned}$$

Справедливость равенства (3) установлена.

2. Пусть G – полуабелева n -арная группа.

Докажем справедливость равенства (4). Для этого, при рассмотрении левой части равенства, будем учитывать то, что четырехугольник $\langle a, d, u, b \rangle$ – параллелограмм G , а значит справедливо равенство

$$(ad^{[-2]} d^{2n-4} u) = b,$$

группа G – полуабелева, а также определение 4 из [1], равенство 3.28 из [5] и предложение 1 из [6]. Имеем

$$\begin{aligned}
 S_m(S_i(b)) &= (m(S_i(b))^{[-2]} S_i(b) \dots m) = (m(tb^{[-2]} b^{2n-4} t)^{[-2]} (tb^{[-2]} b^{2n-4} t) \dots m) = \\
 &= (mt^{[-2]} t^{2n-4} b^{[-2]} b^{2n-4} \dots b^{[-2]} b^{2n-4} (b^{[-2]})^{[-2]} b^{[-2]} \dots b^{[-2]} t^{[-2]} t \dots) = \\
 &= (mt^{[-2]} t^{2n-4} b^{[-2]} b^{2n-4} \dots b^{[-2]} b^{2n-4} (b^{[-2]})^{[-2]} b^{[-2]} \dots b^{[-2]} t^{[-2]} t m) = \\
 &= (mt^{[-2]} t^{2n-4} bt^{[-2]} t^{2n-4} m) = (mt^{[-2]} t^{2n-4} (ad^{[-2]} d^{2n-4} u)^{[-2]} t m) =
 \end{aligned}$$

$$\begin{aligned}
&= ((mt^{[-2]} t^{2n-4} a) d^{[-2]} d^{2n-4} (ut^{[-2]} t^{2n-4} m)) = \\
&= ((at^{[-2]} t^{2n-4} m) d^{[-2]} d^{2n-4} (mt^{[-2]} t^{2n-4} u)) = \\
&= (at^{[-2]} t^{2n-4} (md^{[-2]} d^{2n-4} m) t^{[-2]} t^{2n-4} u) = (at^{[-2]} t^{2n-4} S_t(a) t^{[-2]} t^{2n-4} u) = \\
&= (at^{[-2]} t^{2n-4} (ta^{[-2]} a^{2n-4} t) t^{[-2]} t^{2n-4} u) = \\
&= ((at^{[-2]} t^{2n-4} t) a^{[-2]} a^{2n-4} (tt^{[-2]} t^{2n-4} u)) = (aa^{[-2]} a^{2n-4} u) = u
\end{aligned}$$

Равенство (4) установлено.

Рассмотрим левую часть равенства (5) с учетом того, что четырехугольник $\langle a, d, v, c \rangle$ – параллелограмм G , а значит справедливо равенство

$$(ad^{[-2]} d^{2n-4} v) = c.$$

Имеем

$$\begin{aligned}
S_m(S_t(c)) &= (m(S_t(c))^{[-2]} S_t(c) \dots m) = (m(tc^{[-2]} c^{2n-4} t)^{[-2]} (tc^{[-2]} c^{2n-4} t) \dots m) = \\
&= (mt^{[-2]} t^{2n-4} \underbrace{c^{[-2]} c^{2n-4} \dots c^{[-2]} c^{2n-4}}_{2n-4} (c^{[-2]})^{[-2]} \underbrace{c^{[-2]} \dots t^{[-2]} t^{2n-4}}_{2n-4} \dots \\
&\quad \underbrace{\hspace{10em}}_{2n-3} \\
&\quad (tc^{[-2]} c^{2n-4} t) \dots (tc^{[-2]} c^{2n-4} t) m) = \\
&= (mt^{[-2]} t^{2n-4} \underbrace{c^{[-2]} c^{2n-4} \dots c^{[-2]} c^{2n-4}}_{2n-4} (c^{[-2]})^{[-2]} \underbrace{c^{[-2]} t^{[-2]} t^{2n-4}}_{2n-4} m) = \\
&= (mt^{[-2]} t^{2n-4} ct^{[-2]} t^{2n-4} m) = (mt^{[-2]} t^{2n-4} (ad^{[-2]} d^{2n-4} v) t^{[-2]} t^{2n-4} m) = \\
&= ((mt^{[-2]} t^{2n-4} a) d^{[-2]} d^{2n-4} (vt^{[-2]} t^{2n-4} m)) = \\
&= ((at^{[-2]} t^{2n-4} m) d^{[-2]} d^{2n-4} (mt^{[-2]} t^{2n-4} v)) = \\
&= (at^{[-2]} t^{2n-4} (md^{[-2]} d^{2n-4} m) t^{[-2]} t^{2n-4} v) = (at^{[-2]} t^{2n-4} S_t(a) t^{[-2]} t^{2n-4} v) = \\
&= (at^{[-2]} t^{2n-4} (ta^{[-2]} a^{2n-4} t) t^{[-2]} t^{2n-4} v) = (((at^{[-2]} t^{2n-4} t) a^{[-2]} a^{2n-4} (tt^{[-2]} t^{2n-4} v)) = \\
&= (aa^{[-2]} a^{2n-4} v) = v.
\end{aligned}$$

Таким образом, установлена справедливость равенства (5).

3. Пусть выполняется равенство (4). Покажем, что G – полуабелева n -арная группа.

По условию теоремы четырехугольник $\langle a, d, u, b \rangle$ – параллелограмм G , а значит выполняется равенство

$$(ad^{[-2]} d^{2n-4} u) = b.$$

Откуда

$$u = (da^{[-2]}^{2n-4} a b).$$

Равенство (4), с учетом определения 4 из [1], равенства 3.28 из [5], предложения 1 из [6], перепишем в виде

$$(m(S_i(b))^{[-2]} \underbrace{S_i(b) \dots m}_{2n-4}) = (da^{[-2]}^{2n-4} a b). \quad (6)$$

Рассмотрим левую часть равенства (6). Имеем

$$\begin{aligned} (m(S_i(b))^{[-2]} \underbrace{S_i(b) \dots m}_{2n-4}) &= (m(tb^{[-2]}^{2n-4} b t)^{[-2]} \underbrace{(tb^{[-2]} b t) \dots m}_{2n-4}) = \\ &= (m \underbrace{t^{[-2]}^{2n-4} t^{[-2]}^{2n-4} b^{[-2]}^{2n-4} b^{[-2]}^{2n-4} \dots b^{[-2]}^{2n-4} b^{[-2]}^{2n-4}}_{2n-4} \underbrace{(b^{[-2]})^{[-2]} b^{[-2]} \dots b^{[-2]} t^{[-2]}^{2n-4}}_{2n-4} \dots \\ &\quad \underbrace{(tb^{[-2]} b t) \dots (tb^{[-2]} b t) m}_{2n-4}) = (m \underbrace{t^{[-2]}^{2n-4} t^{[-2]}^{2n-4} b^{[-2]}^{2n-4} t^{[-2]}^{2n-4}}_{2n-3} m). \end{aligned}$$

Тогда равенство (6) перепишем в виде

$$(m \underbrace{t^{[-2]}^{2n-4} t^{[-2]}^{2n-4} b^{[-2]}^{2n-4} t^{[-2]}^{2n-4}}_{2n-3} m) = (da^{[-2]}^{2n-4} a b)$$

или

$$(ad^{[-2]}^{2n-4} d \underbrace{m \underbrace{t^{[-2]}^{2n-4} t^{[-2]}^{2n-4} b^{[-2]}^{2n-4} t^{[-2]}^{2n-4}}_{2n-3} m}_{2n-4}) = b. \quad (7)$$

Преобразуем левую часть равенства (7) с учетом того, что m – середина отрезка $[dS_i(a)]$, а следовательно,

$$S_i(a) = (md^{[-2]}^{2n-4} d m).$$

Имеем

$$\begin{aligned} (ad^{[-2]}^{2n-4} d \underbrace{m \underbrace{t^{[-2]}^{2n-4} t^{[-2]}^{2n-4} b^{[-2]}^{2n-4} t^{[-2]}^{2n-4}}_{2n-3} m}_{2n-4}) &= (am^{[-2]}^{2n-4} m \underbrace{(md^{[-2]}^{2n-4} d m) t^{[-2]}^{2n-4} t^{[-2]}^{2n-4} b^{[-2]}^{2n-4} t^{[-2]}^{2n-4}}_{2n-4} m) = \\ &= (am^{[-2]}^{2n-4} m S_i(a) \underbrace{t^{[-2]}^{2n-4} t^{[-2]}^{2n-4} b^{[-2]}^{2n-4} t^{[-2]}^{2n-4}}_{2n-4} m) = (am^{[-2]}^{2n-4} m \underbrace{(ta^{[-2]} a t) t^{[-2]}^{2n-4} t^{[-2]}^{2n-4} b^{[-2]}^{2n-4} t^{[-2]}^{2n-4}}_{2n-4} m) = \\ &= (am^{[-2]}^{2n-4} m \underbrace{ta^{[-2]} a \underbrace{(t^{[-2]}^{2n-4} t^{[-2]}^{2n-4} b^{[-2]}^{2n-4} t^{[-2]}^{2n-4})}_{2n-4} m}_{2n-4}) = (am^{[-2]}^{2n-4} m \underbrace{ta^{[-2]} a b^{[-2]}^{2n-4} t^{[-2]}^{2n-4}}_{2n-4} m). \end{aligned}$$

Тогда равенство (9) перепишем в виде

$$(am^{[-2]}^{2n-4} m \underbrace{ta^{[-2]} a b^{[-2]}^{2n-4} t^{[-2]}^{2n-4}}_{2n-4} m) = b$$

или

$$(ta^{[-2]}^{2n-4} a b) = (ma^{[-2]}^{2n-4} a \underbrace{bm^{[-2]}^{2n-4} m}_{2n-4} t). \quad (8)$$

На основании равенства (8) и предложения 1 заключаем, что G – полуабелева n -арная группа.

Пусть выполняется равенство (5). Покажем, что G – полуабелева n -арная группа.

По условию теоремы четырехугольник $\langle a, d, v, c \rangle$ – параллелограмм G , а значит выполняется равенство

$$(ad^{[-2]} d^{2n-4} v) = c$$

или

$$v = (da^{[-2]} a^{2n-4} c).$$

В этом случае равенство (5) можно переписать в виде

$$S_m(S_i(c)) = (da^{[-2]} a^{2n-4} c). \quad (9)$$

Рассмотрим левую часть равенства (9) с учетом определения 4 из [1], равенства 3.28 из [5], предложения 1 из [6]. Имеем

$$\begin{aligned} S_m(S_i(c)) &= (m(S_i(c))^{[-2]} S_i(c) \dots m) = (m(tc^{[-2]} c^{2n-4} t)^{[-2]} (tc^{[-2]} c^{2n-4} t) \dots m) = \\ &= (mt^{[-2]} t^{2n-4} c^{[-2]} c^{2n-4} \dots c^{[-2]} c^{2n-4} c^{[-2]} c^{2n-4} (c^{[-2]})^{[-2]} c^{[-2]} \dots c^{[-2]} t^{[-2]} t^{2n-4} \dots \\ &\quad \underbrace{\hspace{15em}}_{2n-3} \\ &\quad \underbrace{(tc^{[-2]} c^{2n-4} t) \dots m}_{2n-4} = (mt^{[-2]} t^{2n-4} ct^{[-2]} t^{2n-4} m). \end{aligned}$$

Тогда равенство (10) имеет вид

$$(mt^{[-2]} t^{2n-4} ct^{[-2]} t^{2n-4} m) = (da^{[-2]} a^{2n-4} c)$$

или

$$(ad^{[-2]} d^{2n-4} mt^{[-2]} t^{2n-4} ct^{[-2]} t^{2n-4} m) = c. \quad (10)$$

Преобразуем левую часть равенства (1) с учетом того, что

$$(md^{[-2]} d^{2n-4} m) = S_i(a).$$

Имеем

$$\begin{aligned} &(ad^{[-2]} d^{2n-4} mt^{[-2]} t^{2n-4} ct^{[-2]} t^{2n-4} m) = \\ &= (am^{[-2]} m^{2n-4} md^{[-2]} d^{2n-4} mt^{[-2]} t^{2n-4} ct^{[-2]} t^{2n-4} m) = \\ &= (am^{[-2]} m^{2n-4} S_i(a)t^{[-2]} t^{2n-4} ct^{[-2]} t^{2n-4} m) = \\ &= (am^{[-2]} m^{2n-4} (ta^{[-2]} a^{2n-4} t)t^{[-2]} t^{2n-4} ct^{[-2]} t^{2n-4} m) = \\ &= (am^{[-2]} m^{2n-4} ta^{[-2]} a^{2n-4} (tt^{[-2]} t^{2n-4} c)t^{[-2]} t^{2n-4} m) = \\ &= (am^{[-2]} m^{2n-4} ta^{[-2]} a^{2n-4} ct^{[-2]} t^{2n-4} m). \end{aligned}$$

Тогда равенство (10) имеет вид

$$(am^{[-2]} m^{2n-4} ta^{[-2]} a^{2n-4} ct^{[-2]} t^{2n-4} m) = c$$

или

$$(ta^{[-2]} a^{2n-4} c) = (ma^{[-2]} a^{2n-4} cm^{[-2]} m t). \quad (11)$$

На основании предложения 1 и равенства (11) заключаем, что G – полуабелева n -арная группа.

Теорема доказана.

Теорема 2. Пусть a, b, c, d – произвольные точки из X и $\langle a, b, c, S_d(a), S_d(b), S_d(c) \rangle$ – шестиугольник G . n -Арная группа G – будет полуабелевой тогда, когда хотя бы один из четырехугольников $\langle a, b, S_d(a), S_d(b) \rangle$, $\langle b, c, S_d(b), S_d(c) \rangle$, $\langle a, c, S_d(a), S_d(c) \rangle$ – параллелограмм G .

Доказательство. 1. Пусть четырехугольник $\langle a, b, S_d(a), S_d(b) \rangle$ – параллелограмм G . Покажем, что G – полуабелева n -арная группа.

На основании определения 2 из [1] имеем

$$(ab^{[-2]} b^{2n-4} S_d(a)) = S_d(b).$$

Откуда, с учетом определения 4 из [1],

$$(ab^{[-2]} b^{2n-4} (da^{[-2]} a^{2n-4} d)) = (db^{[-2]} b^{2n-4} d)$$

или

$$(ab^{[-2]} b^{2n-4} d) = (db^{[-2]} b^{2n-4} da^{[-2]} a^{2n-4} d)$$

или

$$(ab^{[-2]} b^{2n-4} d) = (db^{[-2]} b^{2n-4} a). \quad (12)$$

Поскольку a, b, d – произвольные точки из X , то на основании предложения 4 из [4] и равенства (12), заключаем, что G – полуабелева n -арная группа.

Аналогично устанавливается полуабелевость n -арной группы G , если четырехугольник $\langle a, c, S_d(b), S_d(c) \rangle$ или $\langle c, S_d(a), S_d(c), a \rangle$ – параллелограмм G .

2. Пусть G – полуабелева n -арная группа. Справедливость того, что четырехугольники $\langle a, b, S_d(a), S_d(b) \rangle$, $\langle b, c, S_d(b), S_d(c) \rangle$, $\langle a, c, S_d(a), S_d(c) \rangle$ – параллелограммы G , вытекает из предложения 2 из [4].

Теорема доказана.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Русаков, С.А.** Некоторые приложения теории n -арных групп / С.А. Русаков. – Минск: Беларуская навука, 1998. – 182 с.
2. **Вакарелов, Д.** Тернарни групи / Д. Вакарелов; Годишник софийск. ун-т, математ. фак. 1966–1967, 1968. – Т. 61. – С. 71–105.
3. **Ольшанский, А.Ю.** Геометрия определяющих соотношений в группах / А.Ю. Ольшанский. – М.: Наука, 1989. – 448 с.
4. **Кулаженко, Ю.И.** Построение фигур аффинной геометрии на n -арной группе / Ю.И. Кулаженко // Вопросы алгебры и прикладной математики: сб. науч. тр.; под ред. С.А. Русакова. – Гомель, 1995. – С. 65–82.
5. **Русаков, С.А.** Алгебраические n -арные системы: Силовская теория n -арных групп / С.А. Русаков. – Минск: Беларуская навука, 1992. – 264 с.
6. **Кулаженко, Ю.И.** Геометрия параллелограммов / Ю.И. Кулаженко // Вопросы алгебры и прикладной математики: сб. науч. тр. / под ред. С.А. Русакова. – Гомель, 1995. – С. 47–64.

S U M M A R Y

New criteria of semiability of n -ary group G are established. N -ary analogs of famous Theorems of Affinian geometry are constructed.

Поступила в редакцию 21.10.2009

И.М. Морозова, Н.А. Ламан, В.Н. Прохоров

Динамика накопления некоторых азотистых веществ у морфотипов галеги восточной (*Galega orientalis* Lam.)

Галега восточная – эндемик Кавказа, относится к сем. Бобовые, роду галега. Это – многолетнее травянистое растение с поликарпическим циклом развития.

В последние десятилетия в мире возрос интерес к галеге восточной как перспективной высокобелковой кормовой культуре, которая по ряду хозяйственно ценных признаков превосходит традиционные кормовые бобовые травы.

Для познания внутривидового разнообразия, а также изучения исходного материала при проведении селекции важно исследовать накопление азотсодержащих веществ. Поэтому цель данной работы – выявление наиболее перспективных морфотипов по биохимическим признакам для использования в селекции галеги восточной и создание коллекционного материала.

Материал и методы. Объектами служили растения пяти неселекционных образцов: образец 1 – частично окультуренный, получен из коллекции ВИР; образец 2 – растения выращивались на Сельскохозяйственной опытной станции Архангельской области; образец 3 – частично окультуренный в условиях ЦБС НАНБ; образец 4 – семена собраны в природной популяции у подножия горы Маленький Тхач (Республика Адыгея); образец 5 – семена собраны в Апшеронском районе (Краснодарский край). В качестве контроля использовали районированный в Эстонии, Беларуси сорт Гале.

Содержание общего, белкового, небелкового азота, суммарное содержание белка изучали в листьях во второй и третий годы – в фазу плодоношения по общепринятым методам [1].

Результаты исследований. *Общий азот.* Продуктивность кормового растения тесно сопряжена с накоплением азота, который участвует в синтезе важнейших структур клетки. Азот является необходимым элементом для формирования ассимиляционной поверхности и обеспечения ее функциональной активности.

При изучении накопления общего азота во второй год жизни наибольшее содержание общего азота было у морфотипов образца 1 и среднерослого морфотипа 2-го образца. Морфотипы сорта Гале характеризовались несколько большим количеством общего азота, чем морфотипы образцов 2, 4, 5. В третий год жизни наибольшее содержание общего азота отмечено у растений среднерослого морфотипа образца 1–4%, морфотипов сорта Гале. Практически у всех образцов растения высокорослого морфотипа отличаются наименьшим содержанием общего азота – от 2,14% (образец 2) до 3,38% (сорт Гале), а растения среднерослого морфотипа – наибольшим – от 2,76% (образец 3) до 3,91% (образец 1).

Азот небелковый. Как известно, небелковые азотистые соединения представлены свободными аминокислотами и другими азотистыми веществами.

При анализе содержания небелкового азота установлено, что во второй год жизни по всем образцам наименьшее количество небелкового азота наблюдалось у среднерослых морфотипов, наибольшее – у низкорослых, среднее положение по данному показателю занимали высокорослые морфотипы. В третий год жизни наибольшим количеством небелкового азота характеризовались растения среднерослого морфотипа образца 1 (0,43%) и высокорослого морфотипа сорта Гале (0,38%)

Таблица

Содержание общего, небелкового, белкового азота морфотипов галеги восточной (второй и третий годы жизни), % на сухое вещество

Образец	Высокорослый морфотип	Среднерослый морфотип	Среднерослый морфотип
Азот общий			
Сорт Гале	–	3,7	3,6
Образец 1	3,5	4	3,7
Образец 2	3,4	3,8	3,1
Образец 3	2,7	2,7	2,6
Образец 4	–	–	3,7
Образец 5	2,8	2,9	2,8
Азот небелковый			
Сорт Гале	0,35	0,32	0,38
Образец 1	0,23	0,33	0,35
Образец 2	0,27	0,25	0,28
Образец 3	0,3	0,3	0,27
Образец 4	–	–	0,31
Образец 5	0,28	0,29	0,32
Азот белковый			
Сорт Гале	3,1	3,4	3,3
Образец 1	3,1	3,8	3,3
Образец 2	2,9	3,2	3,1
Образец 3	2,4	2,7	2,3
Образец 4	–	–	2,4
Образец 5	2,6	2,5	2,6

Таким образом, при суммировании данных, полученных за два последних года исследований, установлено, что достаточно высоким содержанием небелкового азота характеризуются низкорослый и высокорослый морфотипы сорта Гале, соответственно, 0,38% и 0,35% (табл.); низкорослый морфотип образца 1 (0,35%) и низкорослый морфотип образца 5 (0,32%), которые можно рекомендовать как исходный материал для селекции.

Белковый азот. Во второй год жизни самым большим содержанием белкового азота среди всех морфотипов отличался высокорослый морфотип образца 1. Морфотипы сорта Гале характеризовались средними значениями по этому показателю, которые изменялись от 3,22% (высокорослый морфотип) до 3,38% (среднерослый морфотип).

Несколько иная картина наблюдалась в третий год исследований. Самое большое содержание белкового азота отмечено у среднерослого морфотипа образца 1 (3,67%). Для морфотипов сорта Гале характерно несколько меньшее количество белкового азота.

Следует отметить, что морфотипы образцов в третий год исследований характеризовались меньшими значениями содержания белкового азота, по сравнению со вторым годом исследования.

Данные морфотипы по содержанию белкового азота можно рекомендовать как исходный материал для селекции. Все остальные морфотипы образцов характеризуются несколько меньшим содержанием небелкового азота, кото-

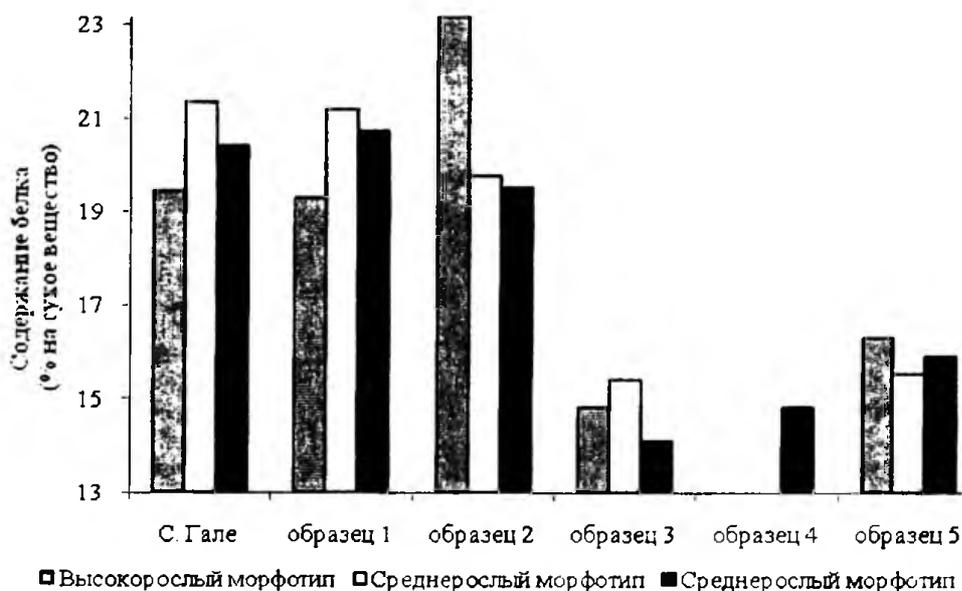
рое варьировало от 2,3% у низкорослого морфотипа образца 5 до 3,1% у высокорослых морфотипов сорта Гале и образца 1.

Белок. Питательная ценность зеленой массы определяется содержанием белка, поэтому изучение данного показателя в зеленой массе морфотипов представляет определенный интерес.

Во второй год исследований содержание белка у высокорослого морфотипа составило от 14,69% (образец 3) до 24,96% (образец 2), у среднерослого – 14,44% (образец 5) до 24,52% (образец 1), у низкорослого – от 14,69% (образец 3) до 24,58% (образец 1). Наибольшие показатели по содержанию белка отмечены у низкорослого и среднерослого морфотипов 1-го образца – 24,58% и 24,52%, соответственно, несколько меньшим – высокорослый и низкорослый морфотипы 2-го образца, соответственно, 24,96% и 23,3%. Среднее положение по данному показателю занимали морфотипы сорта Гале. Самые низкие показатели по содержанию белка зафиксированы у морфотипов образцов 3–5, показатели которых варьировали от 14,69% (высокорослый и низкорослый морфотипы образца 3) до 16,27% (низкорослый морфотип образца 5).

Наибольшее содержание белка в третий год исследований было отмечено у среднерослого морфотипа образцов 1, 2 и сорта Гале, соответственно, 21,79%, 20,58% и 21,58%. Следует подчеркнуть, что среднерослый морфотип сорта Гале и образца 2 в третий год исследований характеризовались большим содержанием белка, чем во второй год исследований, а среднерослый морфотип образца 1 – наоборот – меньшим. Самые низкие показатели по содержанию белка в третий год исследований имели растения высокорослого морфотипа образца 2 (11,44%), низкорослого морфотипа образца 3 (13,58%).

Растения морфотипов образца 1 накапливали наибольшее количество белка, что составило 21,07% на сухую массу. Следует отметить, что все остальные образцы по содержанию белка значительно уступали сорту Гале. Внутри каждого образца по накоплению белка морфотипы статистически отличаются между собой, кроме морфотипов 3-го и 5-го образцов. Самое низкое содержание белка за два года исследования отмечено у низкорослого морфотипа образца 4. Оно составило 14,81%, а самое высокое – у среднерослого морфотипа образца 1 – 23,16% (рис. 1).

Рис. 1. Содержание белка у растений галеги восточной (второй и третий годы жизни).

Характеристика запасных белков семян. Известно, что одним из способов изучения внутривидовой изменчивости является применение современного метода разделения и идентификации белков в полиакриламидном геле, что позволяет быстро и точно получить сведения по их составу у отдельных морфотипов. Белки, накапливающиеся при созревании семян и постепенно расходуемые в процессе прорастания, принято называть запасными. Именно эти белки являются наиболее удобными и надежными для идентификации и оценки семян [2].

Обсуждение. Задача данного исследования заключается в сравнительном изучении гетерогенности легкорастворимой фракции запасных белков семян галеги восточной методом электрофореза в полиакриламидном геле с целью молекулярной паспортизации образцов и морфотипов.

Как известно, основой для увеличения генетической изменчивости исходного материала в селекционных работах служит явление полиморфизма.

Анализ электрофореграмм проводили с использованием специальной компьютерной программы (Sigma Gel, Германия), с учетом выраженности отдельных электрофоретических зон [2].

Проведенные исследования показали, что на электрофореграммах обнаружены различия по качественному и количественному белковому составу у морфотипов образцов и сорта Гале галеги восточной (рис. 2).

Анализ электрофоретических спектров запасных белков семян легкорастворимой фракции показал, что общими белками всех морфотипов являются белки с Мм 35,99; 70,96 кД, тогда как белок с молекулярной массой 80,01 кД характерен только для морфотипов образцов 1, 2, 5 и сорта Гале. Для морфотипов сорта Гале и образцов 1, 4, 5 общим белком является белок с Мм 40,55. У морфотипов образца 3 и сорта Гале в белковом спектре присутствуют полипептиды с Мм 63,73; 74,58 кД. Белки с Мм 99,01; 102,09 кД обнаружены лишь у низкорослого морфотипа образца 4 и у контрольного сорта Гале.

При исследовании вариабельности белковых компонентов морфотипов внутри одного исследуемого сорта были также выявлены как качественные, так и количественные изменения.

Сорт Гале. Высокорослый морфотип сорта Гале отличается от других морфотипов этого же сорта наличием белка с Мм 69,52 кД. Белок с Мм 88,92 кД присутствует только в спектре среднерослого морфотипа, тогда как белки с Мм 35,54; 41,48 кД обнаружены лишь в спектрах низкорослого морфотипа. Общими для всех морфотипов сорта Гале являются белки с Мм от 41,78 до 58,92 кД, а также белки с Мм от 91,51 до 102,09 кД.

Образец 1. Для всех трех морфотипов характерно наличие полипептидов с Мм от 70,96 до 91,51 кД. Кроме этих белков в спектре высококорослого морфотипа обнаружен полипептид с Мм 60,82 кД, у среднерослого – 48,67 кД, у низкорослого – 8,89 и 99,01 кД.

Образец 2. Для всех морфотипов характерно наличие полипептидов в диапазоне с Мм 61,73–89,52 кД. Кроме отмеченных в спектре высококорослого морфотипа обнаружены белки с Мм 45,64 и 58,92 кД, у среднерослого – 29,76 кД, у низкорослого – 52,33 кД.

Образец 3. Полипептиды от Мм 26,87 до 31,18 кД, 37,44–39,04 кД общие для всех морфотипов данного образца. Индивидуальными являются полипептиды: у высококорослого морфотипа – 42,29 кД, у среднерослого – 25,45 кД, низкорослого – 34,36 кД. Следует особо подчеркнуть, что у всех морфотипов образца 3 отсутствуют полипептиды в диапазоне Мм 91,51–102,09 кД.

Образец 4. Низкорослый морфотип образца 4 сравнивали с низкорослым морфотипом сорта Гале. У низкорослого морфотипа образца 4, по сравнению

с сортом Гале, обнаружены белки с Мм 42,05; 74,58; 96,56 кД, однако отсутствуют белки с Мм 13,67; 15,57; 28,62; 30,56 и др.

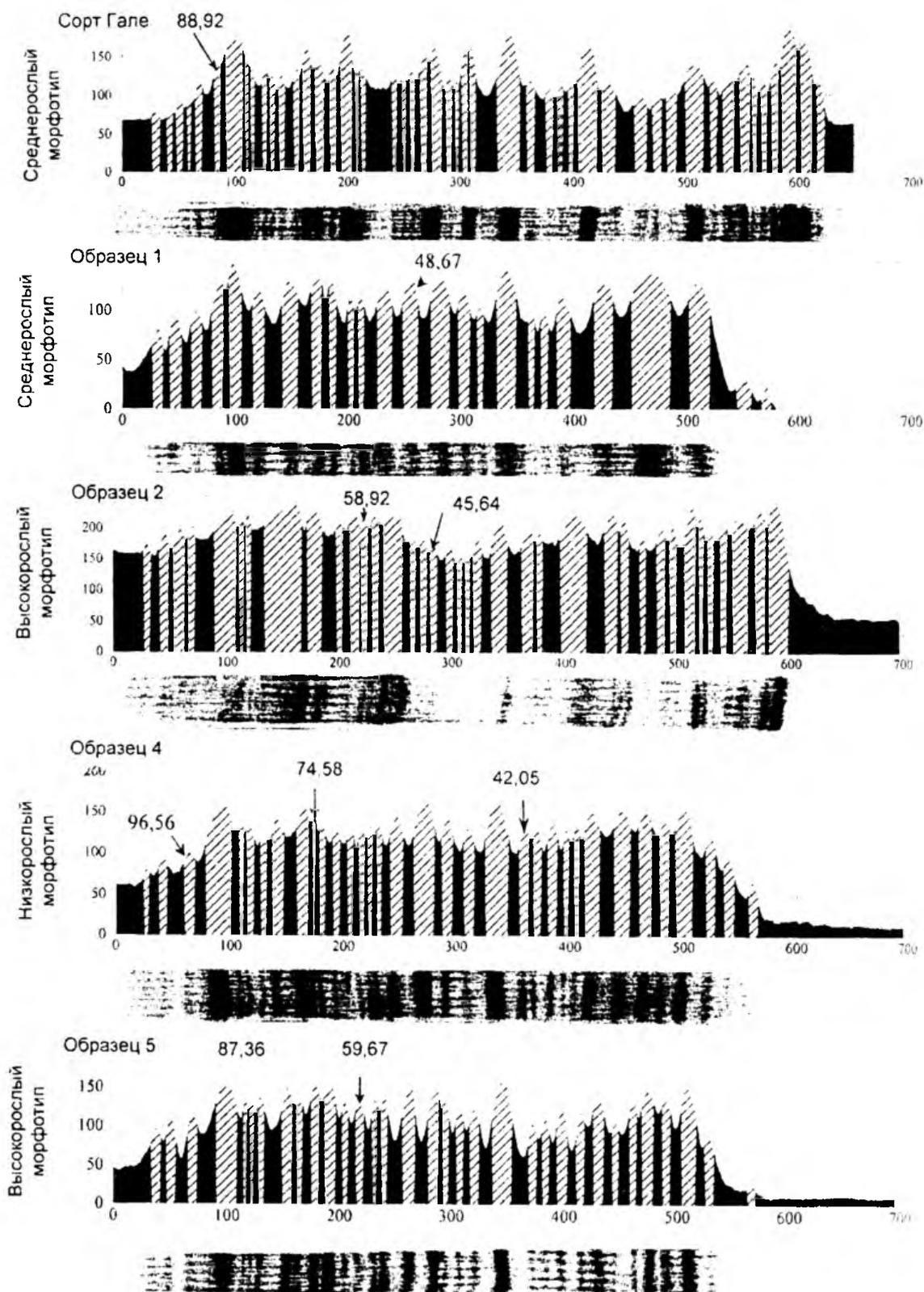

Рис. 2. Денситограммы и электрофореграммы запасных белков семян морфотипов.

Образец 5. Для высокорослого морфотипа отличительными являются белки с Мм 59,67 и 87,36 кД, среднерослого – 31,18 кД, низкорослого – 13,67 кД. Общими для трех морфотипов являются белки с Мм от 32,36 до 58,48 кД, также белки с Мм от 69,52 до 87,07 кД.

Тщательный анализ денситограмм легкорастворимых белков исследуемых морфотипов образцов и сорта Гале выявил некоторые количественные различия в содержании полипептидов. Они колеблются, в основном, в пределах 10% и, вероятно, не могут существенно влиять на биохимический состав исследуемых фракций. Например, у среднерослого морфотипа образца 1 содержание белков с Мм 20,89 кД на 3% выше, чем содержание аналогичного белка у сорта Гале.

Отмечено большее содержание белка с Мм 55,48 кД у высокорослого морфотипа образца 2 на 10%, чем аналогичного белка у низкорослого морфотипа образца 4.

Сравнительный анализ высокобелковых морфотипов исследованных образцов (среднерослый морфотип образца 1 содержит 21,2% белка, высокорослый морфотип образца 2 – 23,2% общего белка на сухое вещество) показал, что в спектре среднерослого морфотипа образца 1 – 17,5% белка с Мм 40,78 кД, в спектре высокорослого морфотипа образца 2 – 16,41% белка с Мм 78,93 кД. В спектрах низкобелковых морфотипов данные белки не обнаружены.

Полученные результаты полностью согласуются с данными В.Г. Конорева [2] и других ученых, которые доказали, что степень внутривидовой изменчивости в значительной мере связана с происхождением форм, степенью их селекционной проработки и генетическим разнообразием исходного материала.

Заключение. По накоплению азотсодержащих соединений можно заключить, что по данным признакам наиболее перспективными для селекции являются среднерослые морфотипы сорта Гале, образцов 1, 2, а также высокорослый морфотип образца 2. Поэтому вышеуказанные морфотипы можно рекомендовать как перспективные для селекции.

Сравнительный анализ белковых спектров позволил выявить степень внутривидовой изменчивости исследуемых образцов, а также показал, что изученные морфотипы образцов и сорта Гале отличаются как по качественному, так и по количественному составу. Выявленное разнообразие спектров легкорастворимой фракции свидетельствует о большом запасе генетической изменчивости галеги восточной.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Плешков, Н.Н.** Практикум по биохимии растений / Н.Н. Плешков. – М.: Колос, 1968. – С. 3–9.
2. **Конарев, В.Г.** Белки растений как генетические маркеры / В.Г. Конарев. – М.: Колос, 1983. – 320 с.

S U M M A R Y

The study of intraspecific variability on chemical parameters has shown the variation of total nitrogen, protein nitrogen, non-protein nitrogen, seed reserved proteins morph types of non-selective samples and cv. Hale of the Galega orientalis Lam. It permits to recommend morph types with greatest content matters for plants selection.

Поступила в редакцию 21.11.2008

С.М. Седловская

Оценка влияния ксенобиотиков на трансформацию энергии пищи у дубового шелкопряда (*Antheraea Pernyi* G.-M.)

В УО «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова» на кафедре зоологии в течение 30 лет разводится культура китайского дубового шелкопряда [1–2]. Куколка шелкопряда может служить исходным сырьем для получения различных лечебных, косметических средств и применяться в качестве кормовых добавок для домашних животных, птицы, рыбы [3]. Культура данного насекомого также может служить объектом для изучения влияния различных биологически активных соединений на физиологические и биохимические процессы в организме чешуекрылых, что послужит основой для мониторинга загрязнения окружающей среды ксенобиотиками.

В настоящее время ведутся исследования по использованию агонистов экдистероидов в качестве потенциальных инсектицидов, которые по механизму действия относятся к регуляторам роста насекомых [4]. В конце 80-х годов прошлого столетия обнаружили, что гормональной активностью насекомых обладают вещества, не похожие на экдистероиды по строению и относящиеся к ацилпроизводным гидразина. Биологические испытания соединений данной группы стали проводиться сразу же после установления их гормональной активности [5]. Отмечено их влияние на смертность, длительность личиночного развития, вес гусениц, вес шелкоотделительной железы и состав белков гемолимфы [6–7].

Но в доступной нам литературе данных по влиянию агонистов экдистероидов на процессы потребления и усвоения пищи, а также на энергетические балансы насекомых не обнаружено.

Цель работы – оценка влияния агонистов экдистероидов на процессы питания и энергетические балансы китайского дубового шелкопряда для определения степени их воздействия как регуляторов роста и развития насекомых.

Материал и методы. Эксперимент проводили на базе стационара «Щитовка» биологического факультета УО «ВГУ им. П.М. Машерова» в летний период 2008 г. В качестве объекта исследований использовали китайского дубового шелкопряда (*Antheraea pernyi* G.-M.). Кормовыми растениями служили дуб черешчатый (*Quercus robur* L.) и береза бородавчатая (*Betula pendula* Roth.). В качестве модельного ксенобиотика использовали агонист экдистероидов 1,2-бис-(2-Метоксибензоил)-1-трет-бутилгидразина (R-211), синтезированный в лаборатории эдкдистероидов Института биоорганической химии НАН Беларуси под руководством доктора химических наук, профессора Н.В. Ковганко. Для опыта брали гусениц одного дня выхода из яиц. Опыт проводили в трех повторностях каждый (по 30 гусениц повторности): корм одинаковой массы для гусениц первого возраста обрабатывали однократно водным раствором R-211 0,1%-ной концентрации объемом 2 мл один раз, и скармливали в начале развития. Наблюдали за гусеницами в течение всего периода их развития. Обработку корма проводили методом опрыскивания листьев. Для приготовления рабочих растворов навеску 10 мг (0,1%) соединения помещали в мерную пробирку, добавляли 0,5 мл этанола, доводили

общий объем до 10 мл дистиллированной водой, в которую предварительно добавляли ПАВ ОП-10 (1 капля на 1 л воды). Контроль – дистиллированная вода с добавлением этанола (0,5 мл/10 мл воды) и ПАВ ОП-10 (1 капля/1 л воды). Опытные и контрольные гусеницы содержались в одинаковых емкостях объемом 3000 см³ при температуре 20–22°C, относительной влажности воздуха 70–80% и одинаковых условиях освещенности. Гусеницы первого возраста в опыте питались обработанным кормом в течение трех суток. Через трое суток обработанные листья дуба и березы заменяли на свежие необработанные и дальше кормили только свежим необработанным кормом.

Показатели питания определяли «гравиметрическим» балансовым методом [10]. Взвешивание проводили на торсионных и аналитических весах. Все величины выражали в абсолютно сухой массе. Сухую массу тела гусениц определяли на контрольной группе особей, воспитывавшихся в режиме опыта. Полученные данные использовали для расчета коэффициента утилизации корма: $KU = A \cdot C^{-1} \cdot 100\%$ [8]. Так как гусеничная фаза определяет ход развития всех других фаз дубового шелкопряда, нами проанализирован баланс энергии гусениц после воздействия агониста экдистероидов на разных кормовых растениях. В основу расчетов скорости потока энергии положено равенство [9], согласно которому количество энергии, поступившее в организм с пищей (С), равно сумме энергии, израсходованной на прирост биомассы тела (Р), использованной на покрытие его метаболических расходов (R) и выделенной организмом с неусвоенной частью пищи (F): $C = P + R + F$. Величины калорийности определяли методом мокрого сжигания [10].

Результаты и их обсуждение. Изучение воздействия агониста экдистероидов R-211 на процессы потребления и усвоения листа дуба и березы гусеницами дубового шелкопряда (табл. 1) показало, что в опыте на дубе после трехсуточного контакта с агонистом в течение I–III возрастов гусеницы съедали корма в среднем на 20% меньше, чем в контроле, усваивали его (КУ) на 7% хуже. У гусениц IV–V возрастов кормовой рацион увеличился примерно на 10%, но при этом наблюдалось снижение КУ на 4%. За весь период развития в опыте гусеницы съели листа дуба в среднем на 9% больше, чем в контроле, но утилизировали его с меньшей эффективностью по сравнению с контролем примерно на 4%. На березе эффект влияния R-211 проявился сильнее, чем на дубе. Так, гусеницы I–III возрастов съедали корма на 30% меньше, чем в контроле, эффективность его утилизации (КУ) на 8% ниже. У гусениц IV–V возрастов кормовой рацион увеличился примерно на 2%, но КУ снизился на 5%. За весь период развития гусеницы съели корма на 5% больше, усвоили его хуже на 7%. Сравнение показателей питания шелкопряда после контактно-кишечного воздействия на гусениц показало, что в опыте на березе за весь период развития съели корма на 20% больше, но усвоили его на 5% хуже, чем в опыте на дубе.

Таким образом, питание листом дуба несколько ослабляет отрицательное воздействие R-211, питание листом березы его усиливает.

Адаптации насекомых и других животных к изменению пищевых условий сопровождаются изменениями энергозатрат на поддержание жизнедеятельности [11]. Оценку энергозатрат гусениц при изменении кормового режима или энергетическую ценность физиологической адаптации насекомого можно определить путем расчета энергетического баланса насекомого. Для расчета энергобалансов необходимо знать калорийность пищи, экскрементов и тела гусениц. Эти данные представлены нами в табл. 2. Исходя из ее данных следует, что калорийность листа березы выше, чем калорийность листа дуба. Калорийность гусениц, питавшихся листом дуба, обработанным R-211 0,1% концентрации, несколько меньше, чем калорийность гусениц, питавшихся

листом березы, обработанным раствором той же концентрации данного агониста.

Таблица 1

Изменение индексов питания китайского дубового шелкопряда под влиянием агониста экдистероидов R-211

Вариант опыта	Возраст	Кормовой рацион, г/экз.		Усвоено корма, г сухой массы/экз.	Кoeffициент утилизации, % (КУ)
		сырая масса	сухая масса		
Дуб черешчатый	Л ₁	0,07 ± 0,04	0,028 ± 0,002	0,022 ± 0,006	78,57 ± 0,43
	Л ₂	0,38 ± 0,11	0,152 ± 0,006	0,11 ± 0,008	72,37 ± 0,37
	Л ₃	3,42 ± 0,10	1,34 ± 0,04	0,49 ± 0,07	44,03 ± 0,25
	Л ₄	11,54 ± 0,17	4,62 ± 0,06	1,54 ± 0,10	41,99 ± 0,22
	Л ₅	40,21 ± 0,19	16,08 ± 0,08	4,37 ± 0,13	27,18 ± 0,13
	Итого	55,62	22,22	6,53	31,64
Контроль	Л ₁	0,09 ± 0,02	0,036 ± 0,010	0,031 ± 0,005	86,11 ± 0,35
	Л ₂	0,46 ± 0,13	0,184 ± 0,061	0,147 ± 0,008	79,89 ± 0,41
	Л ₃	3,19 ± 0,09	1,08 ± 0,05	0,53 ± 0,08	49,62 ± 0,28
	Л ₄	9,89 ± 0,15	3,96 ± 0,07	1,72 ± 0,09	44,26 ± 0,25
	Л ₅	37,15 ± 0,28	14,86 ± 0,14	4,78 ± 0,15	32,16 ± 0,18
	Итого	50,78	20,12	7,21	35,83
Береза бородавчатая	Л ₁	0,073 ± 0,004	0,029 ± 0,023	0,02 ± 0,006	68,97 ± 0,49
	Л ₂	0,51 ± 0,02	0,204 ± 0,062	0,134 ± 0,009	65,69 ± 0,47
	Л ₃	4,12 ± 0,04	1,65 ± 0,09	0,52 ± 0,07	37,58 ± 0,36
	Л ₄	13,84 ± 0,06	5,54 ± 0,10	1,75 ± 0,11	35,19 ± 0,24
	Л ₅	52,19 ± 0,07	20,87 ± 0,14	5,28 ± 0,18	25,29 ± 0,25
	Итого	70,73	28,29	7,70	26,72
Контроль	Л ₁	0,12 ± 0,04	0,041 ± 0,026	0,033 ± 0,004	82,51 ± 0,54
	Л ₂	0,65 ± 0,16	0,233 ± 0,084	0,152 ± 0,008	66,15 ± 0,42
	Л ₃	3,82 ± 0,12	1,35 ± 0,07	0,61 ± 0,08	46,53 ± 0,31
	Л ₄	13,11 ± 0,15	5,24 ± 0,09	2,13 ± 0,12	40,65 ± 0,29
	Л ₅	49,71 ± 0,25	19,88 ± 0,11	6,11 ± 0,21	31,14 ± 0,21
	Итого	67,41	26,74	9,04	33,81

Сделанный нами расчет энергетических балансов гусениц дубового шелкопряда на дубе и березе при обработке листа кормовых растений агонистом экдистероидов R-211 0,1% концентрации дал интересные результаты (табл. 3). В опыте на дубе поток энергии, поступающий в организм гусениц I–III возрастов вместе с кормом, снижается в среднем на 8% по сравнению с контролем, траты усвоенной энергии пищи на обменные процессы возрастают примерно на 5%, а на создание зоомассы – снижаются на 3%. Гусеницы IV–V возрастов получали в среднем на 6% меньше энергии вместе с пищей, на обменные процессы тратили энергии примерно на 7% больше, на прирост массы – на 9% меньше, чем в контроле. За весь период развития в опыте на дубе после попадания в организм дубового шелкопряда R-211 гусеницы усваивали энергию пищи в среднем на 7% хуже, чем в контроле, энергетические траты на обменные процессы были на 8% больше, а на создание прироста массы на 9% меньше по сравнению с контролем.

В опыте на березе в организм гусениц I–III возрастов поступало энергии вместе с пищей на 10% меньше, чем в контроле, на обмен веществ подопытные особи тратили энергии в среднем на 25% больше, а на создание зоомассы – на 30% меньше по сравнению с контролем. В организм гусениц IV–V возрастов поток энергии, поступающий вместе с кормом, снижается примерно на 8% по сравнению с контролем, траты энергии на обмен веществ увеличиваются на 40%, а на прирост массы – на 35% меньше, чем в контроле. За весь период развития гусеницы усваивали энергию, поступившую в их организм вместе

с обработанным листом березы, на 10% хуже, чем в контроле, тратили на 35% больше энергии на обменные процессы и на 30% меньше на создание массы.

Таблица 2

Калорийность пищи, экскрементов и гусениц дубового шелкопряда в зависимости от воздействия агониста экдистероидов R-211 (ккал/г)

Кормовое растение	Вид образца	Возраст	R-211 0,1%	Контроль
Дуб	корм	Л ₁	4,17	4,17
		Л ₂	4,42	4,42
		Л ₃	4,13	4,13
		Л ₄	3,94	3,94
		Л ₅	3,81	3,81
	экскременты	Л ₁	3,74	3,58
		Л ₂	3,52	3,43
		Л ₃	3,11	2,96
		Л ₄	2,74	2,66
		Л ₅	3,11	2,93
	гусеницы	Л ₁	2,76	2,81
		Л ₂	3,18	3,20
		Л ₃	3,26	3,30
		Л ₄	3,15	3,20
		Л ₅	3,43	3,51
Береза	корм	Л ₁	5,41	5,41
		Л ₂	6,42	6,42
		Л ₃	6,40	6,40
		Л ₄	5,77	5,77
		Л ₅	5,28	5,28
	экскременты	Л ₁	4,13	3,99
		Л ₂	3,91	3,75
		Л ₃	3,87	3,70
		Л ₄	2,79	2,58
		Л ₅	2,52	2,15
	гусеницы	Л ₁	3,27	3,70
		Л ₂	3,59	3,95
		Л ₃	4,13	4,50
		Л ₄	4,31	4,63
		Л ₅	4,45	4,75

В нормальных условиях дубовый шелкопряд как при питании листом дуба, так и листом березы большую часть усвоенной энергии тратит на создание зоомассы, меньшую – на обменные процессы. После попадания в организм дубового шелкопряда R-211 произошло перераспределение энергии усвоенной пищи в сторону увеличения энергетических затрат на обмен веществ и снижения на создание зоомассы по сравнению с контролем. Сравнение энергетических балансов дубового шелкопряда после контактно-кишечного способа воздействия агониста показало, что за весь период развития в опыте на дубе гусеницы тратили на обмен веществ в среднем на 25% меньше усвоенной энергии пищи, а на создание зоомассы – на 20% больше по сравнению с опытом на березе.

Таким образом, влияние R-211 0,1% концентрации на баланс энергии в организме дубового шелкопряда проявляется в значительном уменьшении потока энергии, поступающей вместе с пищей, за счет ухудшения ее перевариваемости, что согласуется с данными о процессах потребления и усвоения корма, и это в большей степени проявляется при питании листом березы, чем листом дуба.

Таблица 3

Динамика энергетического баланса гусениц дубового шелкопряда под воздействием агониста экдистероидов R-211 0,1%, кДж/экз.⁻¹

Кормовое растение	Возраст гусениц	Потребленная пища, С	Экскременты, F	Усвоенная пища, А		Траты на обмен веществ, R		Траты на прирост массы, P	
				кДж	%	кДж	%	кДж	%
Дуб черешчатый	Л ₁	0,490	0,092	0,398	81,22	0,226	56,78	0,172	43,21
	Л ₂	2,816	0,620	2,196	77,98	0,864	39,34	1,332	60,65
	Л ₃	23,17	11,06	12,11	52,27	7,58	42,59	4,53	37,41
	Л ₄	76,26	35,36	40,90	53,63	23,34	57,06	17,56	42,93
	Л ₅	266,68	152,59	114,09	42,78	64,06	56,15	50,03	43,85
	Итого	369,42	199,72	169,69	—	96,07	—	—	—
Контроль	Л ₁	0,629	0,075	0,554	88,07	0,273	49,27	0,281	50,72
	Л ₂	3,394	0,532	2,862	84,33	1,387	48,46	1,475	51,54
	Л ₃	18,69	6,83	11,86	63,46	6,45	54,38	5,41	45,61
	Л ₄	65,36	24,97	40,39	61,79	21,74	53,82	18,65	46,17
	Л ₅	237,24	123,73	113,51	47,85	52,92	46,62	60,59	53,38
	Итого	325,31	156,14	169,17	—	82,73	—	86,41	—
Береза бородавчатая	Л ₁	0,653	0,155	0,498	76,26	0,318	63,85	0,180	36,14
	Л ₂	5,48	1,148	4,332	79,05	3,008	69,44	1,324	30,56
	Л ₃	44,25	18,31	25,94	58,62	18,90	72,86	7,08	27,29
	Л ₄	133,95	44,29	89,66	66,94	71,06	79,25	18,60	20,75
	Л ₅	461,69	164,63	297,06	64,34	228,80	77,02	68,26	22,98
	Итого	646,02	228,53	417,49	—	322,09	—	—	—
Контроль	Л ₁	0,926	0,134	0,729	85,53	0,356	46,83	0,436	59,81
	Л ₂	6,264	1,274	4,99	79,66	1,823	36,53	3,167	63,47
	Л ₃	36,20	11,48	24,72	68,28	9,05	36,61	15,67	63,39
	Л ₄	126,66	33,60	93,06	73,47	33,94	36,47	59,12	63,53
	Л ₅	439,78	124,07	315,71	71,78	108,86	34,48	206,85	65,52
	Итого	609,83	170,56	439,21	—	154,03	—	285,24	—

Заклучение. В результате наших исследований установлено, что контактно-кишечное воздействие R-211 0,1% концентрации на гусениц привело к нарушениям процессов потребления и усвоения корма и энергетических балансов в организме дубового шелкопряда. Так, после попадания биологически активного вещества в организм гусениц в течение развития отмечено уменьшение КУ на дубе в среднем на 4%, в опыте на березе – на 7% по сравнению с контролем. Кормовое растение оказывает коррелирующее влияние на процессы питания насекомого – питание листом дуба несколько ослабляет отрицательное воздействие агониста, питание листом березы его усиливает. Влияние модельного ксенобиотика на баланс энергии в организме гусениц дубового шелкопряда проявляется в перераспределении энергии в сторону увеличения энергозатрат на энергетический обмен на дубе на 8%, на березе – на 35% и снижения затрат на пластический обмен на дубе на 9%, на березе – на 30% по сравнению с контролем.

Следовательно, культуру китайского дубового шелкопряда можно использовать для оценки действия ксенобиотиков на эукариотический организм, а также в качестве объекта биологического мониторинга химического загрязнения окружающей среды.

Исследования выполнялись в рамках научно-исследовательской работы по фонду фундаментальных исследований Республики Беларусь № Б07К–15 «Влияние биологически активных соединений на дендрофильных чешуекрылых».

ЛИТЕРАТУРА

1. **Радкевич, В.А.** Экология листогрызущих насекомых / В.А. Радкевич. – Минск: Наука и техника, 1980. – 240 с.
2. **Денисова, С.И.** Теоретические основы разведения китайского дубового шелкопряда в Беларуси / С.И. Денисова. – Минск: Технопринт, 2002. – 234 с.
3. **Аретинська, Т.Б.** Виробництво та використання коконів дубового шовкопряда польський тасар / Т.Б. Аретинська, В.О. Трокоз, Т.М. Єфіменко, Н.В. Трокоз. – Київ, 2005. – С. 20–22.
4. **Гормональная регуляция развития насекомых** / ред. М.С. Гиляров, В.И. Тобиас, В.Н. Буров. – Л., 1983.
5. **Ахрем, А.А.** Экдистероиды: химия и биологическая активность / А.А. Ахрем, Н.В. Ковганко. – Минск, 1989.
6. **Carton, B.** Toxicity of two ecdysone agonists, halofenozide and methoxyfenozide, against the multicoloured Asian lady beetle *Harmonia axyridis* (Col., Coccinellidae) / B. Carton, G. Smagghe, L. Tirry // *J. Appl. Entomol.* – 2003. – Vol. 127, № 4. – P. 240–242.
7. **Smagghe, G.** Comparative toxicity and ecdysone receptor affinity of nonsteroidal ecdysone agonists and 20-hydroxyecdysone in *Chironomus tentans* / G. Smagghe, T.S. Dhadialla, M. Lezzi // *Insect Biochem. And Mol. Biol.* – 2002. – Vol. 32, № 2. – P. 187–192.
8. **Waldbauer, G.P.** The consumption and utilization of food by insects / G.P. Waldbauer // *Adv. Insect Physiol.* – 1968. – Vol. 5. – P. 254–288.
9. **Баранчиков, Ю.Н.** Трофическая специализация чешуекрылых / Ю.Н. Баранчиков. – Красноярск, 1987. – 170 с.
10. **Остапеня, А.П.** Методы определения продукции водных животных / А.П. Остапеня – Минск: Высшая школа, 1968. – 245 с.
11. **Дольник, В.Р.** Масса тела, энергетический метаболизм и время жизни птиц / В.Р. Дольник // *Зоол. журнал.* – 2006. – Т. 85, № 10. – С. 1155–1163.

S U M M A R Y

*In *Antheraea pernyi* G.-M. organism infringements of energy balance have been investigated after the influence of model xenobiotics – ecdysone agonists R-211 in concentration 0,1% on caterpillars in experiments on oak and birch. It is confirmed that the influence of model xenobiotics on energy balance is proved in energy redistribution towards the increase of energy consumption on energy exchange in oak (8%) and birch (35%) and towards the reduce of it on plastic exchange in oak (9%) and birch (30%). Oak leaf nutrition reduces negative influence of bioactive substance on energy balance in insect organism and birch leaf nutrition increases it.*

Поступила в редакцию 26.11.2008

Т.Ю. Крестьянинова, И.М. Прищепа

Оптимизация рациона питания учащихся с целью коррекции дисбиотических расстройств кишечника, обусловленных учебным стрессом

Адаптация к новым условиям обучения, значительные психоэмоциональные нагрузки, испытываемые учащимися в течение учебного года, специфика обучения в учреждении образования, обеспечивающем получение среднего специального медицинского образования, могут оказывать негативное влияние на состояние здоровья [1–2].

Одним из показателей состояния здоровья человека является состав микрофлоры тела человека и, в частности, микробного ценоза кишечника.

Несмотря на то, что кожные покровы и открытые полости организма человека населены симбионтами, под воздействием неблагоприятных факторов внешней среды и других причин комменсальные и симбионтные взаимоотношения между представителями микрофлоры могут быть нарушены.

Дисбактериоз кишечника (дисбиоз, синдром избыточного роста кишечной микрофлоры, нарушение колонизационной резистентности) – это количественное и качественное изменение состава нормальной кишечной микрофлоры (биоценоза кишечника), а также мест ее обитания. При этом подразумевается, что кишечный зубиоз – это эволюционно сложившееся качественное (видовое) и количественное соотношение представителей облигатной и факультативной симбионтной микрофлоры толстого кишечника здорового человека. Убедительно показана тесная корреляция дисбактериоза кожи, зева, мочеполового тракта и дисбиотических изменений в кишечнике. Дисбактериоз кишечника не является самостоятельным заболеванием, а есть микробиологическое состояние, приводящее к нарушению функционирования микрофлоры и появлению определенных симптомов, ассоциированных патологических состояний [3].

Нарушение качественного и количественного состава кишечного зубиоза может развиваться как при наличии патологии желудочно-кишечного тракта, быть следствием ятрогенных вмешательств, погрешностей в режиме и сбалансированности питания, так и в условиях учебного стресса [3–4].

Целью настоящего исследования является изучение частоты, динамики возникновения и возможности нутрицевтической коррекции дисбиотических расстройств кишечника среди учащихся Витебского государственного медицинского колледжа.

Материал и методы. Исследование проводили на базе областной зональной бактериологической лаборатории Государственного учреждения «Витебский областной центр гигиены, эпидемиологии и охраны здоровья».

В исследовании приняло участие 83 учащихся, обучавшихся в Витебском государственном медицинском колледже в период с 2006 по 2008 учебный год. Было сформировано 2 группы в соответствии со сроками обучения. Первую группу составили 40 учащихся, обучавшихся на II курсе Витебского государственного медицинского колледжа в 2006–2007 учебном году, среди них

были 31 девушка и 9 юношей в возрасте 19–20 лет. Во вторую группу вошли 33 девушки и 10 юношей, в возрасте 19–20 лет, обучавшихся на II курсе названного учреждения образования в 2007–2008 учебном году. Согласно данных медицинских карт учащиеся обеих групп на момент проведения исследования не имели патологии желудочно-кишечного тракта, микробных заболеваний других органов и тканей, не подвергались длительной антибиотико-, химио- и гормонотерапии, способных привести к дисбиозу кишечника.

Исследование количественного и качественного состава микробиоценоза кишечника проводили по методике, предложенной Р.В. Эжитейн-Литвак и Ф.Л. Вильшанской в модификации Московского научно-исследовательского института эпидемиологии и микробиологии им. Г.Н. Габричевского [5–6]. Этот метод позволяет определить частоту выделения и среднее количество основных представителей кишечной микрофлоры в 1 г фекалий. Сопоставление полученных результатов с возрастной нормой дает возможность определить степень дисбиотических нарушений [6].

В первой группе исследование микробиоценоза кишечника проводили двукратно в начале учебного года (сентябрь) и в конце осеннего семестра (декабрь). Во второй группе проводилось дополнительное исследование микробного ценоза (февраль).

Подверженность учебному стрессу в обеих группах определяли по методике Kelly на момент начала исследования и 3 месяца спустя начала учебного года.

Среди учащихся обеих групп было проведено анкетирование, позволяющее получить данные о их характере и сбалансированности рациона питания [6].

Результаты и их обсуждение. Было выявлено, что к началу учебного года в состоянии стресса находилось двое учащихся первой группы, что составило 5% от общего числа лиц, принявших участие в исследовании, спустя 3 месяца от начала учебного года состояние стресса испытывало 30% учащихся этой группы ($p < 0,05$).

Во второй группе к моменту начала учебного года в состоянии стресса находилось 9,3% учащихся. При повторном исследовании было выявлено, что учебный стресс испытывают 17 учащихся, что составляет 39,5%.

У 4 учащихся 1 группы при первом обследовании было выявлено снижение количества бифидобактерий менее 10^8 КОЕ/г фекалий, у 7 учащихся обнаружены грибы рода *Candida* более 10^2 КОЕ/г испражнений, у 4 человек обнаруживались энтерококки в количестве более 10^6 КОЕ/г фекалий, что соответствует II степени дисбактериоза, характеризующейся выраженным дефицитом бифидобактерий на фоне терминального или сниженного количества лактобацилл или их сниженной кислотообразующей активности, дисбалансом в количестве и качестве кишечных палочек, размножением коагулирующих плазму стафилококков ($p < 0,05$).

При повторном обследовании у 9 человек из этой группы наблюдался выраженный дефицит бифидобактерий, у 8 обследованных был выявлен дисбаланс количественного и качественного состава *E. coli*. У 10 учащихся на фоне дефицита защитных компонентов кишечного микробиоценоза наблюдалось усиленное размножение грибов рода *Candida*, появление условно-патогенной микрофлоры, что позволяет думать о кишечном дисбактериозе II степени ($p < 0,05$).

Аналогичная картина наблюдалась у учащихся, обследованных в 2007–2008 учебном году. При первом обследовании у 7 учащихся было выявлено снижение количества бифидобактерий менее 10^8 КОЕ/г фекалий, у 8 – высевались грибы рода *Candida*, у 8 человек обнаруживались энтерококки в превышающей возрастную норму количестве. Повторное исследование показало

ло, что число лиц с нарушениями состава микробного ценоза кишечника увеличилось ($p < 0,05$) (табл. 1).

Формирование у ряда учащихся пусковой фазы дисбактериоза через 3 месяца после начала учебного года при отсутствии патологии желудочно-кишечного тракта микробного и немикробного генеза, антибиотико-, химио- и гормонотерапии позволяет думать о дисбактериозе, вызванном психоэмоциональным напряжением, что подтверждается высоким коэффициентом корреляции (0,761).

Таблица 1

Диагностические критерии дисбактериоза кишечника у обследованных лиц

Критерии	I группа (n = 40)		II группа (n = 43)	
	Сентябрь 2006	Декабрь 2006	Сентябрь 2007	Декабрь 2007
Снижение количества бифидобактерий менее 10^8 КОЕ/г фекалий	0,1±0,04	0,23±0,06*	0,16±0,04	0,20±0,06*
Появление кишечной палочки с измененными свойствами в количестве более 10% от общего их числа	–	0,20±0,06*	–	0,19±0,06*
Обнаружение энтерококков в количестве более 10^6 КОЕ/г	0,1±0,04	0,1±0,04	0,19±0,06	0,26±0,07*
Появление гемолитической микрофлоры	–	–	–	–
Появление условно-патогенной микрофлоры	–	0,1±0,04*	–	–
Обнаружение грибов рода <i>Candida</i> более 10^2 КОЕ/г	0,18±0,06	0,25±0,06*	0,19±0,06	0,30±0,07
Обнаружение <i>S. aureus</i>	–	–	–	–
Обнаружение <i>S. epidermidis</i> более 10^5 КОЕ/г	–	–	–	–
Обнаружение клостридий более 10^5 КОЕ/г	–	–	–	–

* $p \leq 0,05$.

При изучении характера и сбалансированности рациона питания было выявлено, что 74,7% учащихся отдавали предпочтение питанию типа fast-food, 46,9% учащихся питались нерегулярно (два раза в день).

Учащимся из 2 группы, имеющим дисбиотические расстройства, было предложено включить в рацион питания кисломолочные продукты, обогащенные бифидо- и лактобактериями, отрегулировать режим питания. Кроме того, был рекомендован прием поливитаминных препаратов.

Спустя месяц бактериологически было выявлено уменьшение числа лиц с нарушениями микробного ценоза кишечника, причем степень выраженности дисбиотических изменений осталась прежней.

Так, при дополнительном обследовании у 8 учащихся было выявлено снижение количества бифидобактерий менее 10^8 КОЕ/г фекалий, у 9 – высевались грибы рода *Candida*, у 9 человек обнаруживались энтерококки в превышающем возрастную норму количестве ($p < 0,05$) (табл. 2).

Таблица 2

Диагностические критерии дисбактериоза кишечника у 2 группы обследованных лиц после нутрицевтической коррекции (n = 43)

Критерии	Сентябрь 2007	Декабрь 2007	Февраль 2008
Снижение количества бифидобактерий менее 10^8 КОЕ/г фекалий	0,16±0,04	0,20±0,06*	0,19±0,06*
Появление кишечной палочки с измененными свойствами в количестве более 10% от общего их числа	–	0,19±0,06*	–
Обнаружение энтерококков в количестве более 10^6 КОЕ/г	0,19±0,06	0,26±0,07*	0,21±0,06*
Появление гемолитической микрофлоры	–	–	–
Появление условно-патогенной микрофлоры	–	–	–
Обнаружение грибов рода <i>Candida</i> более 10^2 КОЕ/г	0,19±0,06	0,30±0,07	0,21±0,06*
Обнаружение <i>S. aureus</i>	–	–	–
Обнаружение <i>S. epidermidis</i> более 10^5 КОЕ/г	–	–	–
Обнаружение клостридий более 10^5 КОЕ/г	–	–	–

* $p \leq 0,05$.

Заключение. Таким образом, у учащихся учреждения, обеспечивающего получение среднего специального медицинского образования, имеют место дисбиотические расстройства кишечника, обусловленные учебным стрессом. Оптимизация рациона и режима питания приводит к коррекции данных расстройств. Существует необходимость углубленного изучения вопросов рационального питания учащихся во время учебных и внеаудиторных занятий.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Покровский, В.И.** Медицинская микробиология / В.И. Покровский. – М.: ГЕОТАР МЕДИЦИНА, 1998. – 1183 с.
2. **Павлович, С.А.** Микробиология с вирусологией и иммунологией: учеб. пособие / С.А. Павлович. – Минск: Высш. шк., 2005. – 799 с.
3. **Королюк, А.М.** Медицинская микробиология / А.М. Королюк. – СПб., 2002. – 267 с.
4. **Алеушкина, А.В.** Медицинская микробиология: учеб. пособие / А.В. Алеушкина. – Ростов н/Д: Феникс, 2003. – 480 с.
5. **Бургер, М.О.** Справочник по микробиологическим и вирусологическим методам исследования / М.О. Бургер. – М.: Медицина, 1982. – 462 с.
6. **Грачева, Н.М.** Применение бактериальных биологических препаратов в практике лечения больных кишечными инфекциями. Диагностика и лечение дисбактериоза кишечника: метод. рекомендации. – М., 1986. – 24 с.

S U M M A R Y

The rate of cases and dynamic of disbiotical disorders of students is investigated. The increase of the cases of disbacteriose of intestines in 3 months after the beginning of academic year is marked. Dairy production with the bifid bacterium and the lactobacillus in the rations of the nutrition is introduced. The disorders of the microbes' cenosis were corrected.

Поступила в редакцию 22.12.2008

БИОХИМИЯ: учебное руководство / А.А. Чиркин, Е.О. Данченко. – М.: Мед. лит., 2010. – 624 с. Тираж 2000 экз. Допущено Министерством образования Республики Беларусь в качестве учебного пособия для студентов и магистрантов высших учебных заведений по биологическим и медицинским специальностям.

В учебном пособии приведены устоявшиеся данные, составляющие основу биохимии XXI века. Весь материал структурирован в виде 36 примерно равных по объему порций (разделов, лекций), предназначенных для изучения дисциплины в течение учебного года (36 недель). Учебное пособие проиллюстрировано 310 рисунками, выполненными в одном стиле, 57 информативными таблицами. В нем приведены 130 примеров использования биохимических данных в медицине. В отличие от аналогичных изданий, в данном учебном пособии приведены современные методы биохимического исследования, которые нашли применение в различных областях молекулярной биологии, а также в диагностике и контроле эффективности лечения различных заболеваний (масс-спектрометрия белков – MALDI-TOF, иммуноферментный анализ, полимеразная цепная реакция, электрофорез SDS-PAGE, Вестерн-блоттинг и др.). В относительно небольшом объеме учебного пособия авторам удалось разместить значительное количество справочного материала в виде таблиц (аминокислоты, белки, активные метаболиты кислорода, витамины, сигнальные молекулы, гормоны, биохимический портрет человека и др.). Отличительной особенностью книги является ее функциональная направленность: большое внимание уделено функциональной биохимии (биохимия крови, печени, мышц, соединительной ткани) и биохимии гибели (апоптоз и некроз) или «бессмертия» клеток (опухолевая трансформация). В учебном издании крупным шрифтом представлен основной материал, обсуждаемый в аудиторное время (лекционный вариант). Мелким шрифтом приведены справочные данные и материалы для самостоятельного изучения студентами.

Предназначено для студентов, магистрантов и аспирантов биологических и медицинских вузов, оно может использоваться также в практической деятельности врачами, биологами, биозкологами и валеологами.

Н.А. Степанова

УЧИМСЯ ЭКОНОМИИ И БЕРЕЖЛИВОСТИ. Азбука Берегоши: 2–4 кл.: пособие для учителей общеобразоват. учреждений с рус. яз. обучения / И.В. Галузо [и др.]. – Минск: Адукацыя і выхаванне, 2009. – 336 с.: ил. – Доп. тираж 500 экз.

Представлены материалы для факультативных занятий по программе «Азбука Берегоши» во II–IV классах общеобразовательных учреждений. Имеются примерный тематический план, методические рекомендации к организации и проведению занятий по каждой теме, подобран практический материал для игровых форм обучения (загадки, пословицы и поговорки, кроссворды, стихи, подвижные игры и т.д.).

Содержание факультативных занятий с младшими школьниками по программе «Азбука Берегоши» направлено на формирование ответственного отношения учащихся к природной среде и энергоресурсам.

Предназначено для учителей общеобразовательных учреждений. Может быть полезно родителям и студентам педагогических специальностей вузов.

Пособие рекомендовано к изданию Научно-методическим учреждением «Национальный институт образования Министерства образования Республики Беларусь».

Ю.И. Бохан

В течение уже 10-летнего периода студентами факультета физической культуры и спорта проводится социальная работа с населением. Данное направление волонтерской деятельности осуществляется в рамках общественного объединения «Витебский молодежный клуб адаптивной физической культуры и спорта» (ОО «ВМК АФиС»). Предметом его деятельности является привлечение молодежи к практической деятельности в области пропаганды и организации массовой физкультурно-оздоровительной работы среди населения, решение проблемы социальной адаптации и интеграции инвалидов в обществе.

30 октября 2009 года факультетом физической культуры и спорта совместно с территориальным центром социального обслуживания населения Первомайского района на базе гимназии № 8 был проведен культурно-спортивный праздник «Спорт без возраста». В нем приняли участие четыре команды ветеранов труда, такие, как сборная команда первичных ветеранских организаций, команда ЖЭУ № 19, № 21 и РУПП «Витязь». Спортивный праздник был проведен с целью рассмотрения внутриобщественных интеграционных процессов, гуманизации жизни в целом. Основными задачами его стали: укрепление физического и эмоционального здоровья, формирования здорового образа жизни, компенсирование отрицательных последствий гиподинамии, расширение форм волонтерской деятельности студенческой молодежи как действенного направления воспитательной работы вуза.

А.А. Синютич

По инициативе кафедры всеобщей истории и мировой культуры исторического факультета УО «ВГУ им. П.М. Машерова» 29–30 октября 2009 года на базе университета прошла международная научная конференция «Актуальные проблемы современного гуманитарного познания». В ней приняли участие представители разных гуманитарных дисциплин всех вузов г. Витебска и многих вузов Республики Беларусь, ученые из России и Молдовы, студенты старших курсов исторического факультета. На пленарном заседании со вступительным словом выступил заведующий кафедрой философии нашего университета Э.И. Рудковский. Приветствие участникам конференции от ректората адресовала проректор по воспитательной работе И.В. Бондал. Со вниманием и интересом были восприняты доклады по гносеологической проблематике гуманитарных наук заведующего кафедрой всеобщей истории и мировой культуры В.И. Каравкина, специалистов в области методологии и философии науки доктора исторических наук, профессора кафедры источниковедения исторического факультета БГУ В.Н. Сидорцова, доктора философских наук, профессора М.А. Слемнева, кандидата философских наук, доцента А.Б. Демидова (УО «ВГУ им. П.М. Машерова»). Работа конференции была продолжена на секциях философских исследований, исследований по всеобщей истории, истории Беларуси, в областях экономики и правоведения, филологии и искусствоведения, психологии и педагогики. В атмосфере доброжелательности и диалога участники конференции обсуждали сложнейшие проблемы специфики гуманитарного познания, его социальной значимости в современном мире. Научный форум способствовал актуализации древнейшей проблематики познания, без осмысления которой утрачиваются основания целеполагания теоретической деятельности, особенно в широкой сфере гуманитарии.

И.В. Николаева

15–16 октября 2009 года на художественно-графическом факультете нашего университета прошла 6-я Международная научно-практическая конференция «Изобразительное искусство в системе образования», посвященная 50-летию факультета.

В ней участвовали известные белорусские искусствоведы, дизайнеры, опытные педагоги-методисты, аспиранты, магистранты. На пленарном заседании и заседаниях трех секций («Проблемы теории и методики художественного образования», «Искусствоведение в контексте художественного образования», «Теория и методология дизайна») было заслушано более сорока докладов. Активное участие в работе конференции приняли гости из Минска, Бреста, Мозыря, Новополоцка, Винницы (Украина), Кишинева (Молдавия), Смоленска (Россия), Хух-Хото (КНР).

В дни конференции был заключен договор о сотрудничестве с Винницким государственным педагогическим университетом им. М. Коцюбинского (Украина).

15 октября в выставочном зале факультета была открыта выставка творческих работ преподавателей, посвященная юбилею. В экспозиции было представлено более 50 работ живописи, графики, скульптуры, декоративно-прикладного искусства и дизайна 27-ми авторов, отражающих высокий творческий потенциал коллектива.

Комплекс мероприятий, посвященных 50-летию художественно-графического факультета, включил в себя большую выставку дипломных работ студентов ХГФ (живопись, графика, скульптура, декоративно-прикладное искусство), которая с успехом прошла в октябре этого года в выставочном зале Витебского художественного музея.

В выставочном зале Центра современного искусства Витебска в конце октября была развернута выставка «Мастакі Беларусі – мастацка-графічнаму факультэту», экспозиция которой включила работы выпускников ХГФ – членов Белорусского союза художников, а также многочисленные фотографии, рассказывающие об истории художественно-графического факультета и кафедры изобразительного искусства.

В рамках конференции гости ознакомились с достопримечательностями Витебска, посетили музеи и выставочные залы города.

Н.А. Гугнин

24–26 ноября 2009 г. на музыкальном факультете Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета (Россия, г. Казань) состоялась V Международная научно-практическая конференция «Искусство и педагогика: проблемы художественного и музыкального образования».

В научной дискуссии приняли участие преподаватели музыкально-педагогических вузов и ссузов, школьные учителя, научные работники, деятели культуры и искусства, молодые исследователи (аспиранты, соискатели, выпускники вузов) из различных регионов России – центральных и северо-западных областей, Поволжья, Урала, Северного Кавказа, а также зарубежные коллеги из Беларуси, Украины, Болгарии, Израиля, Канады, Франции.

Широко обсуждались вопросы, посвященные современным тенденциям развития музыкального и художественного образования, философско-эстетическим и искусствоведческим аспектам художественного образования; методике преподавания музыкальных и художественных дисциплин (инструментально-исполнительских, вокально-хоровых, музыкально-теоретических, хореографических), музыкального воспитания молодежи (музыкально-эстетического, патриотического и др.), психологическим аспектам развития музыкальных способностей учащихся; изучению национальных музыкальных культур и использованию их в обучении и др.

Во время конференции был заключен международный договор о научно-методическом сотрудничестве между УО «ВГУ им. П.М. Машерова» и ТГГПУ (г. Казань, Российская Федерация).

Б.Г. Кожевников

24–26 ноября 2009 года в г. Минске состоялась XVII Международная научно-практическая конференция «Экология человека в постчернобыльский период». Ее организаторами явились Национальная академия наук Беларуси, Белорусский государственный медицинский университет, Международный фонд Арника «Помощь больным с радиоиндуцированным раком щитовидной железы», «Белорусский комитет «Дети Чернобыля». На научном форуме было представлено и обсуждено 107 устных сообщений и более 20 стендовых докладов. В приветственном слове член редакционного совета конференции профессор А.А. Чиркин отметил, что мультидисциплинарный принцип конференции позволил создать летопись научных исследований ученых Беларуси, посвященных изучению последствий катастрофы на Чернобыльской атомной станции и их минимизации. Фактически 17 томов-ежегодников материалов этой конференции служат источником сравнительных и справочных данных о медико-биологических и социальных характеристиках белорусской нации в постчернобыльском периоде. Витебский регион представляли профессор А.А. Чиркин (пленарный доклад в соавторстве с аспирантом Д.И. Паршонком), А.Н. Дударев (доклад в соавторстве с И.А. Литвенковой), Т.А. Толкачева, О.М. Балаева-Тихомирова, Ю.В. Сараев (все сотрудники УО «ВГУ им. П.М. Машерова»), а также представитель ГУО «Витебский областной институт развития образования» Е.В. Полкова

Н.А. Степанова

25–26 ноября 2009 года в г. Минске на базе химического факультета БГУ и Научно-исследовательского института физико-химических проблем прошел Международный молодежный форум «Вода, изменение климата и здоровье человека». Он был организован в плане объявленного ООН с 2005 года десятилетия действий под лозунгом «Вода для жизни». Главной целью явилось повышение информированности молодежи по вопросам загрязнения и охраны водных ресурсов, последствий изменения климата и сохранения здоровья человека. Отсюда и особая форма проведения этой научной конференции – форум.

От нашего вуза было представлено 6 работ, авторы которых – преподаватели и студенты биологического факультета. На пленарных заседаниях были сделаны доклады: «Современные псевдонаучные мифы о воде в сравнении с библейскими представлениями» (доцент В.П. Быстрыakov), «Фотокаталитическая очистка и обеззараживание воды на основе нанокристаллического диоксида титана» (доцент С.Г. Степин), «Определение сероводорода в природных водах» (доцент С.Г. Степин, А.Н. Галкин, студент Д.В. Романова). Старший преподаватель Г.И. Пиловец со студентами И.В. Башкировой и И.Н. Герасимовой представили стендовый доклад «Климат Витебска: изменение и влияние на здоровье человека».

Е.А. Отвалко

АНАНЧЕНКО Константин Онуфриевич

11 декабря 2009 года на 59-м году ушел из жизни профессор кафедры алгебры и методики преподавания математики, доктор педагогических наук, великий ученый-педагог, замечательный человек Константин Онуфриевич Ананченко.

Константин Онуфриевич родился 3 января 1951 г. в деревне Козулино Верхнедвинского района Витебской области в крестьянской семье. В 1966 году окончил Козулинскую восьмилетнюю школу, а в 1968 году – среднюю школу № 2 г. Новополоцка.

В 1968 году поступил на физико-математический факультет Витебского государственного педагогического института им. С.М. Кирова, окончил его в 1972 году и получил квалификацию «учитель математики средней школы». С 1972 по 1973 год работал учителем математики в Домжерицкой средней школе. С 1973 по 1975 год – преподаватель кафедры алгебры и методики преподавания математики ВГПИ им. С.М. Кирова.

В 1975 году К.О. Ананченко поступил в целевую аспирантуру при НИИ содержания и методов обучения АПН СССР и в том же году был призван в ряды Советской

Армии. В декабре 1979 года Константин Онуфриевич успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Обучение индуктивным и дедуктивным умозаключениям в курсе алгебры восьмилетней школы» и получил ученую степень кандидата педагогических наук.

После окончания аспирантуры год работал старшим преподавателем, а с 1981 по 1997 год – заведующим кафедрой алгебры и методики преподавания математики Витебского пединститута, а затем Витебского государственного университета. В 1983 году ему присвоено ученое звание доцента, а в 1995 году – профессора.

В 1997–2000 годах К.О. Ананченко проходил обучение в докторантуре при Белорусском государственном педагогическом университете им. М. Танка. В марте 2004 года защитил докторскую диссертацию на тему «Методическая система развивающего обучения учащихся алгебре и началам анализа в условиях углубленного изучения предмета».

Вся трудовая деятельность Константина Онуфриевича связана с кафедрой алгебры и методики преподавания математики Витебского государственного университета им. П.М. Машерова.

В нашей республике Константин Онуфриевич Ананченко – известный ученый в области методики преподавания математики, руководитель авторского коллектива по созданию учебников и учебных пособий по алгебре и началам анализа для школ (классов) с углубленным изучением математики, автор более 200 печатных работ.

Константин Онуфриевич Ананченко был награжден Почетной грамотой Министерства образования Белорусской ССР (1987 г.), Почетной грамотой Министерства образования (2007 г.), Почетной грамотой управления образования Витебского облисполкома (1991, 2009 г.), отмечен Значком «Отличник просвещения Республики Беларусь» (1993 г.), а также почетными грамотами университета.

Отечественная педагогическая наука, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, математический факультет, коллеги и ученики понесли невосполнимую утрату.

В памяти всех знавших Константина Онуфриевича он останется человеком высочайших принципов, мужественной гражданственности и светлой души, величайшего интеллекта, огромной устремленности и неиссякаемой доброты.

Ректорат университета, коллектив математического факультета глубоко скорбят в связи с безвременной кончиной Константина Онуфриевича Ананченко и выражают соболезнование его родным и близким.

Ректорат,
коллектив математического факультета

УДК 321.01

Голубев С.В. «Конфликтные» концепции власти: логико-понятийный анализ // Веснік ВДУ. 2009, № 4(54). – С. 3–8.

Рассматриваются преобладающие в современной социальной науке «конфликтные» концепции власти. Анализируется ее определение, предложенное М. Вебером, и раскрываются логико-теоретические основания построенных на этом определении подходов к пониманию происхождения и сущности власти. Показаны терминологическая неадекватность основных понятийных средств, используемых в конфликтно-индивидуалистических концепциях власти, и принципиальная ограниченность, зауженность ее волюнтаристских трактовок. Предлагается усовершенствовать понятийный аппарат теоретических исследований власти, намечаются основные пути такого усовершенствования.

Библиогр. – 7 назв.

УДК 111:930.1

Табачков А.С. Исторический источник: онто-гносеологический анализ // Веснік ВДУ, 2009, № 4(54). – С. 8–12.

Исследуется проблематика онто-гносеологических свойств объектов исторического познания. Центральным тезисом данной работы может быть сформулирован следующим образом: исторический источник – это источник фактичности, особого бытийного способа наличия сущего, гетерогенного миру, в котором происходит акт его опознания в качестве источника. При этом предполагается, что источник никогда не является непосредственным предшественником факта; источник – это обнаруженное и актуализированное вниманием историка присутствие инновременного по его генезису, культурно значимого сущего. Именно фактичностью проявления феноменальной природы исторического источника и объясняется то обстоятельство, что наличие или отсутствие действительных референций к источникам служит главной линией демаркации между историей и беллетристикой, онтологически фундированным разделом между смыслом и вымыслом. Посредством фактичности исторический источник представляет свой уже ушедший мир в мире актуального настоящего, именно мир, а не дискурс о мире – как это бывает в случае исторического факта – стоит за источником. При этом несмотря на понятную несамостоятельность его актуализации, сущее источника ведет себя как феномен, то есть бытийно проявляет себя как присутствие, как делящееся своей сутью сущее.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 27-9(476)

Морозько Е.В. Организация учебного процесса в Минской духовной семинарии (вторая половина XIX в.) // Веснік ВДУ, 2009, № 4(54). – С. 13–17.

Анализируется содержание и качество учебного процесса в Минской духовной семинарии, его значение в становлении и развитии воспитанников. В работе показаны социальный состав, а также статистические данные об их успеваемости. Описаны материальная оснащённость семинарии, расходы по содержанию учащихся в семинарии. Проведенный анализ внутренней жизни Минской духовной семинарии во второй половине XIX в. показал, что в учреждении имелся ряд проблем, касавшихся экономической сферы деятельности. В заключение сформулированы особенности функционирования семинарии.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 94(476)«1930»

Субоцін А.А. Успрыманне стаханаўскага руху рабочымі БССР у сярэдзіне 1930-х гг // Веснік ВДУ, 2009, № 4(54). – С. 17–22

Даследуецца праблема эмацыянальных рэакцый рабочых БССР на стаханаўскі рух у сярэдзіне 1930-х гг. Быў зроблены вывад, што разгортванне гэтай формы сацыялістычнага слаборніцтва было абумоўлена акрамя эканамічных і палітычных фактараў характарам успрымання яго рабочымі. Большасць пралетарыяў станоўча ўспрынялі стаханаўскі рух і імкнуліся прымяніць у сваёй вытворчай дзейнасці стаханаўскія метады працы. Такое стаўленне да руху было прадвызначана сістэмай каштоўнасцей рабочага класа, а таксама сфарміраванымі савецкай прапагандай вобразамі герояў-стаханаўцаў, якія замацаваліся ў масавай свядомасці рабочых у якасці новых эталонаў дасканалай працы. Аўтар аналізуе прычыны і формы антыстаханаўскіх настрояў часткі рабочых, узнікненне такога роду адносін тлумачыцца прымяненнем адміністрацыйнага рэсурсу пры пашырэнні стаханаўскага руху ўладнымі структурамі.

Бібліягр. – 14 назв.

УДК 94(476.5)

Тимофеев Р.В. Материально-технические условия развития транспорта БССР в 1943–1991 гг. // *Вестник ВДУ*, 2009, № 4(54). – С. 23–30.

В работе отражены материальные и технические условия развития транспорта БССР в 1943–1991 гг. В ней показан круг организаций, которые в той или иной степени отвечали за условия развития транспорта. Автором были выделены как основные направления работы органов управления, занимавшихся обеспечением потребностей транспорта в отмеченный период, так и результаты их усилий. Значительное внимание уделено поэтапным изменениям в материальной и технической политике в республике, ее влиянию на рост производительности труда на транспорте. Показана зависимость проведения материальной и технической политики в БССР от союзного центра и решений партийных съездов. Исследование обрисовывает ситуацию с недостаточным материальным и техническим обеспечением в развитии транспорта республики, что было одной из основных причин невыполнения заданий по перевозкам грузов и пассажиров.

Библиогр. – 7 назв

УДК 341(430)

Борботько П.В., Шматков И.И. Некоторые вопросы практической реализации норм международного гуманитарного права в годы Первой мировой войны // *Вестник ВДУ*, 2009, № 4(54). – С. 31–36.

Раскрывается проблема попыток Германии облегчить судьбу немецких военнопленных в 1914–1918 гг. Военное ведомство рейха провело многочисленные переговоры и встречи с официальными лицами Великобритании, Франции, Российской империи, Бельгии и других государств с целью наладить обмен и репатриацию военнопленных, улучшить их обеспечение и содержание в концентрационных лагерях, решить некоторые вопросы лечения тяжелораненых и больных пленных. Переговоры между воюющими сторонами шли через нейтральные государства – Норвегию, Швейцарию, Швецию и Данию. Одновременно они решали проблему поиска путей доработки и ликвидации обнаружившихся в ходе войны пробелов в действовавших в то время Гаагских и Женевских международных конвенциях, регламентировавших данный вопрос.

Библиогр. – 7 назв.

УДК 343.3

Марчук В.В. Новая редакция статьи 174 УК Республики Беларусь (вопросы криминализации, пенализации и квалификации) // *Вестник ВДУ*, 2009, № 4(54). – С. 37–43.

Статья 174 УК Республики Беларусь уже четыре раза подвергалась законодательным изменениям, которые касались как криминализации, так и пенализации. Многочисленные корректировки положений ст. 174 УК были обусловлены активными изменениями иных отраслей законодательства Республики Беларусь в части регламентации вопросов о возмещении родителями расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении. В предлагаемой работе автор делает краткий обзор изменений, внесенных в ст. 174 УК Республики Беларусь. Особое внимание уделяется анализу новелл, введенных в ст. 174 УК Законом Республики Беларусь от 5 января 2008 г. № 315-3 «О внесении дополнений и изменений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам государственной защиты детей в неблагополучных семьях». Дан критический анализ элементов нормы с позиции законодательной техники ее конструирования. Автор показывает, что выделение в отдельных частях ст. 174 УК самостоятельных видов преступлений противоречит не только законодательной технике конструирования уголовно-правовых норм, но и порождает серьезные проблемы для квалификации преступления и определения мер уголовной ответственности. Установленные Законом Республики Беларусь от 5 января 2008 г. № 315-3 ограничения по условно-досрочному освобождению относительно лиц, осужденных по ст. 174 УК, рассматриваются в контексте их соответствия принципам уголовной ответственности.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 371.4

Орлова А.П. Учение К.Д. Ушинского о народности воспитания как фактор развития научной педагогики (к 185-летию со дня рождения ученого) // *Вестник ВДУ*, 2009, № 4(54). – С. 44–51

Историко-педагогический анализ развития советской педагогики свидетельствует о том, что теоретики и практики педагогики признают роль и место К.Д. Ушинского в едином историко-педагогическом процессе. Приоритетным в наследии ученого является учение о народности воспитания. Теоретически обоснованное учение К.Д. Ушинского о народности воспитания оказало влияние на формирование отношения представителей педагогической науки к народной педагогике и активизировало поступательный характер реализации преемственности педагогики. Таким образом, учение Константина Дмитриевича о народности воспитания выступает в качестве фактора, способствующего развитию научной педагогики.

Библиогр. – 15 назв

УДК 373.3.016:57

Миннаева В.М. Становление и развитие внеклассной природоведческой работы в начальной школе (1918 – начало 50-х годов XX в.) // *Вестник ВДУ*, 2009, № 4(54). – С. 51–56.

Обращение к ретроспективному анализу становления и развития внеклассной природоведческой работы в начальной школе значительно обогатит современный образовательно-воспитательный процесс и позволит осуществлять его на более качественном и содержательном уровне.

В статье нашло отражение наследие педагогов 20–40-х и начала 50-х годов XX в., которые внесли значительный вклад в разработку проблемы организации и проведения внеклассной природоведческой работы (А. Пинкевич, С. Герд, К. Ягодовский, С. Павлович, Л. Воскресенская, М. Скаткин, П. Завитаев и др.)

Библиогр. – 15 назв.

УДК 378.016:37

Ракова Н.А. Содержательно-процессуальные аспекты изучения курса педагогики в вузе // *Вестник ВДУ*, 2009, № 4(54). – С. 57–60.

Исследуется проблема определения содержания курса педагогики как важнейшего фактора профессионального становления личности педагога.

Обосновывается основная задача преподавателя педагогических дисциплин, состоящая не только и не столько в активизации мыслительной деятельности студентов по овладению содержанием дисциплины, сколько в том, чтобы усваиваемая информация способствовала развитию педагогического мышления будущего педагога и выработке его собственной профессиональной позиции, индивидуального стиля педагогической деятельности.

Анализируются возможности использования педагогических технологий, в частности деловых игр, направленных на усвоение содержания курса педагогики.

Библиогр. – 11 назв.

УДК 378.14

Гмох Ришард. Тестирование студентов как средство проверки знаний и умений в вузе // *Вестник ВДУ*, 2009, № 4(54). – С. 61–64.

Масштабные исследования, связанные с активизацией человеческих возможностей, инновациями в образовательной практике, позволили выделить эффективные модели, целостные технологии познания и образования, реализующие творческий потенциал личности и социальных групп. Использованию тестирования студентов как мониторинга проверки знаний и умений в вузе посвящается данная работа.

Рис. – 1. Библиогр. – 6 назв.

УДК 378.016:61

Горлачева И.И. Социально-педагогическая составляющая в содержании медицинского образования // *Вестник ВДУ*, 2009, № 4(54). – С. 64–71.

Государственная политика обуславливает социальный заказ общества на социально-педагогическую направленность развития системы медицинского образования. На основе анализа учебных планов и программ, предназначенных для средних и высших учреждений системы медицинского образования, выявлено, что социально-педагогический компонент в программах в основном присутствует опосредованно и в незначительном объеме. В прогностическом плане можно предложить повышение эффективности реализации социально-педагогического аспекта путем совершенствования и обновления содержания существующих учебных программ, а также разработки соответствующих элективов.

Библиогр. – 10 назв.

УДК 159.923:316.6

Молчанова Н.В. Роль эмоционально-личностной оценки в коммуникативной интеракции // *Вестник ВДУ*, 2009, № 4(54). – С. 72–77.

Рассматривается процессуальный аспект коммуникативной интеракции. Представлены результаты влияния эмоций на содержание и структуру конфронтационного диалога. Показано воздействие эмоциональной оценки на возникновение личного смысла, вследствие чего возникает искажение реальной ситуации взаимодействия. Анализируется структура конфронтационного диалога.

Табл. – 2. Библиогр. – 3 назв.

УДК 159.922

Кухтова Н.В. Психологические особенности протекания беременности // *Вестник ВДУ*, 2009, № 4(54). – С. 77–82.

Проблема изучения психологических особенностей протекания беременности указывает на необходимость ее комплексного и системного изучения. На основании проделанного теоретического анализа, анкетных данных и анамнестических сведений были выделены факторы: биологического порядка, связанные с личным опытом, эмоционально-волевой сферой, межличностными отношениями и социального порядка. В работе также определены психические состояния, связанные с общим психосоматическим состоянием беременных женщин.

Рис. – 1 Библиогр. – 13 назв.

УДК 070+004.378.5(073)

Градюшко А.А. Становление и развитие инфраструктуры Интернет-СМИ // *Вестник ВДУ*, 2009, № 4(54). – С. 83–88.

Рассмотрены основные этапы становления и развития инфраструктуры Интернет-СМИ. Автор показывает масштаб перемен, происходящих в сфере масс-медиа. Предпринята попытка выработать стратегии развития национальной медиасистемы Республики Беларусь в условиях конвергенции. На обширном эмпирическом материале анализируются пути развития традиционных СМИ Беларуси в условиях трансформации информационной среды.

Показаны тенденции, осознание которых поможет понять важнейшие особенности состояния Интернет-журналистики на современном этапе и увидеть направления ее развития на ближайшие годы. Особое внимание уделено становлению и развитию инфраструктуры гражданской журналистики. Диагностированы перемены, которые происходят в XXI веке благодаря меняющейся роли СМИ. Выявлены основные тренды развития Интернет-СМИ в настоящее время.

Библиогр. – 9 назв.

УДК 801.3

Юрченко И.А. Общее и национально-специфическое в образах-эталонах устойчивых сравнений // *Вестник ВДУ*, 2009, № 4(54). – С. 88–93.

Работа выполнена в русле типологических исследований фразеологии на примере адъективных устойчивых сравнений (АУС) некоторых славянских, балтийских, германских языков. На материале образов-эталонов адъективных устойчивых сравнений русского, белорусского, чешского, болгарского, хорватского, латышского, английского и шведского языков было выявлено общее и уникальное в исследуемых языках. Для достижения поставленной цели предложена классификация лексики образных частей АУС по тематическим группам. Благодаря этому делается вывод о том, что уникальная лексика чаще употребляется в группах эталонов «Человек и части его тела» и «Артефакты», что объяснимо антропоцентричностью мироощущения людьми окружающей их действительности: чем больше вклад в создание чего-либо, тем специфичнее это воспринимается. Предложенный анализ позволяет распределить АУС языков исследования по мере употребления в них общих эталонов от более к менее самобытным. Как показало исследование, сравнения белорусского и чешского языков богаты уникальными образами. В то же время эти образы-эталоны понятны и носителям других языков, представленных в исследовании.

Табл. – 2. Библиогр. – 6 назв.

УДК 811.161.1'373

Борисевич О.А. Структурные особенности православной экклезионимии Беларуси // *Вестник ВДУ*, 2009, № 4(54). – С. 93–98.

Анализируются структурные особенности православных экклезионимов Беларуси. Для названий культовых сооружений обязательным является наличие номенклатурного термина, что сближает их с урбанонимами. Номенклатурный термин может состоять из одного слова или нескольких. Экклезионимы представляют собой названия-словосочетания, между компонентами которых устанавливаются различные виды отношений. Если для наименований церквей, часовен и соборов наиболее характерным является генитивный тип в различных вариациях, то в номинации монастырей преобладает атрибутивная модель. В зависимости от сферы функционирования экклезионимы могут употребляться как в полной, официальной форме, так и в сокращенной, неофициальной, используемой в основном в разговорно-речевой практике и в туристических сборниках.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 811 161 3'373.232.3

Голубович О.П. Личное имя в полоцкой деловой письменности: культурологический аспект // *Вестник ВДУ*, 2009, № 4(54). – С. 98–103.

Анализируется антропонимия памятников полоцкой деловой письменности XIII–XVI вв. Антропонимы в полоцкой деловой письменности являются важнейшим источником как для лингвистического

тического, так и для культурологического исследования. В именовании закодирована разнообразная информация о социальном положении, конфессиональной и этнической принадлежности, занятиях и других характеристиках жителей Полотчины в указанный период. Культурологические особенности функционирования антропонимов проявляются при анализе именовании лиц в различных сословных группах: духовенства, шляхты (князей и бояр), мещан, крестьян. Показывается соотношение антропонимов, относящихся к разным сословиям. Наибольшее количество именовании относится к представителям привилегированной группы населения Полотчины – боярам-шляхте, культура именовании которых являлась образцом для остальных социальных групп. Тем не менее делается вывод о том, что до XVI в. именовании Полотчины являлись едиными для всех сословий.

Библиогр. – 12 назв.

УДК 811.161.3'373

Дзядова А.С., Даўбешка Н.П. Безэквівалентная лексіка: сінхранічны і дыяхранічны аспекты // *Веснік ВДУ*, 2009, № 4(54). – С. 103–107.

Зроблены кароткі агляд стану вывучэння з'явы лексічнай безэквівалентнасці ў айчынным і рускім мовазнаўстве. Называюцца фактары, якія абумоўліваюць безэквівалентнасць слова адной мовы ў праекцыі на іншую. Разглядаюцца пытанні, звязаныя з паходжаннем слоў беларускай мовы, безэквівалентных ў рускамоўным дачыненні, і іх функцыянаваннем у старабеларускай мове. Выказваецца меркаванне, што безэквівалентнасць слова можа быць вынікам цеснага кантактавання беларускай мовы з роднаснымі і няроднаснымі мовамі на розных гістарычных этапах. Абгрунтаўваецца думка, што безэквівалентная лексіка – цікавая і самабытная з'ява беларускай мовы, якая патрабуе свайго далейшага навуковага асэнсавання ў айчыннай лінгвістыцы.

Бібліягр. – 8 назв.

УДК 792(476.5)(091)

Котович Т.В., Малей А.А. Цветовая триада в спектаклях Коласовского театра: семантика черного-белого-красного // *Веснік ВДУ*, 2009, № 4(54). – С. 108–112.

Используя методы теоретического моделирования и компаративного анализа, авторы работы добиваются выявления семантики цветовой архетипической триады в спектаклях Национального академического драматического театра имени Якуба Коласа. Благодаря сопоставлению цветowych сценических партитур, анализу знаковых колористических систем в спектаклях, исследованию трансформации цветовой триады создается теоретическая модель цветowych соотношений в визуальном образе как программное выражение смысловых полей исследуемых спектаклей.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 78:37(510)(091)

Ху И Цзюань. Музыкальное образование в Китае конца XIX и начала XX века // *Веснік ВДУ*, 2009, № 4(54). – С. 112–118.

Работа посвящена исследованию значимого для развития музыкального образования в Китае периода рубежа XIX–XX веков. В это время – в годы правления династии Цинь – происходили процессы заимствования форм и копирования моделей систем музыкального образования из зарубежных стран (Япония, Германия, Франция, Италия и др.). На конкретном, достаточно обширном материале автор раскрывает пути развития музыкального образования в Новом Китае.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 512.567.5

Кулаженко Ю.И. n -Арные аналоги двух теорем аффинной геометрии и полуубелевость n -арных групп // *Веснік ВДУ*, 2009, № 4(54). – С. 119–125.

n -Арную группу G называют полуубелевой, если для любой последовательности $x_i \in X^n$ справедливо равенство

$$(x_1 x_2^{n-1} x_n) = (x_n x_2^{n-1} x_1).$$

Получены критерии полуубелевости n -арной группы $G = \langle X, ( )^{[n-2]} \rangle$ (теоремы 1, 2). В то же время теоремы 1, 2 являются, соответственно, n -арными аналогами следующих утверждений из аффинной геометрии:

1) если соответственные стороны двух треугольников параллельны, то один треугольник переводится в другой либо гомотетией, либо параллельным переносом;

2) если три диагонали шестиугольника (не обязательно выпуклого), соединяющие противоположные вершины, имеют общую середину, то всякие две его противоположные стороны параллельны.

Библиогр. – 6 назв.

УДК [581.4+581.1]+581.19+581.15:633.37

Морозова И.М., Ламан Н.А., Прохоров В.Н. Динамика накопления некоторых азотистых веществ у морфотипов галеги восточной (*Galega orientalis* Lam.) // Веснік ВДУ, 2009, № 4(54). – С. 126–131.

Оценена внутривидовая изменчивость образцов галеги восточной (*Galega orientalis* Lam.) по содержанию некоторых азотсодержащих веществ. При изучении внутривидового разнообразия по биохимическим признакам показано варьирование содержания общего, белкового и небелкового азота, а также белка у морфотипов неселекционных образцов и сорта Гале галеги восточной. Это позволяет рекомендовать морфотипы с наибольшим содержанием белка в селекции растений.

Сравнительный электрофоретический анализ показал, что исследуемые морфотипы неселекционных образцов и сорта Гале обладают разной степенью внутривидовой генетической неоднородностью запасных белков семян, а их белковые спектры различаются между собой по количественному и качественному составу. Установлено, что каждый морфотип образцов и сорта Гале отличается наличием индивидуальных белков с определенной молекулярной массой.

Рис. – 2. Табл. – 1. Библиогр. – 2 назв.

УДК 595.78

Седловская С.М. Оценка влияния ксенобиотиков на трансформацию энергии пищи у дубового шелкопряда (*Antheraea Pernyi* G.-M.) // Веснік ВДУ, 2009, № 4(54). – С. 132–137.

Изучена возможность использования культуры китайского дубового шелкопряда для биологического мониторинга химического загрязнения окружающей среды. Установлено, что модельный ксенобиотик агонист экдистероидов R-211 0,1% концентрации при контактно-кишечном способе воздействия на гусениц вызывает снижение эффективности утилизации потребленного корма (КУ) в опыте на дубе на 4%, в опыте на березе – на 7% по сравнению с контролем. Влияние модельного ксенобиотика на баланс энергии в организме гусениц дубового шелкопряда проявляется в перераспределении энергии гусеницами в сторону увеличения энергозатрат на энергетический обмен на дубе на 8%, на березе – на 35% и снижения затрат на пластический обмен на дубе на 9%, на березе – на 30% по сравнению с контролем. Питание листом дуба ослабляет отрицательное воздействие агониста на баланс энергии в организме шелкопряда, питание листом березы его усиливает. Такой эффект, возможно, достигается в результате большей питательной ценности листа дуба по сравнению с листом березы, так как лист дуба обладает более оптимальным соотношением белковых и углеводных соединений.

Табл. – 3. Библиогр. – 11 назв.

УДК 579.864:576.374

Крестьянинова Т.Ю., Прищепа И.М. Оптимизация рациона питания учащихся с целью коррекции дисбиотических расстройств кишечника, обусловленных учебным стрессом // Веснік ВДУ, 2009, № 4(54). – С. 138–142.

Изучена частота и динамика возникновения дисбиотических расстройств кишечника среди учащихся. Отмечено учащение случаев дисбактериоза кишечника спустя 3 месяца после начала учебного года. Нарушения микробного ценоза поддавались коррекции после введения в рацион питания молочных продуктов, содержащих живые культуры бифидо- и лактобактерий.

Табл. – 2. Библиогр. – 6 назв.

ЗВЕСТКІ ПРА АЎТАРАЎ

- Арлова
Ганна Пятроўна** – доктар педагагічных навук, прафесар, загадчык кафедры сацыяльна-педагагічнай работы ВДУ імя П.М. Машэрава
- Барбоцька
Павел Валянцінавіч** – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі і тэорыі права ВДУ імя П.М. Машэрава
- Барысевіч
Вольга Анатольеўна** – аспірант кафедры агульнага і рускага мовазнаўства ВДУ імя П.М. Машэрава
- Галубовіч
Вольга Пятроўна** – аспірант кафедры агульнага і рускага мовазнаўства ВДУ імя П.М. Машэрава
- Гарлачова
Ірына Іванаўна** – аспірант кафедры педагогікі ВДУ імя П.М. Машэрава
- Гмох
Рышард** – доктар педагагічных навук, прафесар, рэктар Інстытута педагагічных навук Опальскага ўніверсітэта (Рэспубліка Польшча)
- Голубеў
Сяргей Віктаравіч** – доктар філасофскіх навук, прафесар кафедры філасофіі ВДУ імя П.М. Машэрава
- Градзюшка
Аляксандр Аляксандравіч** – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры тэорыі і метадалогіі журналістыкі Інстытута журналістыкі БДУ
- Даўбешка
Ніна Паўлаўна** – старшы выкладчык кафедры беларускага мовазнаўства ВДУ імя П.М. Машэрава
- Дзядова
Алена Сяргееўна** – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры беларускага мовазнаўства ВДУ імя П.М. Машэрава
- Катовіч
Тацыяна Віктараўна** – доктар мастацтвазнаўства, прафесар кафедры ўсеагульнай гісторыі і сусветнай культуры ВДУ імя П.М. Машэрава
- Крэсцьянінава
Тацыяна Юр’еўна** – кандыдат біялагічных навук, дацэнт кафедры анатоміі і фізіялогіі ВДУ імя П.М. Машэрава
- Кулажанка
Юрый Іванавіч** – кандыдат фізіка-матэматычных навук, дацэнт, першы прарэктар ГДУ імя Ф. Скарыны
- Кухтова
Наталля Валянцінаўна** – кандыдат псіхалагічных навук, дацэнт, загадчык кафедры сацыяльна-эканамічных і гуманітарных дысцыплін ІПК і ПК ВДУ імя П.М. Машэрава
- Ламан
Мікалай Афанасьевіч** – доктар біялагічных навук, прафесар, акадэмік Інстытута эксперыментальнай батанікі імя В.Ф. Купрэвіча НАН Беларусі
- Малей
Аляксандра Аляксандраўна** – аспірант кафедры выяўленчага мастацтва ВДУ імя П.М. Машэрава
- Малчанова
Наталля Уладзіміраўна** – кандыдат псіхалагічных навук, дацэнт кафедры агульнай і сацыяльнай псіхалогіі Смаленскага гуманітарнага ўніверсітэта (Расійская Федэрацыя)
- Марозава
Іна Міхайлаўна** – кандыдат біялагічных навук, дацэнт кафедры батанікі ВДУ імя П.М. Машэрава
- Марозька
Кацярына Уладзіміраўна** – аспірант кафедры гісторыі Беларусі БрДУ імя А.С. Пушкіна

Марчук Васілій Васільевіч	– кандыдат юрыдычных навук, дацэнт кафедры крымінальнага права БДУ
Мінаева Вера Міхайлаўна	– кандыдат педагагічных навук, прафесар кафедры дашкольнай і пачатковай адукацыі ВДУ імя П.М. Машэрава
Прохараў Валерый Мікалаевіч	– доктар біялагічных навук, вядучы навуковы супрацоўнік Інстытута эксперыментальнай батанікі імя В.Ф. Купрэвіча НАН Беларусі
Прышчэпа Іна Міхайлаўна	– доктар біялагічных навук, прафесар, прарэктар па навуковай рабоце ВДУ імя П.М. Машэрава
Ракава Наталля Андрэеўна	– кандыдат педагагічных навук, дацэнт, загадчык кафедры педагогікі ВДУ імя П.М. Машэрава
Субоцін Аляксандр Аляксандравіч	– аспірант кафедры гісторыі Беларусі ВДУ імя П.М. Машэрава
Сядлоўская Святлана Міхайлаўна	– аспірант кафедры заалогіі ВДУ імя П.М. Машэрава
Табачкоў Аляксандр Сяргеевіч	– кандыдат філасофскіх навук, дацэнт кафедры філасофіі ВДУ імя П.М. Машэрава
Ху І Цзюань	– аспірант кафедры беларускай і сусветнай мастацкай культуры БДУК і М
Цімафееў Расціслаў Уладзіміравіч	– кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі ВДУ імя П.М. Машэрава
Шматкоў Ігар Іванавіч	– кандыдат юрыдычных навук, дацэнт, загадчык кафедры грамадзянскага права і грамадзянскага працэсу ВДУ імя П.М. Машэрава
Юрчанка Ірына Анатольеўна	– старшы выкладчык кафедры замежных моў ВДУ імя П.М. Машэрава

П Е Р А Л І К

артыкулаў, змешчаных у часопісах «Веснік Віцебскага дзяржаўнага універсітэта» (№№ 51–54)

	С.	№
<i>Kotlan Igor, Petr Pavel.</i> Taxation, human capital and economic growth	39	53
<i>Kotlanova Eva.</i> Alternative methods of corruption measurement	37	53
<i>Адамейко-Першенкова Г.П.</i> Стилевая трансгрессия в изобразительном искусстве, архитектуре и музыке постмодернизма	113	52
<i>Антончычева Е.Ю.</i> Теоретические основы пленэрной живописи	88	52
<i>Бароўка В.Ю.</i> Мастацкае народазнаўства ва ўмовах шматкультурнасці і полілінгвізму	102	53
<i>Бароўка В.Ю.</i> Народазнаўчы матэрыял у літаратурным творы: перспектывы далейшага навуковага асэнсавання	86	51
<i>Бобылева Л.И.</i> Воспитательный аспект межкультурного подхода в обучении иностранным языкам	27	51
<i>Борботько П.В., Шматков И.И.</i> Некоторые вопросы практической реализации норм международного гуманитарного права в годы Первой мировой войны	31	54
<i>Борисевич О.А.</i> Структурные особенности православной экклезиологии Беларуси	93	54
<i>Бохан Ю.И.</i> Технологическое применение СВЧ полей для обработки материалов	127	51
<i>Васильков П.С.</i> Взаимосвязь силовой выносливости с техникой спортивной борьбы	42	51
<i>Васильков П.С.</i> Сравнительная характеристика топографии силовой выносливости борцов различной квалификации	63	53
<i>Вислобоков Н.Ю.</i> Влияние дисперсии на спектральную континуацию мощных ультракоротких лазерных импульсов в прозрачных диэлектриках	135	53
<i>Возулкин К.Э., Возулкина Н.В., Шандрыкова Л.Н., Яковлев А.П.</i> Динамика фенольных соединений морозники приземистой (<i>Rubus Chamaemorus</i> L.) в онтогенезе	137	51
<i>Воробьев Н.Т., Семенов М.Г.</i> Локальные функции классов Фиттинга	139	52
<i>Воронов А.М.</i> Метод собственного времени в задаче двух тел	145	53
<i>Восович С.М.</i> Культурно-просветительская деятельность Витебского Свято-Владимирского братства в начале XX века	25	53
<i>Гащенко Л.А.</i> Концептуализация понятия «физическая социализация» ..	16	52
<i>Гмох Ришард.</i> Тестирование студентов как средство проверки знаний и умений в вузе	61	54
<i>Голикова-Пошка Е.В.</i> Анимационное кино Беларуси в контексте мировой анимации	114	53
<i>Голубев С.В.</i> «Конфликтные» концепции власти: логико-понятийный анализ	3	54
<i>Голубович О.П.</i> Личное имя в полоцкой деловой письменности: культурологический аспект	98	54
<i>Горлачева И.И.</i> Социально-педагогическая составляющая в содержании медицинского образования	64	54
<i>Градюшко А.А.</i> Становление и развитие инфраструктуры Интернет-СМИ	83	54
<i>Дейкало В.В.</i> Основные направления совершенствования методики технической подготовки юных футболистов	78	53
<i>Дзядова А.С., Даубешка Н.П.</i> Безэквівалентная лексіка: сінхранічны і дыяхранічны аспекты	103	54
<i>Дзянісава А.Р.</i> Гаспадарчая дзейнасць праваслаўных манастыроў Беларусі ў другой палове XV – першай палове XVII ст.	11	53
<i>Дружина Н.Л.</i> Общее и национально-культурное в концепте «семья»	84	53
<i>Елисеев В.С.</i> О структуре института сложных обязательств	53	52
<i>Жизневский В.А.</i> Алгоритмизация моделирования и исследования волновых процессов неоднородной электродинамики с использованием процедуры разделения переменных	142	53

Захарына Ю.Ю. Мастоцкі вобраз грамадскіх будынкаў Беларусі другой паловы 1990-х – 2000-х гадоў	127	52
Зыбин С.Ю. Первая Всебелорусская молочная выставка 1925 г. в г. Минске: новые архивные материалы	16	51
Иванова А.В. Влияние биостимуляторов на прорастание семян растений рода <i>Thuja</i>	147	52
Казаченок Т.В. Подготовка и принятие конституционных основ австро-фашистского режима	34	52
Калачова І.І. Традыцыі міжпакаленных адносін у сучасных гарадскіх сем'ях беларусаў	7	51
Климкович О.А. Формуляр зачина деловых грамот русских и белорусских земель XIV–XVI вв.	95	53
Ключников А.А., Ключников А.С. Макро- и микрокомпоненты бизнес-плана предприятия	152	51
Княгина В.Н., Монахов В.С. О существовании π -холловых подгрупп в конечных группах	109	51
Колмаков П.Ю. Агарикоидные базидиомицеты Лучесской озерно-ледниковой низины I	158	53
Комарова И.А. Игровые основы детского мировосприятия	56	53
Кондратенко Т.Г., Борозна М.Г. Особенности развития новой белорусской и немецкой фигуративной живописи	122	52
Коробанов С.И. Сущностная характеристика компьютерной грамотности студентов	50	53
Котович Т.В. Коласовская драматургия на Коласовской сцене	106	52
Котович Т.В., Малей А.А. Цветовая триада в спектаклях Коласовского театра: семантика черного-белого-красного	108	54
Крестьянинова Т.Ю., Прищепа И.М. Оптимизация рациона питания учащихся с целью коррекции дисбиотических расстройств кишечника, обусловленных учебным стрессом	138	54
Кривенькая Е.С. Особенности формирования художественного образа в карикатуре	119	53
Кулаженко Ю.И. n -Арные аналоги двух теорем аффинной геометрии и полуабелевость n -арных групп	119	54
Кулиева О.Н. Специфика и типы диалогических отношений в драматургических произведениях	53	51
Курашевич А.В. Совершенствование музыкально-исполнительских навыков студентов вуза в процессе ансамблевого музицирования	60	53
Кухтова Н.В. Психологические особенности протекания беременности	77	54
Кушнир А.В. Художественный текст как объект интерпретации в различных видах и жанрах искусства	117	52
Лапацінская В.В. Зборнік А. Сербантовіча «Пярсцёнак»: ідэіна-мастоцкі аналіз	80	51
Лобач У.А. Міфа-семантыка сядзібы і хаты ў традыцыйным светапоглядзе беларусаў	40	52
Луценко Ю.В., Скиба А.Н. Строение групп Шмидта и групп Белоногова, в которых любые 3-максимальные подгруппы являются $F(G)$ -перестановочными	134	52
Ляховская А.А. Чат как жанр интернет-дискурса	65	51
Марозава Я.Н. Пра фанематычны статус гука [g] і яго месца ў фаналагічнай сістэме сучаснай беларускай літаратурнай мовы	99	52
Мартыненко В.П., Дорофеев А.М., Латышев С.Э., Тухфатулина М.С. Макрофитная растительность озера Тиосто и ее динамика за 40 лет	164	53
Марчук В.В. Новая редакция статьи 174 УК Республики Беларусь (вопросы криминализации, пенализации и квалификации)	37	54
Мдивани Т.Г. Новая неклассическая (расширенная) рациональность – парадигма Новейшей музыки	92	51
Минаева В.М. Становление и развитие внеклассной природоведческой работы в начальной школе (1918 – начало 50-х годов XX в.)	51	54
Молчанова Н.В. Роль эмоционально-личностной оценки в коммуникативной интеракции	72	54
Морозова И.М., Ламан Н.А., Прохоров В.Н. Динамика накопления некоторых азотистых веществ у морфотипов галеги восточной (<i>Galega orientalis</i> Lam.)	126	54

Морозько Е.В. Организация учебного процесса в Минской духовной семинарии (вторая половина XIX в.)	13	54
Моторова Н.С. Мероприятия органов городского самоуправления Беларуси по улучшению санитарного состояния городов (1875–1914 гг.)	30	52
Муратова Е.Ю. Поэзия Белорусского Поозерья: языковые особенности лирики З.А. Андриановой	90	53
Несцяровіч В.І. Транслітарацыя беларускіх тэкстаў, напісаных арабскім пісьмом	48	51
Новик Н.Е. Учительские институты в системе профессионального образования Беларуси начала XX в.	32	53
Оганджян О.П. Информационные технологии как предмет изучения и средство обучения в вузе	71	52
Орлов В.И. Условия устойчивого развития бизнеса в обществах переходного типа	3	52
Орлова А.П. Учение К.Д. Ушинского о народности воспитания как фактор развития научной педагогики (к 185-летию со дня рождения ученого)	44	54
Падстаўленка В.Ф. Паэма «Тарас на Парнасе» ў кантэксте беларускай камічнай плыні	102	52
Петрище Т.Л., Глушанко В.С., Шарапова О.А. О роли творчества М.А. Булгакова в формировании здорового образа жизни современной молодежи	42	53
Петухов Ю.С. Этнополитическое и историческое сознание белорусского дворянства в конце XVIII – начале XX в.: обзор источников	16	53
Пісарэнка А.М. Лінгвастылістычны аналіз сродкаў стварэння слоўнай экспрэсіі ў кантэксте сучаснай паэзіі	58	51
Прилуцкая С.В. Формирование умственной самостоятельности учащихся как актуальная педагогическая проблема	77	52
Пэй Хан. Пентатоника как проявление национального музыкального мышления	98	51
Ракова Н.А. Содержательно-процессуальные аспекты изучения курса педагогики в вузе	57	54
Редникина Т.Г. Информационные возможности образного языка в проектировании одежды	124	53
Русецкі А.У., Русецкі Ю.А. Жураўліным лётам «у сінязорны край» (да 100-годдзя паэта Алеся Дубровіча)	70	51
Савицкая Т.В. Становление и развитие учебно-методического обеспечения национальной системы специального образования	32	51
Савков А.А. Схема социальной динамики и концепция «всемирной истории» Н.А. Рожкова	22	52
Самович А.Л. Турецкие военнопленные 1877–1878 гг. в Витебской губернии	12	51
Седловская С.М. Особенности роста и развития гусениц китайского дубового шелкопряда (<i>Antheraea Pernyi G.-M.</i>) под воздействием 1,2-бис-(3-метоксибензол)-1-трет-бутилгидразина	140	51
Седловская С.М. Оценка влияния ксенобиотиков на трансформацию энергии пищи у дубового шелкопряда (<i>Antheraea Pernyi G.-M.</i>)	132	54
Сенько Д.С. Особенности организации и проведения учебных занятий по композиции	37	51
Скребнева Т.В. Активные динамические процессы в антропонимиконе г. Витебска на протяжении XVII–XX вв.	94	52
Смоленко Е.Д. Морально-половое воспитание молодежи: об отношении к целомудрию в семье	9	52
Смыкоўская І.І. Творчае развіццё манадыйнай знаменнай традыцыі ў Супрасльскім ноталінейным ірмалоі 1598–1601 гадоў	103	51
Соколов А.С., Гусев А.П. Экодиагностика геосистем Днепровско-Сожского ландшафтного района	171	53
Солодков А.П., Акуневич В.В., Дединкин А.Л., Дулов А.Н. Первые шаги к открытию университета в Витебске	3	53
Станский Н.Т. Моделирование соревновательной деятельности студентов-лыжников с учетом специфики предстоящих стартов	68	53
Стаценко В.Г. К вопросу о влиянии экономического и финансового кризиса на криминогенную ситуацию	59	52
Субботин А.М. Анализ структуры гельминтоценоза енотовидной собаки (<i>Nyctereutes Procyonoides</i>) на территории Беларуси	147	51

Субоцін А.А. Успрыманне стаханаўскага руху рабочымі БССР у сярэдзіне 1930-х гг.	17	54
Сушко Г.Г., Солодовников И.А., Кулак А.В. Чешуекрылыя (Lepidoptera, Rhopalocosega) верховых болот Беларускага Поозер'я	142	52
Табачков А.С. Исторический источник: онтогносеологический анализ	8	54
Табачков А.С. Историчность событийного бытия	3	51
Табунув В.В. Католическое духовенство и церковно-приходские школы в Беларуси в начале XX века	21	53
Тимофеев Р.В. Материально-технические условия развития транспорта БССР в 1943–1991 гг.	23	54
Трубникова А.Ю., Трубников Ю.В. Аппроксимативный метод в теории невозмущенного кеплеровского движения	121	51
Трущенко В.В. Новые спортивные тренажеры для совершенствования двигательных способностей студентов	157	51
Турковский В.И. Факторы и условия эффективной философско-методологической подготовки магистрантов к проведению педагогических исследований	72	53
Турковский В.И., Терещенко Е.В. Профессиональное развитие как содержательная и процессуальная основа становления научно-педагогической компетентности учителя	65	52
Фоменко А.А. Использование художественного краеведения в формировании духовных ценностей школьников	81	52
Харошка Г.П. Праблема «чалавек і прырода» ў беларускай паэзіі другой палавіны XX стагоддзя	107	53
Ху И Цзюань. Музыкальное образование в Китае конца XIX и начала XX века	112	54
Чиркин А.А., Заводник И.Б., Коваленко Е.И., Судникович Е.Ю., Забродская С.В., Паршонок Д.И. Антиоксидантные эффекты гемолимфы куколок китайского дубового шелкопряда при моделировании окислительного стресса в клетках человека	152	53
Шлапаков С.А. О дробном интегродифференцировании Адамара в весовых пространствах суммируемых функций	132	53
Шматков И.И. Понятие предмета, методов и принципов науки таможенного права	47	52
Шпаков В.В. Классы Фиттинга, определяемые произведениями холловых подгрупп и радикалов	113	51
Юрчак Д.В. Белорусско-украинские отношения в 1991–2004 годах: успехи и противоречия	22	51
Юрченко И.А. Общее и национально-специфическое в образах-эталонах устойчивых сравнений	88	54
Ясное В.В., Юркевич С.Н., Аршинов К.И., Сарасеко М.Н. Композиционные покрытия керамика/металл с повышенными прочностными характеристиками	133	51

ПРАВИЛЫ ДЛЯ АЎТАРАЎ

1. «Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта» публікуе вынікі навуковых даследаванняў, якія праводзяцца ў Віцебскім дзяржаўным ўніверсітэце, іншых навуковых установах і ВНУ рэспублікі, СНД і іншых краін. Асноўным крытэрыем мэтазгоднасці публікацыі з'яўляецца навізна і арыгінальнасць артыкула. Навуковы часопіс уключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў па біялагічных, гістарычных, педагогічных, фізіка-матэматычных, філалагічных, філасофскіх навуках, а таксама па мастацтвазнаўстве. Па-за чаргой публікуюцца навуковыя артыкулы аспірантаў апошняга года навучання (уключаючы артыкулы, якія падрыхтаваны імі ў сааўтарстве) пры ўмове іх поўнай адпаведнасці патрабаванням, што прад'яўляюцца да навуковых публікацый выдання.

2. Артыкулы падаюцца ў рэдакцыю на беларускай, рускай ці англійскай мовах у двух экзэмплярах аб'ёмам не менш за 0,35 аўтарскага аркуша (14000 друкаваных знакаў, з прабеламі паміж словамі, знакамі прыпынку, лічбамі і інш.), надрукаваных праз адзін інтэрвал, шрыфт Arial памерам 10 пт. У гэты аб'ём уваходзяць тэкст, тэблiцы, спіс літаратуры; колькасць малюнкаў не павінна перавышаць трох. Фатаграфіі ў друк не прымаюцца. Артыкулы павінны быць падрыхтаваны ў рэдактары Word для Windows і падаюцца на дыскетах, дысках і інш. або перасылаюцца на адрас электроннай пошты ўніверсітэта (rio@vsu.by); выкарыстоўваецца наступны фармат старонкі: чырвоны радок – 0,5 см; палі: верх – 2 см, ніз – 6 см, лева – 4 см, права – 4 см.

3. Патрабаванні да афармлення артыкула:

- у артыкуле ўказваюцца: прозвішча і ініцыялы, вучоная ступень і званне аўтара (аўтараў), арганізацыя, якую ён (яны) прадстаўляе, горад;
- назва артыкула павінна адлюстроўваць яго змест, быць па магчымасці лаканічнай, утрымліваць ключавыя словы, што дазволіць індэксаваць артыкул;
- змест артыкула павінен складацца з лагічна завершаных раздзелаў і ўтрымліваць наступныя часткі: уводзіны, асноўную частку, заключэнне.

Ва ўводзінах даецца кароткі агляд літаратуры па праблеме, указваюцца нявырашаныя раней пытанні, фармулюецца і абгрунтоўваецца мэта, падаюцца спасылкі на працы іншых аўтараў за апошнія гады, а таксама на замежныя публікацыі.

Асноўная частка ўключае апісанне метадыкі, тэхнічных сродкаў, аб'ектаў і зместу даследаванняў, праведзеных аўтарам (аўтарамі). Атрыманыя вынікі павінны быць абмеркаваны з пункту гледжання іх навуковай навізны і супастаўлены з адпаведнымі вядомымі данымі. Асноўная частка можа дзяліцца на падраздзелы з паясняльнымі падзагалоўкамі.

У заключэнні ў сціслым выглядзе павінны быць сфармуляваны атрыманыя рэзультаты з указаннем іх навізны і магчымасцей прымянення вынікаў даследавання на практыцы;

- спіс цытуемых крыніц і літаратуры, а ён павінен уключаць не больш за 12 спасылак, размяшчаецца ў канцы артыкула, спасылкі нумаруюцца адпаведна з парадкам іх цытавання ў тэксце. Парадкавыя нумары спасылак пішуцца ў квадратных дужках па схеме: [1], [2];
- спіс літаратуры афармляецца ў адпаведнасці з патрабаваннямі ВАКа, змешчанымі ў Інструкцыі па афармленні дысертацый, аўтарэферата і публікацый па тэме дысертацый (зацверджана пастановай Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь 22.02.2006. № 2).

Спасылкі на неапублікаваныя працы, дысертацыі не дапускаюцца. Указваецца поўная назва аўтарскага пасведчання і дэпаніраванага рукапісу, а таксама арганізацыя, якая прад'явіла рукапіс да дэпаніравання.

4. Да артыкула, падпісанага аўтарам, павінна быць прыкладзена рэкамендацыя кафедры, рэферат на мове арыгінала (100–150 слоў), які павінен дакладна перадаваць змест артыкула і быць прыдатным для апублікавання ў анатацыях да часопісаў асобна ад артыкула, рэзюмэ на англійскай мове (2–3 сказы), індэкс УДК, звесткі пра аўтара (месца працы, пасада, вучоная ступень, адрас, нумар тэлефона і адрас электроннай пошты).

5. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ).

6. Па рашэнні рэдкалегіі артыкул накіроўваецца на рэцэнзію, затым візіруецца членам рэдкалегіі. Вяртанне артыкула аўтару на дапрацоўку не азначае, што ён прыняты да друку. Перапрацаваны варыянт артыкула зноў разглядаецца рэдкалегіяй. Датай паступлення лічыцца дзень атрымання рэдакцыяй канчатковага варыянта артыкула.

7. Артыкул павінен быць дакладна адрэдагаваны і вывераны аўтарам. Пажадана выкарыстоўваць агульнапрынятыя скарачэнні. Накіраванне ў рэдакцыю раней апублікаваных ці прынятых да друку ў іншых выданнях работ недапушчальна.

GUIDELINES FOR AUTHORS

1. General notes:

Vesnik of Vitebsk State University publishes issues based on scientific researches carried out at Vitebsk State University and other educational establishments of the Republic and other countries. The major criterion for publishing is novelty and authenticity of the issue. The journal is included in the list of scientific editions of the Republic of Belarus for publication thesis research results in biology, history, pedagogics, physics, mathematics, linguistics, philosophy and arts. Scientific articles of third-year post-graduate students are published out of turn in case they meet the requirements made for scientific publications in this journal.

2. Format of the article:

The article is to be typed in Microsoft Word. Computer print-outs of the article should be submitted to the editorial office in Belarusian, Russian or English in duplicate. It is necessary to present also a floppy disk (3,5"), a disk or an e-mail version sent to: rio@vsu.by.

a. Paper format: A 4.

b. Size: not less than 14000 printed symbols including blanks, punctuation marks, numbers etc.

c. Page format: 10-point Arial; 1.0-spaced; margins: T – 2, B – 6, L – 4, R – 4; 0,5 – new paragraph.

3. General requirements:

a. Author's surname and initials, scientific degree and academic status; his (their) organization, the name of the town.

b. The title of the article should reflect its contents, be laconic, and have key words to identify its index mark.

c. The article should consist of three logical parts: introduction, the main part and conclusion.

Structure of the article: text (tables if necessary; no more than 3 pictures if necessary; photos are not allowed); bibliography. The list of sources (not more than 12) is marked the same way as in the treatise. It is placed at the end of the text; references are indicated in the succession they appear in the text. The ordinal reference numbers are to be given in square brackets (e.g. [1]).

4. Procedure:

The article is to be signed by the author and recommended for publishing by the faculty board. The following papers are to be attached: summary in the original language (100–150 words), summary in English (2–3 sentences; the author's personal information (place of work, position, degree, address, contact telephone number).

5. The measurements used in the text are to agree with the International Metric System.

6. On the decision of the editorial board the article is submitted for annotation. If the article is returned to the author for further consideration, it doesn't mean that it has been accepted for publishing. The improved variant is submitted to the editorial board again. The acceptance date is the date of submitting the final version of the article to the editorial office.

7. The article is to be accurately edited and adjusted by the author. Generally accepted abbreviations should be used. The works which have been published or accepted to publishing in other editions are forbidden.

Уважаемые друзья!

*Редакция журнала «Веснік ВДУ» поздравляет Вас
с Новым 2010 годом!*

*Искренне благодарим Вас
за сотрудничество и поддержку.*

Наш индекс:

– для индивидуальных подписчиков – **00246**

– для организаций – **002462**